

КОЛЬЦО ВРЕМЁН

АННА
СЕШТ

HELGA
WOJIK

ПРОКЛЯТИЕ СЕТА
ДРЕВНЕЕ ПРОКЛЯТИЕ УЖЕ ЗДЕСЬ

КОЛЬЦО ВРЕМЁН

АННА
СЕШТ

HELGA
WOJIK

ПРОКЛЯТИЕ СЕТА

ПРОКЛЯТИЕ СЕТА
ДРЕВНЕЕ ПРОКЛЯТИЕ УЖЕ ЗДЕСЬ

t.me/marketologmanager

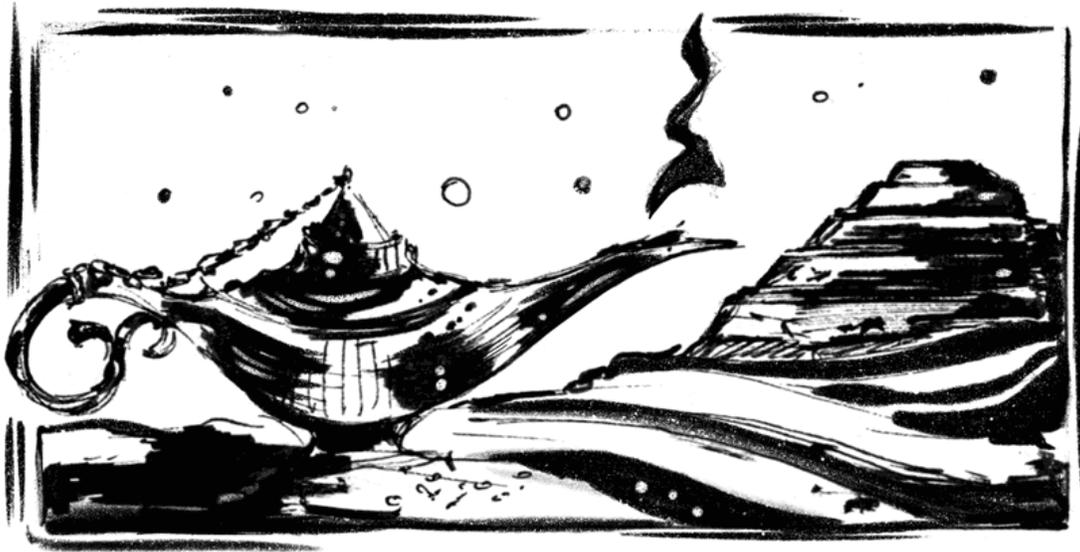
Анна Сешт

Кольцо времён. Проклятие Сета

© Сешт А., Војќ Н., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Пролог

Год 18xx, Саккара^[1]

– Анх-Джесер...

Снова этот шёпот.

Нет, показалось.

Ричард прищурился, подкрутил фитиль масляной лампы и вернулся к наброску. Рисовать при свете дня было значительно проще, но он не мог ждать – работа полностью захватила его. В последние несколько дней он утратил покой: не мог спокойно есть, страдал бессонницей. Его основным желанием было успеть запечатлеть как можно больше, словно времени оставалось ничтожно мало. И тратить его на сон и еду было кощунством. Стоило ему лишь закрыть глаза, он видел священные знаки древних, которые, казалось, понимал – но не разумом, а сердцем.

Жаль, что на ночь гробницу закрывали. Приказ господина Карима был однозначен.

– Анх-Джесер...

Ричард вздрогнул. Грифель дёрнулся, оставляя неровный жирный штрих.

Выходить из палатки художник не хотел. Ночью в пустыне было холодно. Да и змеи со скорпионами, выползавшие из своих нор с наступлением темноты, вовсе не были легендой. Вчера вот Джек и Крис вытряхивали скорпиона прямо из своего спальника. А на днях одного из рабочих господина Карима укусила змея, затаившаяся в камнях. Нет, Ричард совсем не хотел сталкиваться с ночной египетской живностью. Змей и скорпионов он готов был созерцать разве что на стенах гробницы, которую зарисовывал.

Стерев лишний штрих хлебным мякишем, молодой художник любовно провёл ладонью над почти законченным рисунком – прекрасная женщина в белых одеждах рука об руку с мужчиной шла на суд Богов, поднося им жертвы.

Имени этой женщины он не знал, а ведь именно ей принадлежал саркофаг, который Ричард тоже зарисовал, но пока не закончил. Художник разложил листы с рисунками. В неверном свете лампы, отбрасывавшей длинные густые тени, они как будто оживали. Он надеялся, что запечатлел всё достаточно точно... что в Лондоне сумеют расшифровать эти знаки и рассказать историю безымянной гробницы и её прекрасной хозяйки.

Взгляд Ричарда остановился на рисунке, сделанном, когда его впервые впустили в гробницу. Иссохший труп мужчины в неплохо сохранившейся по меркам вечности длинной набедренной повязке лежал прямо поверх саркофага, раскинув руки. Зрелище было одновременно и отвратительным, и притягательным, как всякое уродство. В сухом египетском климате тело несчастного, законсервированное на века в маленьком погребальном покое, подверглось естественной мумификации. От улыбки обтянутого потемневшей кожей черепа не по себе стало всем вошедшим. Только господин Карим остался невозмутим, спокойно стоя на пороге. Рабочие, расчищавшие вход, с криками выбежали наружу и вернулись, лишь когда он отдал несколько суровых указаний по-арабски. Арабский Ричард знал плохо, но разобрал, что речь шла о плате, обещанной лордом Карнаганом, спонсировавшим эту экспедицию. А ещё он понял, что рабочие говорили что-то о жертве и проклятии. Проклятий суеверные арабы боялись, но всё равно нанимались работать на раскопках – есть-то хочется всем.

Из троих художников, выделенных для работ, Ричард был первым, кто оказался в гробнице, и чрезвычайно этим гордился. Первый суеверный страх прошёл быстро, а с мертвецом он почти сроднился, пока спешно зарисовывал его черты – до того как люди господина Карима небрежно сняли тело с саркофага. А сегодня без особой деликатности труп упаковали в ящик.

Наверное, при жизни этот человек был красив. От чего он погиб, Ричард, конечно, не знал. Доктор Грэй – приставленный к ним врач-англичанин, – рассмотрев останки, отметил два сломанных ребра и пробитую грудину. Может, это был грабитель, оставленный здесь своими поделщиками? Но не похоже, что гробница была вскрыта до прихода их группы, хоть сокровищ здесь и не нашлось. Жертва?.. Кто их знает, этих древних египтян...

Ричард взял следующий лист, рассматривая ближе подробный рисунок руки мужчины и перстня на нём. Он перерисовал знаки на перстне так точно, как только мог. Ах, как много бы он отдал, чтобы знать, *что* стояло за этими иероглифами!

– *Анх-Джесер...*

В этот раз совсем близко, как будто прямо у входа в палатку, – полушёпот, полустон. Но лагерь охранялся – кто мог сюда попасть?

Сложив рисунки в папку, Ричард подхватил лампу и вышел в фиолетовую египетскую ночь. Светила увечная луна. В африканском небе она и правда была похожа на лодку, как её называли в древности. Крупные звёзды, яркие, как драгоценные камни, были чудо как хороши. Почти такие же можно было наблюдать в Англии, но здесь они словно расположились чуть под другим углом. Ричард невольно залюбовался, но подскочил, когда слева утробно заурчали верблюды. Этот звук, вроде бы привычный, каждый раз заставлял его вздрагивать.

«Тьфу, вот же inferнальные звери!»

Лагерь крепко спал. Как и следовало ожидать, снаружи никого не оказалось. Ветер шуршал песком. Тёмные барханы, казалось, отливали серебром в лунном свете, и мимолётом Ричард подумал, что непременно напишет картину. Руины с невысокими светлыми стенами из прямоугольных блоков, с лабиринтами переходов, почти полностью поглощённых жадной пустыней. Сложенные из кирпичей древние мастабы^[2], безмолвные памятники великих древних. Вдалеке над всем царственно возвышалась ступенчатая пирамида, жемчужина

Саккарских некрополей, первое подобное творение архитектурного гения египетских зодчих. В размерах она уступала пирамидам Гизы^[3], но была их предшественницей, и Ричард полюбил её даже больше тех трёх, известных. Теперь с Саккарой была связана его жизнь, его будущее.

Лунная лодка поднималась над ступенями пирамиды. Ричард опустил взгляд и сморгнул. Нет, не показалось – на границе лагеря по одной из невысоких, всего по пояс над песком, стен шла женщина. Тонкая миниатюрная фигурка остановилась, раскинула руки, балансируя на каменном блоке. Лёгкий ветер играл с её волосами, заплетёнными в мелкие косы, и полами длинного светлого платья. В полумраке и лунном свете волосы показались Ричарду не чёрными, а красноватыми, как песок египетской пустыни.

Обернувшись через плечо, она посмотрела прямо на художника и улыбнулась, приложила палец к губам.

Заворожённо Ричард смотрел на неё, невольно сделав несколько шагов. Он не спешил окликать её – боялся разбудить остальных. Женщина кивнула и поманила его. В ночной тишине тихонько звякнули браслеты на её запястьях.

Затушив лампу и оставив у палатки, он пошёл, даже не подумав о возможных опасностях.

Они приближались к тёмному зеву гробницы. Ночная гостья ступала неслышно, и только сейчас Ричард заметил, что она шла босиком. Очевидно, змей и скорпионов она почему-то не боялась.

В паре десятков шагов она снова остановилась, обернулась, точно перегоравшая собой вход, и серьёзно покачала головой.

Ричард сглотнул.

– Кто вы, мисс?.. – тихо спросил он, вглядываясь в её черты.

Лицо – красивое, экзотичное, с удлинёнными тёмными глазами, искусно подведёнными, – так и притягивало взгляд. Хотелось немедленно сесть и зарисовать, пока не забыл. Перенести на бумагу длинные ресницы, красиво очерченные скулы, каждую чёрточку её лица и этот завораживающий блеск глаз.

Женщина улыбнулась и приложила ладонь к груди. На пальце красовалось крупное кольцо, по форме напоминавшее то, что Ричард недавно зарисовывал.

Незнакомка указала куда-то за спину художника. Обернувшись, он понял, что она показывала на шатёр-склад, где стояли промаркированные ящики с содержимым гробницы. Днём туда перенесли и высохший труп мужчины, и саркофаг, и вывороченную часть стены, расписанной искусными мастерами древности.

Когда Ричард посмотрел на гробницу, женщина уже исчезла. Он даже глаза потёр от удивления. Ну в самом деле, не могло же показаться?..

Какая сила потянула его к ящикам, художник не знал. Тот, что служил мертвецу саркофагом, ещё не был заколочен. Повинуясь странному порыву, Ричард приподнял крышку и заглянул внутрь, с сожалением отмечая, что при переносе тело повредили, сломали руки.

Руки...

Он, зарисовывавший мертвеца до последней детали, сразу заметил, чего не хватало. «Нужно немедленно сообщить господину Кариму!»

Тяжёлый удар по затылку заставил его провалиться в темноту.

В дымке полузабытья, не в силах до конца прийти в себя, Ричард почувствовал, что его куда-то тащили, и услышал голос, насмешливый, с лёгким акцентом сказавший:

– Вечно вы, британцы, суёте нос куда не следует...

Кровь стучала в висках. Шёпот заполнил собой всё.

– *Анх-Джесер...*

Удары посыпались один за другим. Ричард пытался, но никак не мог вынырнуть из кровавого полумрака – ни крикнуть, ни даже толком вздохнуть. Лишь вспышки света и смутные силуэты мелькали сквозь полузакрытые веки. Единственное, что он мог – это видеть игру света и тьмы, слышать обрывки фраз и чувствовать боль.

Его оставили там же, в полутьме.

– Поймите, мистер О'Райли, – произнёс тот же голос, пока чьи-то руки связывали его. – Гробнице нужен новый хозяин. Новая жертва, которая успокоит её.

Он скорее почувствовал, чем увидел, как закрылась дверь, отсекая скудный свет.

Слепо щупая вокруг связанными руками, Ричард понял, что оказался в темноте не один. Его бросили поверх ещё двоих – рабочих в длинных галабеях^[4]. Но эти тела были холодны. Казалось, их холод передался и ему. Ледяной страх сковал его душу.

Когда он закричал, расходуя драгоценный воздух, было слишком поздно. Грохот камней снаружи возвестил ему о том, что вход завалило.

Глава 1. Гости из песков

Год 18xx, предместья Лондона

– Добро пожаловать в Стоун Крик! – жизнерадостно басил лорд Карнаган, сердечно приветствуя каждого из гостей. – Да-да, вы не ошиблись, леди Дерби: чудо ждёт нас именно сегодня. Уверяю, такого вы ещё не видели... Сэр Уоррен, как я счастлив, что недуг не помешал вам приехать. Ну разумеется, я не забыл о вашей деликатной просьбе... А-а, мистер Паттерсон, чертовски рад вас видеть! Какие новости из-за океана?..

Джонатан сдержанно улыбался, стоя по правую руку от отца, отмечая про себя постоянных посетителей. Все эти люди приезжали в поместье не впервые. Чести получить личное приглашение Роберта Карнагана удостаивался далеко не каждый, даже в среде весьма именитых представителей высшего света Лондона. Лорд Карнаган слыл человеком эксцентричным, но дружбой с ним гордились – сказывались и богатство, и определённая слава, да и, чего уж, связи в Королевском Историческом Обществе^[5].

Страсть своего отца Джонатан не одобрял, как, впрочем, и повальное увлечение высшего света ценностями канувших в Лету цивилизаций. Молодой человек мыслил в категориях выгодных вложений, реальных, прогнозируемых. Мечты лорда Карнагана-старшего получить славу как коллекционера и мецената он считал взбалмошными, хотя вслух, разумеется, предпочитал не осуждать. В конце концов, состояние отца оставляло свободу для всякого рода причуд, даже таких дорогостоящих. Да и партнёры относились к историям из глубин веков благосклонно, особенно если истории эти были не только приправлены известной долей модного нынче мистицизма, но и подкреплены реальными вещами – самыми настоящими сокровищами, редкими артефактами. Чёрный рынок древностей процветал, пока существовали любители наживы и щедрые покупатели. Ну а покупателей теперь было в избытке, вот только не у всех из них были необходимые для приобретения желанных реликвий связи.

Джонатана никогда особо не заботило, как именно и в какой из своих торговых компаний отец успел свести дружбу с нужными людьми, но эти связи сделали его одной из значимых фигур на чёрном рынке древностей. С одной стороны, лорд охотно спонсировал экспедиции и раскопки, увы, так до сих пор не снискав себе славу каким-нибудь громким открытием. С другой – он был по-настоящему знаменит в определённых кругах как коллекционер и эксперт по сокровищам Древнего Египта. Человек, способный достать всё, что угодно, – от целебного порошка из мумий до золотого перстня очередного полузабытого фараона, грозящего проклятиями из песков времени.

Да, истории о проклятиях нынче любили. Новые веяния моды.

Гости мелькали как в калейдоскопе, и Джонатан исправно нёс службу, отмеряя улыбки, кивки, оставаясь в тени отца и заставляя его сиять ещё ярче.

– Приятно было получить приглашение, – проскрипела леди Дерби, дожидаясь, пока наследник запечатлеет своё уважение ритуальным поцелуем её иссушенной кисти в перчатках из белой лайки.

– Как мы могли забыть о вас, – рассмеялся лорд, и, стоило старушке отойти, добавил шёпотом сыну: – Когда она писала чуть ли не каждую неделю, уточняя время следующего «салона».

– Джонатан, мой мальчик, слышана о твоих успехах! Достойная смена лорду Карнагану, разве что всё ещё не хватает той же страсти.

Безукоризненно-учтивая улыбка, застывшая на губах Джонатана, угасла под взглядом агатовых цыганских глаз. Сейчас этот взгляд был приветлив, а всё равно вызывал в нём смутный первобытный страх. Мадам Анабель, известная в узких кругах Европы медиум и спиритуалист, с которой отец свёл знакомство давно, ещё в одну из своих поездок в Каир, была постоянной гостьей в доме Карнаганов.

– Иногда такого рода страсть расцветает позже. Как хорошему вину, ей необходима проверка временем, – рассмеялся отец и похлопал сына по плечу.

Нынче высокие собрания не обходились без медиумов и прочих высокоуважаемых шарлатанов, способных объявить тебя кем угодно, от царевны до величайшего полководца древности, были бы деньги.

Было в этой, с позволения сказать, даме что-то тёмное, пугающее, особенно когда она смотрела исподлобья, из-под своей яркой чалмы, прямо в душу. Задумчиво покусывая неизменный длинный мундштук, она изрекала что-то чрезвычайно значимое глубоким грудным голосом. И казалось, что этот голос и правда способен звучать откуда-то из-за грани, подчиняясь духам древних мертвецов. Или не очень древних... ведь, впервые оказавшись в поместье Стоун Крик, мадам Анабель точно назвала даты жизни, смерти и обстоятельства трагической гибели юных Лили и Роуз, чьи портреты висели над лестницей.

Глупости, конечно. Скорее всего, отец рассказал, или навела справки. Уж что-что, а наводить справки шарлатаны умели мастерски – тем и жили. Правда, некоторые вещи не мог объяснить даже такой скептик, как Джонатан.

Мадам Анабель раскладывала потёртую колоду Таро – большие, с ладонь, карты с египетской символикой – и умело предсказывала наиболее выгодные соглашения и удачные экспедиции или, напротив, предупреждала об опасностях. Сбывалось, как говорили, всё. Джонатан и сам видел, но думать об этом старался поменьше – хватало с него мистики на этих званых ужинах, где он и рад был бы не появляться, да не мог, если рассчитывал унаследовать большое состояние отца. А отец всем сердцем надеялся, что страсть к

древности в сыне всё-таки расцветёт, потому пропускать «званные вечера» не получалось ни под каким благовидным предлогом.

Впрочем, сегодня лорд Карнаган приготовил для всех нечто действительно удивительное... удивительное даже на взгляд его сына-скептика. Взглянуть на содержимое ящиков, привезённых Каримом и его людьми, раньше времени отец ему не позволил – обещал невероятный сюрприз.

Вечер шёл своим чередом. Гости, разделившиеся на группы и шумно что-то обсуждавшие, уже проявляли нетерпение. Присутствие мадам Анабель, вызывавшее неизменный ажиотаж, успокаивало самых нетерпеливых. Укутанная в многослойные яркие шали из тонкой дорогой шерсти и шёлка поверх строгого тёмного платья, она притягивала внимание, точно экзотическая птица. Даже Джонатан, предпочитавший не смотреть на эту гостью праздника, то и дело оглядывался на обтянутый тёмным атласом столик, специально для неё приготовленный. Там Анабель делала желающим расклады, прозревая тайны прошлого и будущего. В данный момент она вела беседу с мистером Паттерсоном, богатым американцем, выкупившим некоторые экземпляры из коллекции Карнаганов.

«Не иначе как вещает ему, что в прошлой жизни он был Александром Македонским», – насмешливо подумал Джонатан и поспешил отвернуться, когда медиум загадочно улыбнулась ему поверх плеча Паттерсона.

Молодой человек предпочёл заняться другими гостями. Сэр Уоррен рассказывал ему о чудодейственных свойствах порошков из мумий, которыми промышлял отец, – мол, порошок этот и с подагрой прекрасно справляется. Престарелый сэр Суррей добавил, подмигнув, что и продлить силы и молодость мужчине порошок вполне способен, если Джонатан понимал, о чём речь. Джонатан понимал. Леди Дерби, хихикая, добавила что-то о сохранении красоты. Молодой человек тут же сделал комплимент её прекрасному внешнему виду, про себя отметив, что престарелая леди уже сама потихоньку начинает походить на мумию.

Отец нехотая исчез, и всё бремя оказания гостеприимства теперь легло на молодого хозяина. Но благородное собрание жаждало чуда, которое готовил лорд Роберт.

Джонатан затруднялся сказать, когда в высшем свете получили распространение званые вечера с разворачиванием мумий. Учитывая активную деятельность расхитителей гробниц и охотников за сокровищами, добыть целый, нетронутый экземпляр, а не фальшивку, сфабрикованную умельцами из разных частей тел, было делом нелёгким. Молодой человек и рад был бы не знать всех деталей, но «семейное дело» накладывало отпечаток, приходилось разбираться и в таких вещах. Со временем египетская история даже стала вызывать в нём интерес, но до страсти лорда Роберта, как верно отметила медиум, ему было далеко.

Основная ценность нетронутых мумий заключалась в том, что они не были просто царственными трупами. Это знали ещё мародёры древности, благодаря которым огромный пласт истории был утрачен навсегда. Сложный загробный культ древних египтян подразумевал охрану мертвеца на всех уровнях бытия. Погребальных текстов было недостаточно – умершему требовались обереги. Множество амулетов, скрытых между слоями покровов, затвердевших от бальзамирующих составов и времени, – вот что представляло собой настоящую ценность. Великие люди древности выставлялись на потеху, и каждый из гостей таких вечеров, попасть на которые можно было только по личному приглашению, получал в подарок самый настоящий древнеегипетский амулет.

Ну и, конечно, целебный порошок. Охота за чудодейственными порошками из перетёртых частей тел древних мертвецов, «переживших» века, на пользу сохранению истории не пошла, но внесла свой вклад в состояние Карнаганов. Этим порошкам присваивались магические свойства лекарств от всех болезней и разве что не эликсира вечной юности. Но матушку, несмотря на старания отца, в своё время не спас никакой порошок – сгорела от лихорадки.

Джонатан слышал, что те, кто относился к мумиям с куда как меньшим пиететом, пускали их на удобрения и даже якобы на растопку паровозов. И он не знал, что пугало его больше – такое вот кощунство... или мистические званые ужины, где от количества мудрёных таинственных бесед, крепких напитков и выкуренного опиума стирались границы реальности.

Лавируя среди гостей, для каждого находя подходящее любезное слово, Джонатан успевал отдавать распоряжения слугам о смене

закусок и напитков. Двери в зал, где должно было состояться основное действие, по-прежнему были закрыты, и он не решился нарушить приказ отца и заглянуть внутрь. Там была святая святых, храм истории и мистерии.

Светские беседы уже успели всем наскучить. Джонатан присоединился ко всеобщему ожиданию, с маской заинтересованного наследника выслушивая самые нелепые предположения о сути грядущего сюрприза.

Наконец раздался долгожданный звон колокольчика, заставивший все голоса смолкнуть. Двери распахнулись. Внутри царил колдовской полумрак.

На пороге показался господин Карим, благородный араб неопределённого возраста, – давний партнёр отца и основной поставщик чудес его коллекции. Джонатану казалось, что с годами он не менялся вовсе, разве что прибавилось серебра в висках и аккуратно постриженной бороде. Одевался Карим всегда безупречно, по последнему слову европейской моды, ничем не уступая гостям лорда Карнагана, но носил неизменную бордовую феску.

Араб чуть поклонился, но сделал это с таким достоинством, что скорее присутствующие должны были почувствовать, какую он оказывает им честь. Даже Джонатан, знавший его не первый год, преисполнился благоговения.

– Они ждут. Прошу вас, – пригласил Карим с грациозным жестом и отступил в полумрак.

В наступившей тишине мадам Анабель возвестила торжественно, замогильно:

– Мы готовы к встрече с тобой, о высочайшая гостья из песков!

«С чего она взяла, что это будет именно гостья?» – подумал Джонатан, перешёптываясь, благородные дамы и господа потянулись в зал. Один за другим внутри вспыхивали огни хрустальных светильников, а искусно расставленные зеркала преломляли пространство, расширяя его, добавляя атмосферы мистичности. Яркие восточные ковры, устилавшие пол, приглушали шаги.

У дальней стены стояли те самые ящики, в которые отец не разрешил заглядывать. Но не они притягивали взгляды восхищённых гостей. В центре зала располагался большой стол, на котором стоял антропоморфный саркофаг^[6] – прекрасно сохранившийся, яркий,

украшенный росписью и золочёными узорами. Давно Джонатану не доводилось видеть такой красоты, и он невольно замер, силясь разглядеть умиротворённое лицо на крышке.

У стола ждал сам хозяин, лорд Роберт Карнаган.

– Леди и джентльмены, позвольте представить вам главную гостью нашего вечера! – произнёс он и указал на саркофаг. – Красавицу древности, прибывшую к нам из далёких земель Египта.

Мадам Анабель получила свою порцию славы, предугадав пол мумии. Гости восхищённо ахали, едва не позабыв о правилах учтивости, не позволяющих толпиться у стола в попытках рассмотреть и потрогать саркофаг. Два молчаливых араба помоложе, подчиняясь жестам Карима, проводили присутствующих на их места вокруг стола, на некотором отдалении.

В тот момент, глядя на отца, полного достоинства, гордости, радости, Джонатан подумал: «А и ладно! Чем бы ты ни увлекался – главное, что ты абсолютно, по-настоящему счастлив», – и, улыбнувшись отцу, расположился среди гостей.

– Имя её, увы, неведомо нам, но надписи позволяют сказать с уверенностью: эта леди носила титул царской дочери, – сказал лорд Карнаган.

Люди Карима быстро, слаженно открыли один из ящиков и извлекли оттуда небольшую каменную стелу, закреплённую на деревянных дощечках для сохранности. Впрочем, Джонатан не был уверен, что заштукатуренный, расписанный яркими иероглифическими надписями кусок камня был именно стелой, а не выломанным куском гробничной стены. Стелу – или фрагмент стены – пронесли по кругу, позволяя каждому из гостей рассмотреть.

– Доблестные храбрецы Карима вскрыли неизвестную доселе гробницу, но, увы, вход осыпался быстрее, чем всем нам бы хотелось, – продолжал рассказывать отец. – Её высочество прибыла к нам из некрополей Саккары. Что примечательно, её усыпальница была создана значительно позднее, чем окружающие её гробницы эпохи Древнего Царства, к которым она непосредственно примыкает...

Джонатан слушал детали открытия вполуха. Всё его внимание было сосредоточено на саркофаге и на ящиках. Неужели отец совершил желанное открытие?.. Нет, говорил, что ходы в гробницу засыпало, а кто-то – здесь дамы ахнули – даже погиб. Карим с

разрешения лорда Карнагана прекратил раскопки и компенсировал семьям погибших рабочих тяжесть утраты. Неслыханная нынче щедрость.

Что удивительно, имущества у древней царевны оказалось немного – пара кувшинов, в которых, должно быть, хранилось вино, сухие, рассыпавшиеся в труху цветы, окаменевшие лепёшки, две плетёные корзины с льняными одеяниями, небольшой ларец для макияжа и бронзовое зеркало. Всё это люди Карима извлекли из ящиков и продемонстрировали почтенной публике.

И никаких тебе легендарных сокровищ. Надежда оставалась только на самую мумию. И на последний ящик, который арабы пока медлили открывать.

Карим меж тем по просьбе отца демонстрировал присутствующим созданные при открытии гробницы зарисовки. Художникам не удалось до конца перерисовать все иероглифические надписи – гробницу засыпало раньше, – но то, что успели, они передали детально и крайне реалистично.

Один из рисунков привлёк внимание Джонатана. Захоронение было не единичным. Эта гробница стала последним местом упокоения кого-то ещё. Саркофаг располагался у дальней стены маленькой усыпальницы, а на нём лежал другой труп – точно мумия, лишённая покровов, насколько можно было судить по зарисовке. Эту мумию кто-то сложил на саркофаг так, что она раскинула руки, как будто обнимала. Увиденное произвело на Джонатана такое сильное впечатление, что его сознание, привыкшее фокусироваться на мельчайших деталях, сохранило рисунок до каждого последнего штриха.

Мадам Анабель сидела напротив него, и потому молодой человек увидел, как побледнела медиум, когда подошёл её черёд увидеть зарисовку.

– Жертва, – выдохнула она и воскликнула: – Великая жертва во имя царской дочери!

Её голос сорвался, глаза закатились, и чужими тёмными интонациями медиум произнесла несколько фраз на непонятном языке.

Потом в наступившей тяжёлой тишине кто-то из дам предложил Анабель нюхательную соль, и она пришла в себя.

«Как всегда мастерски изобразила приступ», – неодобрительно подумал Джонатан, но отчего-то и ему самому было не по себе.

Побледневшая, притихшая Анабель бросала взгляды на последний оставшийся ящик – тот самый ящик, что притягивал и взгляд самого Джонатана. Но отец умело перевёл внимание гостей обратно к основному открытию – к нетронутому саркофагу царской дочери. Люди Карима помогли ему открыть крышку и переложить спелёнутое желтоватыми тканями тело на стол, а обе части саркофага переставили к стене, чтобы все могли полюбоваться, а если желали, то и прикоснуться.

Джонатан поразился, каким тело оказалось миниатюрным. При жизни леди была хрупкой и ростом едва доходила ему до плеча. На миг он поймал себя на странном чувстве – на острой болезненной жалости. То, что должно было произойти здесь сегодня, было как-то... неправильно...

Но он не мог остановить долгожданный триумф отца и заставил себя молчать. Он молчал, когда лорд Карнаган вместе с Каримом и его людьми аккуратно снимал верхние покровы, молчал, когда они обнажали тело, слой за слоем, под восхищённые возгласы гостей высвобождая сокрытые в тканях драгоценные амулеты.

Да, царская дочь не разочаровала присутствующих – всё её богатство было при ней, бережно сокрытое на её теле. Лишённая своих артефактов и защищавших её покровов, она казалась ещё более хрупкой. С сожалением Джонатан созерцал миниатюрные коричневые ступни, изящные пальцы ног с ногтями, выкрашенными в терракотовый. Руки с хрупкими запястьями и длинными пальцами были вытянуты вдоль тела. На правой кисти красовался перстень, который лорд Роберт не стал снимать, побоявшись поломать руку царевны. Золотая печатка с вязью иероглифов, которые Джонатан не мог разглядеть со своего места, мерцала в мистических огнях светильников и манила его невыразимо... А подняв взгляд, он заметил, что даже Карим уже не казался столь невозмутимым, как обычно, – неотрывно смотрел на царевну. Что до мадам Анабель, она сидела, обняв себя за плечи, точно ей стало вдруг очень холодно, и, покачиваясь, что-то беззвучно шептала.

Пришёл черёд лица красавицы. Обнажить его оказалось непросто – ткани присохли почти намертво, и лорд Роберт опасался повредить

плоть. Он подозвал к себе Джонатана и мистера Генри Харриса, своего ассистента из Общества.

Молодой человек не любил касаться мёртвых тел, какими бы они ни были древними, но расстраивать отца не хотел. Да и, признаться, ему самому очень хотелось заглянуть в лицо царевны. Скинув сюртук, оставшись, как и отец, только в рубашке и жилете, Джонатан закатал рукава.

Не удержавшись от искушения, он дотронулся до руки мумии, на которой было надето кольцо. Волнение сыграло с ним злую шутку – на миг ему показалось, что он касается живой, тёплой кожи, нежной, умощенной благовониями. Он почти мог различить их аромат. А на крупном золотом кольце-печати, среди вязи иероглифов, Джонатан разглядел зверя – собаку с раздвоенным хвостом. Миг – и наваждение исчезло. Молодой человек отдернул руку, поправил шейный платок. Почему-то стало тяжелее дышать.

Отец продолжал что-то говорить гостям, не обратив внимания. Но два взгляда были прикованы к молодому человеку – Карима и Анабель. И от этих пристальных взглядов ему сделалось неуютно. Миг – и араб вернулся к беседе с сэром Уорреном, а медиум уже живо поддерживала разговор с леди Дерби, любуясь крышкой саркофага.

Лорд Роберт и его ассистент освободили голову, открывая волосы царевны. Дамы отметили необычный цвет первыми.

– О, да её высочество, похоже, была модницей! Посмотрите, её чёрные кудри выкрашены в рыжий!

– Может быть, и действие бальзамирующего состава, – возразил Харрис, склоняясь ближе. – Хм, или правда красила при жизни... Ну, в конце концов у древних египтян, как мы уже знаем, встречался не только чёрный цвет волос.

Джонатан посмотрел на тонкие косы, свернувшиеся вокруг головы мумии клубком змей, и поймал себя на желании прикоснуться. Потускневшие от времени, они были красно-рыжими, как песок египетской пустыни. Припорошенное пылью веков красное золото.

Молодой человек почувствовал, как его бросило в жар, и ослабил шейный платок ещё больше. Но, похоже, кроме него, этого никто не чувствовал. Разве что... Анабель и Карим?.. Нет, они больше не смотрели так пристально и неприятно.

Ценой больших усилий, с чрезвычайной осторожностью им удалось наконец освободить лицо. Джонатан не удержался от возгласа, но его возглас потонул в общем восхищённом вздохе, прокатившемся по рядам гостей.

– Как живая!

– Вы только посмотрите...

– Боже, какая редкая красота!..

– Смею напомнить, что это всё-таки труп.

– Но до чего же хорошо сохранился!

Бальзамировщики постарались на славу, а время оказалось к царевне милосердно. Её лицо, иссушенное веками, сохранило свою форму – тонкость благородных черт, загадку улыбки. Но самым прекрасным – и жутким! – были её глаза, живые, смотрящие с мёртвого лица!

– Имитация из алебастра и цветного стекла, – авторитетно пояснил лорд Роберт. – Удивительно искусно сделаны, согласитесь. Нет, определённо, я хочу сохранить эту прелестную головку.

– Г-головку?.. – упавшим голосом переспросил Джонатан, не в силах отвести взгляд от лица. – Отец, ты же не собираешься расчленять её... и использовать для изготовления порошков?..

– Почему нет? Она прекрасно сохранилась. Застывшая в вечности юность и красота.

Джонатан почувствовал, что к горлу подкатил ком, а в голове помутилось.

«Ещё немного – и рухну в обморок, как впечатлительная юная леди... Нельзя так...»

Гостям наконец было позволено подойти ближе и как следует рассмотреть царевну. Галдя, они столпились вокруг стола, обсуждали мумию со смесью брезгливости и восторга.

А Джонатан понимал, что в этот миг ненавидит их всех. Он отступил к дальней стене, к ящикам, чувствуя себя загнанным зверем, бессильным помешать тому, что произойдёт здесь после. Замерли статуями арабы, и глаза господина Карима на непроницаемом лице казались не живее алебастровых глаз царевны.

В толпе гостей ему привиделась вдруг женская фигура, которую он не замечал прежде, облачённая в длинное светлое платье. Но когда Джонатан сморгнул, то женщину уже не увидел.

– Господин Карим, – негромко позвал он, не желая присоединиться к общему ажиотажу. – Что в последнем ящике?..

Араб невозмутимо передал ему одну из папок с зарисовками гробницы и, выбрав оттуда один лист, показал рисунок.

– Это.

– Я могу взглянуть?

– Почему нет, – Карим пожал плечами и жестом подозвал своих людей.

Они вскрыли ящик и приподняли крышку, позволяя Джонатану заглянуть внутрь.

Этот мертвец сохранился значительно хуже царевны, и его руки были сломаны, отделены от тела. Должно быть, иначе он бы попросту не влез в ящик.

Молодой человек сглотнул, разглядывая. Да, он узнал – этот труп лежал на саркофаге. Мумия естественного происхождения.

Художник запечатлел именно эти иссохшие черты и оскал улыбки... Джонатан помнил рисунок во всех деталях и потому заметил: у того, кто лежал в коробке, не хватало одного пальца. А на рисунке как раз на том пальце было надето крупное кольцо-печать, похожее на то, что сейчас красовалось на руке царевны.

Что-то подсказало Джонатану, что сейчас лучше молчать. Он кивнул Кариму, чтобы закрывал крышку.

– Мадам Анабель, вы прозреваете сквозь время! – прозвучал за спиной чей-то голос, подхваченный другими.

– Кем же она была?

– Что за судьба была у нашей царевны?..

Джонатан медленно развернулся. Гости, как по волшебству, расступались. Степенно Анабель подошла к столу, склонилась над лицом мумии и долго смотрела.

– Колдуньей, – хрипло изрекла медиум наконец. – Эта женщина была могущественной колдуньей, повелевающей пламенем и песками... И чудовища пустыни ходили за ней по пятам, пожирая её врагов... И зверем ластился к её ногам огонь... Огонь! – последнее слово она взвыла.

Мадам Анабель снова впала в транс, разразилась речью на непонятном языке, раскачиваясь из стороны в сторону.

– А этот! – воскликнул Джонатан. – Кем был этот?..

Анабель развернулась к нему, сверкнув белками закатившихся глаз, и в наступившей тишине медленно двинулась вперёд. Казалось, что её тело сейчас направляет чужая воля, иные силы.

Преодолев отвращение и нахлынувший некстати первобытный страх, Джонатан распахнул крышку и отступил.

Заглянув в лицо мертвеца, Анабель прохрипела:

– Жертва... Смерть... Страшная смерть... И огонь пустыни... ласкал изнутри его кости...

С этими словами она повалилась на пол, но Джонатан успел подхватить её и перенести к ближайшему креслу. Притворялась ли мадам сейчас, он не знал – потеряла сознание она весьма убедительно.

Зал погрузился в напряжённую тишину. Кто-то нервно рассмеялся.

Но ведь они любили истории о проклятиях, не так ли?

Лорд Роберт хлопнул в ладоши, привлекая всеобщее внимание:

– Ну что ж, вернёмся к тому, зачем мы собрались здесь. Как и обещал, я предлагаю каждому из вас выбрать уникальный предмет из этой коллекции и забрать с собой в качестве подарка.

Эти слова возымели поистине чудодейственный эффект. Гости загалдели. Джонатану показалось, что Карим чуть подался вперёд, хотел сказать что-то, и выпалил первым:

– Её! Отец, я хочу забрать её!

Лорд Роберт рассмеялся и поманил сына к себе, потом отвёл в сторону.

– Джонатан, мой мальчик, я польщён, что в тебе наконец пробудилась страсть. Но мумия принадлежит нашим гостям, согласно уговору. За целительное чудо её плоти обещано многое и многими.

– Отец, я не верю в такую медицину, и ты это знаешь.

– Достаточно, что верю я и остальные. – Лорд Роберт нахмурился.

– Им разве мало артефактов? Пусть расчлениют тот труп в ящике – он и так доехал к нам почти по частям.

– Джонатан. – В голосе Карнагана отчётливо прорезались стальные нотки. – Не глупи. Я вложил в эту экспедицию немало сил и средств. И своими связями я обзавёлся именно потому, что всегда выполняю свои обещания. Надеюсь на твоё благоразумие.

С этими словами он кивнул сыну и вернулся к гостям, наперебой обсуждавшим, кто что возьмёт.

«Как на каирском базаре...» – подумал Джонатан, растерянно глядя вслед отцу и лихорадочно соображая, что можно было сделать.

И почему вдруг для него это стало так важно? Что двигало им в тот миг – страх, справедливость? Молодой человек не знал.

– Давайте взглянем на содержимое последнего ящика? – предложил он громко.

Его предложение поддержали, тем более что многие уже выбрали себе памятный оберег.

Люди Карима открыли ящик и пронесли по залу.

– Отвратительно.

– Должно быть, грабитель?.. Вот же не повезло парню.

– Ха, не иначе как прирезали свои же подельники.

– Какой мерзкий оскал.

– Не представляет собой никакой ценности.

– Его ведь тоже можно пустить на целебный порошок?..

– Нет, в его плоти нет древних бальзамов. Это просто иссушенный труп.

– Ну, тогда разве что в коллекцию Королевского Исторического Общества.

Обрывки фраз долетали до Джонатана.

...не представляет...

...собой...

...никакой ценности...

– *Анх-Джесер*...

Шёпот прокатился по залу, но, похоже, кроме него, никто этого не услышал. Молодой человек озирался, пытаясь найти источник, потом успокоил себя, что показалось. Неудивительно в общем гуле смеха и разговоров. Отец как раз объявил о расчленении царственной мумии и о том, что попробовать немного целебного порошка каждый сможет прямо здесь, прямо сегодня.

Анабель распахнула глаза. Поскольку больше было некому, Джонатан бросился к ней первый и услышал хриплый шёпот.

– Голос пустыни... Карающее пламя...

Он обернулся в тот момент, когда Генри Харрис отделил голову царевны от тела и торжественно возложил на бархатную подушку. Алебастровые глаза сверкнули отражёнными огнями светильников. Её

высочество улыбалась царственно и снисходительно, наблюдая сквозь века, как люди разделяют на части её тело.

Джонатан плохо соображал, что делает. Воспользовавшись общей восторженной суматохой, он протолкнулся к столу, подложил ладонь под тонкую мёртвую руку и дёрнул на себя. Сквозь гул он не различил даже щелчка, но кисть царевны, украшенная золотой печатью, осталась в его пальцах. Молодой человек поспешил спрятать её на груди, под жилетом.

Безумное веселье набирало обороты. Нет, он не хотел быть частью этого, и готов был рисковать даже гневом отца. Впрочем, отцу сейчас было не до него – он был на пике своего триумфа.

Улучив момент, Джонатан схватил сюртук и выскользнул из зала, никем не замеченный, а потом выбежал из особняка.

Бежать. Бежать куда угодно, только подальше отсюда – от огня хрустальных светильников, отражённого в слишком живых глазах, от рёва восторженных возгласов и дикого, полубезумного смеха.

И он бежал, не разбирая дороги, прижимая ладонь к груди, поверх хрупкой мёртвой руки.

О пожаре в поместье Стоун Крик Джонатан узнал немногим позже, из лондонских газет.

Что стало источником возгорания, для полиции оставалось загадкой. Расследование быстро закрыли по просьбе единственного наследника лорда Карнагана, не желавшего скандальной славы.

Чудом уцелели фамильные портреты и проклятая коллекция отца, как будто огню было дело до предметов искусства.

Не выжил никто.

Глава 2. Приглашение

Год 2019, Москва

Апрель радовал теплом даже ранним утром. Лесопарк окончательно сбросил оковы зимней спячки – а зима, как водится, изволила задержаться ещё и на март – и бодро распушался сочной зеленью.

Бег по Сокольникам всегда действовал на Якоба благотворно. Полчаса с любимой музыкой, полная концентрация на пути и в то же время чистое удовольствие от движения. Запах почти настоящего леса, аромат кофе в руках случайных прохожих, бодрые псы и их сонные хозяева – всё это успокаивало, дарило уют и иллюзию стабильности.

Лесопарк был одним из немногих довольно-таки *живых* зелёных мест Москвы. Всё ещё больше лес, чем парк. Сворачивая с усыпанной мелкими камешками «тропы здоровья» на одну из боковых дорожек, облюбованную больше собачниками, чем бегунами, Яша усмехнулся. Краем глаза он замечал смутные силуэты среди деревьев. Невидимые обитатели радовались теплу не меньше, чем ежедневные посетители. Якоб не стал гадать, кто решил показаться на этот раз.

Маленькая чёрная кошка, появившаяся из ниоткуда, тёмным клубком бросилась ему под ноги и совершенно беззвучно исчезла в зарослях. Якоб резко остановился, чем вызвал удивление встречного бегуна.

– Угровишь ты меня однажды, Лидка! – улыбнулся Яша и посмотрел в сторону деревьев. – Опять готовишь для меня интересные вести?

Конечно же, в кустах никого не оказалось. Эта кошка, которую не видел никто, кроме него, начала являться к Якобу вскоре после травмы. Черепно-мозговая и полугодовая кома не прошли даром. И Лидка, получившая свое имя за талант появляться в преддверии необычных событий, была не единственным гостем сна его разума. Lead-Лидка, его личная маленькая ниточка в мир таинственного и, как ни парадоксально, способ удержаться в реальности.

Телефон на плече пикнул. Пора.

«Ещё один кружок, и домой», – решил он.

Его ждали душ, свежая одежда и нудная дорога в центр.

– Лидка, кофе мне не сварить? – крикнул Якоб из душа, подставляя лицо под прохладные струи. – Ну, вдруг ты ещё и такое умеешь.

Закрутив краны, он вылез из кабинки и прошлёпал босыми ногами на кухню. Здесь ожидаемо не оказалось ни кошки, ни кружки с бодрящим напитком.

– Вечно вы так, – полушутливо проворчал он. – Только хвостом вилять горазды.

Якоб нажал кнопку кофемашины и ткнул ноут:

– Просыпайся, дружок, и сообщи мне что-нибудь доброе, желательно в легко конвертируемой валюте.

Кофемашина, забурлив, зашипев, извергла двойной эспresso.

– Благодарю, что б я без тебя делал, – Якоб взял кружку, влез в кресло и продолжил проверять почту.

Как обычно, спам, счета и пара приглашений на сомнительные вечеринки. Уведомления от сайта знакомств, хостинга, Букинга.

– Что ж, Лидка, мне три раза подмигнули на Дарлинге, а Букинг предложил провести выходные в Турине^[7]. Так что знай, у тебя шаткое положение, а ты ещё и кофе мне не варишь!

На телефоне заиграл «Пер Гюнт» – сам горный король пожаловал.

– Где тебя носит? – проревела трубка.

– Я тоже рад вас слышать, шеф, – Якоб отодвинул трубку подальше.

Главред всегда начинал разговор с этой фразы, вне зависимости от времени суток, дня недели и природных катаклизмов. Существовала легенда, что у таких, как он, вся жизнь – работа, а работа – жизнь, и иной точки зрения просто быть не могло.

– Уже еду, – на автомате ответил Якоб, нажимая кнопку подмигнуть в ответ уже третьей девице.

– И сразу ко мне. Тут для тебя как раз дельце намечается.

А вот, похоже, и причина, почему снова «приглючилась» его призрачная кошка.

– Слушаюсь и повинуюсь!

Но эти слова уже были сказаны в пустоту – главред никогда не прощался.

Заперев дверь, Якоб подошёл к лифту, ткнул пару раз кнопку – опять не работает.

Где-то между четвёртым и пятым этажами дорогу ему преградила старушка с адским псом. Зверюга могла с лёгкостью пройти кастинг в очередную экранизацию «Омена», потому как выглядела вполне дьявольски. Но Якобу не раз приходилось сидеть со зверем, ещё когда тот был смешным толстолапым щенком. Так что он точно знал «на лицо ужасные, добрые внутри» было как раз про эту несостоявшуюся звезду Голливуда.

Казалось, с прошлой их встречи Жорик раздался ещё больше. «Когда ж он расти-то перестанет?»

– Баб Глаш, говорил я вам, не кормите Жорика свежатиной, вон какого монстра создали, – кивнул Якоб на слюнявую морду ротвейлера и пропустил старушку с чудовищем на поводке.

Жорик чинно вышагивал рядом – на поводке он всегда был смирный. И не скажешь, что носился по парку как угорелый, стоило только спустить.

– Да это всё Машка, вечно в разъездах, а я за Жоркой смотри, – отдышавшись, пожаловалась бабуля. – Говорю ей, заведи лучше мужа, чем это.

Баскервильный Жорик прижал уши и скосил взгляд. Перспектива быть заменённым каким-то мужем ему явно была не по душе.

Старушка поймала мысль, причмокнула, хитро прищурилась и спросила:

– А ты, я смотрю, Яшенька, тоже всё один. Да и с Машкой вы давно дружите. Может...

– Рад был встрече, баб Глаш!

И Якоб, обогнув зверюгу, быстренько поскакал вниз по ступенькам, предчувствуя очередной сватовской намек из уст чрезмерно заботливой дамы.

«Раскопки» у метро явно не близились к завершающей стадии. Плакаты всё так же сообщали: «Стройка – на время, метро – навсегда», но, учитывая сдвинувшиеся ещё года на три сроки, заявление было, мягко говоря, лукавым.

«Золото партии ищут, не иначе», – подумал Якоб, спускаясь в метро.

Час пик традиционно превратил подземку в местный филиал зомбиапокалипсиса. Лавируя в потоке людей, Якоб в очередной раз размечтался, что хочет жить в дремучей тайге в полном одиночестве, но с вайфаем и горячей водой. Вагончик, наполнив свою утробу людьми, как кит крилем, закрыл двери, объявил следующую станцию и помчался. Если треть жизни человек тратит на сон, то москвич минимум одну десятую проводит под землёй. Хорошо, что в туннелях кроме людей есть много чего интересного. Нужно лишь тщательно всматриваться во тьму за окном. Не зря ведь диггеры рассказывали свои байки... Но вот сегодня утром Якоб мог лишь разглядывать рыжую бороду огромного детины, залакированный локон дамы бальзаковского возраста и пару-тройку разноцветных беретов.

«Дай мне, Ктулху, терпения не пробудиться до самой «Библиотеки», – подумал Якоб и постарался повернуться так, чтобы не клюнуть носом рыжую бороду соседа и не познать его рацион за последние пару дней.

Маленькая редакция ютилась в старых арбатских дворах. С одной стороны, престижно, центр, чем немногочисленные сотрудники очень гордились. С другой – невысокие здания центра успели повидать ещё царей и русских классиков, и некоторые, кажется, не реставрировались с тех самых пор.

Главред заметил его сразу и, выгнув бровь, поманил двумя пальцами в кабинет. Якоба терзали подозрения, что научился этому Сан Саныч из сериала про ФБР, но спросить он не решался.

– Держи, Войник, – главред протянул ему конверт. – Ты идешь в музей. Благо тут недалеко, поэтому служебный транспорт не брать! И чтобы анонс был через полчаса, а развёрнутая статья – завтра утром.

– В музей? – голосом обречённого на казнь протянул Якоб. – Я слишком юн, чтобы перейти в колонку «Культура».

– Именно поэтому туда идешь ты.

Якоб вынул из конверта приглашение. На дорогой бумаге был оттиск портика – логотипа Пушкинского музея, – а рядом золотом выведены несколько иероглифов.

– Кормить будут, – присвистнул Яша, пробежав текст внутри.

Сан Саныч хмыкнул и указал на дверь, грозно повторив:

– Утром!

«Пески времени: тайны, что скрывают мумии» – так официально называлась выставка.

Якоб уселся в рабочее кресло, крутанулся и вспомнил своего друга Борьку. Ну, звали его, конечно, Колька, а вот фамилия Боркин вызывала такую путаницу, что даже учителя называли его Борькой. Однажды Борька затащил его в музей, дабы приобщить к великолепию царей Нила. Было это лет пятнадцать назад.

– Постоянная экспозиция египетского зала что в Пушкинском, что в Эрмитаже может разочаровать тех, кому довелось побывать в Британском музее Лондона, в «Метрополитене» Нью-Йорка или тем более в Каирском музее древностей, – вещал толстенький подросток в очках своему приятелю, который предпочитал видеть мумий в кино.

Борька сложил руки за спиной, покачал головой, проникаясь мировой скорбью:

– Что поделать, мало копали русские в Египте – англичане, французы и немцы успели побольше. А потом, как водится, пришли американцы и перекупили весьма существенную часть наследия.

– Борька, ты же, кроме Пушкинского, и не был нигде! – засмеялся Яшка, за что получил разряд осуждения из глаз смотрительницы.

– Я, можно сказать, был везде. Время и пространство не имеют значения, когда с тобой хорошая книга! – и Борька поднял вверх

указательный палец.

Яшка покосился на смотрительницу. Бабуля чуть ли не пустила слезу, залюбовавшись на столь прелестное создание, как гиканутый на Египте Борька. Якобу же опять прилетела лишь порция Зевсовых молний, даром что греческий зал остался позади.

– И хотя, может, особо хвастаться нечем, – продолжал просвещать Яшу друг. – Зато смотри, как круто оформлен зал! Создаёт необходимую атмосферу древней мистики, подчёркивая каждый предмет нашей небольшой коллекции. Он построен по образцу колонного зала Аменхотепа III^[8] в Луксоре^[9]. Видишь, колонны в виде связок папируса поддерживают потолок, расписанный, как ночное небо... – Борька ткнул друга в бок и заставил задрать голову. – Ну, ночное небо в представлении древних египтян, которое они изображали в своих гробницах.

Якоб вынырнул из прошлого. Да, Борька отжигал прямо-таки экспертно. Чего стоили скандалы в школе, когда он довёл практикантку по истории до белого каления, то и дело уточняя и поправляя. Но детство детством, а до сдачи анонса оставалось не так уж много времени.

Насколько Якоб помнил, масштабных выставок, посвящённых Древнему Египту, в России не организовывали очень давно. Видимо, знающие люди считали, что кто хотел приобщиться к истории фараонов, мог махнуть в отпуск в жаркие пески и посмотреть всё уже там. Правда, в 2015-м Египет закрыли для посещения, ну да кого это останавливало? Страждущие свести знакомство с фараонами и любители дайвинга, как Машка-соседка, летали через Минск и Стамбул. Теперь Египет снова был открыт, и кто-то как будто подгадал время правильно. В Питере недавно проводили выставку «Загадка Тутанхамона», с копиями предметов из знаменитой гробницы. А до Москвы добрались «Пески времени», которые в размахе могли сравниться разве что с приездом уже настоящих сокровищ Тутанхамона ещё в далёких 70-х.

Якоб присвистнул: организаторы обещали устроить «Пескам» тур по всем крупным городам России. Отличная мысль, учитывая, что за МКАДом цивилизованная жизнь не заканчивалась.

Он не был экспертом по мифологии Древнего Египта, но на обывательском уровне разбирался неплохо. У него и майка была с подходящим принтом. Над улыбающимся во всю пасть зверем Сета значилась надпись: «Я – ша». И да, Яша купил её не только из-за созвучия имени. А помимо Анубиса, Гора и Исиды он мог припомнить ещё Нут, Тefнут и Тота, хотя, конечно, не сумел бы назвать всех египетских божеств. Их как-никак было около двух тысяч.

В своё время, будучи проездом в Турине, Якоб познакомился с небезызвестным папирусом^[10]. Вот этот самый папирус и лез ему с тех пор в голову, стоило поднять тему Египта. Да так поднять, что потом не опустить. Туринский папирус и Борька – отличный ассоциативный ряд. «Тьфу, нецензурщина какая».

Но так чтобы вот совсем разбираться в вынимании мозгов через нос, порядке династий фараонов по Манефону^[11] и иероглифической символике – тут он, увы, ушёл не многим дальше романов Хаггарда и фильмов про злобных мумий.

Якоб наступал уже тысячу знаков анонса, но всё не мог нащупать главный крючок. А если не в культуре дело, то в чем? Ну не по майкам же главред его выбрал? Сан Саныч тот ещё доморощенный Йода. Распределяя задания по своим «джедаям», он чувствовал себя тем Сфинксом, задающим загадки несчастному путнику. А потом Эсэсче с наслаждением наблюдал, как морщились лбы его подчинённых, пытавшихся подать тему под нужным ему углом.

Якоб потёр шею. Он уже построил пирамиду анонса, осталось лишь вершинку надеть – ёмкую, главную. Вот она что-то и не шла.

Пообщавшись немного с Гуглом, Войник понял, отчего получил это приглашение и материал. При всей уникальности и размахе выставки, Саныча не интересовала просто статья о полуистлевших забинтованных египтянах. Важнее было, что стояло за этой выставкой, а вернее, *кто*. В спонсорах значилась пара известных имён русских бизнесменов, в частности краснодарского олигарха Волчко, который внезапно для многих прослыл знатоком культуры, а не одних только валютных котировок. Эти толстосумы с сомнительной репутацией явно будут присутствовать на торжественном открытии. Они и есть цель.

Влиятельные люди подключили свои связи – возможно, выставке предстояло перейти в закрытый аукцион, как иногда случалось. Сюда

привезли редкие жемчужины частных коллекционеров. Так чуть ли не впервые свою коллекцию египетских древностей демонстрировал наследник миллионного состояния и страстный коллекционер Артур Стоун, лорд Карнаган. Якоб усмехнулся, отметив созвучность с фамилией лорда Карнарвона, спонсировавшего самое громкое египетское открытие прошлого века – раскопки гробницы Тутанхамона. Потому-то он эту фамилию и запомнил... и вспомнил, где ещё слышал её.

Буквально год назад, в Каире. Летал тогда через Стамбул, как и советовала Машка, – уж очень Борька просил, хотел показать, как он там обосновался. Борька, а точнее, Ник, как теперь себя любил называть Николай Боркин, всё-таки исполнил свою детскую мечту стать египтологом и уже четыре года как жил в стране фараонов, устроившись ассистентом профессора при Каирском университете. Если Якоб когда и видел человека, по-настоящему счастливого от того, как сложилась его жизнь, – то это, безусловно, был Борька. Вот уж кто бредил фараонами и знал гораздо больше всех его знакомых вместе взятых.

Профессор Джеймс Тронтон, именитый египтолог, давал тогда редкую лекцию про Второй Переходный Период^[12] и женщин фиванской войны, храбрых цариц, возглавлявших восстание против гиксосов.

Вот когда всплыло имя Карнагана. Его коллекция относилась к эпохе на стыке династий, Семнадцатой и Восемнадцатой^[13]. Тронтон проводил экспертизу экспонатов, в том числе какой-то мумии, доставшейся англичанину от его предков-археологов.

«Ведьма Сета», пафосно заявленная в списке экспонатов, – уж не о мумии ли англичанина как раз была речь?.. Правда, организаторы явно решили попиариться за счёт Тома Круза и «Принцессы Египта». Амунет-то в фильме как раз заложила душу «богу зла и разрушения», в фильме смахивающему на старого доброго христианского дьявола. Реальные египтяне дьявола не знали и залогом души в традициях доктора Фауста не баловались. Но кинематограф уже не впервые охотно переписывал историю и мифологию во славу божеств маркетинга.

Якоб подтянул стационарный телефон и набрал код Египта. Дозваниваться Борьке по ватсапу было бесполезно – он вечно терял

мобильник. Точнее, то терял, то крали – современные египтяне были народом предприимчивым.

После нескольких гудков трубку сняли. Знакомый голос произнёс длинную фразу по-арабски, из которой Яша уловил только «профессор Тронтон» и «Ник Боркин».

– Даже прикидываться не буду, что понял, Борька, но надеюсь, это не было чем-то похабным.

– О, Яшка, привет! – перешёл на русский собеседник. – Сколько песка утекло!

– И не говори, скоро этот песок из нас самих посыплется! Слушай, у нас сегодня открывают выставку с мумиями и приманивают на некую «Ведьму Сета». Можешь мне что-нить умное сказать про неё? И главное, интересное, а желательно о её владельце.

– Ведьма Сета, говоришь, – судя по голосу, Борька напрягся. – Это не Стоун ли, свет наш Карнаган, у вас решил вывернуть закрома?

– Ага, он самый. Я помню ту лекцию в Каире.

– Не знаю, зачем он решил сделать такой «каминг аут» с головой, учитывая всю историю его коллекции, но этого следовало ожидать. Не просто же так он заказывал дорогую экспертизу.

– Рассказывай, не томи. Да и связь-то не копеечная с вашим Занзибаром.

– Я сделаю вид, что не слышал последнюю твою реплику. Так вот, та лекция Тронтона...

– Ага, мужик своё дело знает, заслушаться.

– В общем, помимо экспертизы Тронтон получил заказ на реконструкцию внешности семейной мумии Карнаганов. Тогда же, год назад. Я, если что, тоже руку приложил – сам увидишь, красотка. Мы тогда и не знали, чью голову он нам передал. А анализ показал её близкое родство с Секененра!

– С кем?

– Ну давай, вспоминай, – занудел Борька нравоучительно, садясь на любимого конька. – Кто ржал в зале мумий про «командира с пробитой головой»? Таа Секененра Храбрый, фараон, дравшийся с гиксосами. Его так с пробитой головой и забальзамировали...

Якоб вспомнил жутковатого вида мумию в каирском музее. Череп был пробит в нескольких местах, недружелюбно улыбаясь вошедшим,

а коричневая костлявая рука поверх полотна как будто пыталась оттолкнуть излишне любопытных зрителей.

Рядом с этой мумией Якобу стало откровенно нехорошо – окатило событиями, всматриваться в которые он не умел тогда, да и не хотел. Вот и пел про «командира», на нервах. А Борька обиженно цитировал Масперо^[14]:

«Удар, нанесённый топором, должно быть, рассёк часть его левой щеки, выбил зубы, сломал челюсть и свалил его бесчувственным на землю; другой удар, должно быть, глубоко рассек череп, а удар кинжала или копья в правую сторону открытого лба, немного выше глаза, довершил его жизнь. Его тело, должно быть, осталось лежать там, где оно упало, в течение некоторого времени: когда оно было найдено, то уже подверглось разложению, и бальзамирование было выполнено торопливо и наспех, как лучшее из всего, что возможно было сделать...»

– Короче, Тронтон думает, что эта царевна – а имени её мы доподлинно не знаем – была не то сестрой, не то дочерью этого фараона-героя. Вот если б уцелела и мумия героической царицы... По возрасту, по моим прикидкам, я делаю ставку на дочь.

– Так, ну уже что-то.

– Ну а имя её по какой-то причине было вымарано из всех хроник.

Яша не удержался и рассмеялся.

– Да-да, я тоже фильм вспомнил, – кисло усмехнулся Борька на том конце провода. – Её историю можно реконструировать по гробнице, но эту гробницу же ещё надо найти, повторно. Кто её вскрыл, того уж с нами нет, как говорится. Тронтон много работал с материалами семьи Карнагана. Но, если я тебе начну рассказывать подробно, ты вылетишь в трубу с оплатой связи.

– Ладно, остановимся пока на царевне, дочери храброго фараона и героической царицы. Так, а ведьма-то почему?

– Ну... – Борька замялся. – Египет – он, конечно, культура мистическая, но всё ж не настолько, как мы видели в кино. Да, на её артефактах действительно встречается символика Сета, скажем так, не самого распространённого в её время божественного покровителя. И да, при жизни она красила волосы в рыжий. Это уже при Рамессадах^[15] рыжий в моду вошёл – вон, лежит в Каире наш Великий, всем фараонам фараон, красивый и рыжеволосый. А во

времена захвата Египта гиксосами таких ну очень не жаловали. Знак Сета, как-никак – рыжие волосы, рыжая шерсть. Знак, который она предпочитала в своей жизни подчёркивать.

– Ну а твоё личное мнение какое?

– Она вполне могла быть жрицей этого божества. А его чтили и гиксосы. Египтяне тогда, знаешь, как раз вошли во вкус почитания Амона. И если учитывать, что семья её пользовалась покровительством Амона и его же прославляла в своих победах... иметь в своём стаде такую вот «паршивую овцу», да простит меня царевна, было, мягко скажем, непрестижно. Однако ж гробничку они ей худо-бедно отстроили... Короче, Яш, ты найди время и приезжай. Будет интересно – я тебе тут такого покажу!.. Да и потрындим обо всём.

– Ага... – Якоб сосредоточенно делал заметки по ходу разговора.

– Слушай, – Боркин помедлил, понизил голос, – а может, сошлѣшься больным да и не пойдѣшь никуда? Не всё так ладно с этими останками... серьёзно. Коллекция из этой гробнички Карнаганам мало добра принесла. Ну и нездоровое внимание чѣрных копателей к семейству Стоуна – уже притча во языцех. Здорово, видать, эти археологи кому-то в своё время дорогу перешли.

– Ну, где мы, а где чѣрные копатели, – рассмеялся Яша. – У нас тут своих группировок хватает.

– Может, приедешь? А то виделись сто лет назад. Тронтон, кстати, в следующем месяце опять открытый курс будет читать. Ну, не для всех открытый, но тебя-то проведу. Пять лекций, прямо в Каирском музее! С демонстрацией экспонатов! Даже потрогать можно будет.

– Соблазнительное предложение. А пахлава и прекрасные царицы будут?

Боркин рассмеялся. Они перекинулись ещё парой слов и попрощались на том, что если Ник вспомнит ещё что-то стоящее – то перезвонит.

«Странное дело, – подумал Якоб. – Когда я дошёл до жизни такой, что звоню своим и без того немногочисленным друзьям, только если мне что-то надо от них по работе?»

На часах было без десяти одиннадцать. Приём и торжественное открытие были назначены на пять. Благо сегодня Якоб был в пальто и вполне приличном пиджаке поверх джинсов – хоть ехать

переодеваться не придётся, чтобы вогнать себя в некое подобие дресс-кода.

«Может, глаза подвести, чтоб совсем за своего сойти?» – с улыбкой подумал Яша и, налив поганого кофе из редакторской кофеварки, сел дописывать анонс и готовить «рыбу».

Всё-таки интересная была история – что у Карнаганов, что у царевны... как раз из тех историй, которые касались иного слоя его восприятия. Он только-только научился жить с этим, работать, но истории не ждали и приключались с той регулярностью, с которой им нравилось.

«Надо будет и правда разузнать поподробнее...» – подумал Яша.

Отправив материал корректору, он подхватил пальто и пошёл к выходу, улыбнувшись на ходу симпатичной практиканточке. Засмущавшись, она вцепилась в папку с документами так, что побелели костяшки пальцев.

«А ты, смотри-ка, не потерял форму», – обратился Якоб к своему внутреннему эго, скармливая ему очередную порцию комплиментов.

Хотя надо отметить, что улыбнулся он не столько девушке, сколько маленькому взъерошенному существу, которое сидело на её мониторе и которое никто, кроме Якоба, не видел.

Глава 3. «Пески времени»

Год 2019, Москва

До музея Якоб решил пройтись пешком – дорога по Гоголевскому была приятной, тем более в такую погоду, да и мысли привести в порядок не мешало. По дороге забежал в «Старбакс» за стаканом большого капучино с ореховым сиропом.

Прохожих в центре всегда было немало – студенты, туристы. Хоть работающие сидели по офисам, и то хлеб. Сейчас на бульваре было свободно, и Якоб искренне наслаждался прогулкой по длинному острову зелени между двумя речками проезжих частей.

Лидку он видел ещё пару раз – один раз кошка примостилась на спинке лавочки, прямо за ничего не подозревающей старушкой, подкармливающей голубей. А потом она устроилась на ветке клёна над какой-то влюблённой парочкой и сосредоточенно умывалась.

«Стало быть, на выставку вместе пойдём», – усмехнулся Якоб, прихлёбывая кофе.

В голове витали фрагменты будущей статьи вперемешку с рассказами Борьки, смутными воспоминаниями о прошлогодней лекции Тронтона и собственными домыслами. И что всё-таки имел в виду его личный египтолог, когда сказал, что с останками не всё

ладно? Чёрные копатели, рынок незаконного сбыта древностей – всё это было таким далёким, родом откуда-то из баек Аллана Квотермейна^[16]. Яша живо представил араба в галабее и феске, с вороватым видом вскапывающего брусчатку на ночном Арбате, и фыркнул. Распрощавшись с опустевшим стаканчиком кофе у урны на Кропоткинской, он свернул на Волхонку, где, собственно, и располагался храм искусства.

Можно ли закрыть весь музей на день? Конечно! Были бы деньги, а за деньги можно и Кремль под банкет закрыть. Но организаторы пошли по пути сокращения лишних расходов и просто заняли Пушкинский в день выходного. Вход строго по приглашениям, и не во все залы музея. И кони сыты, и колесницы запряжены.

Якоб остановился у ступеней музея. Шесть колонн портика, точно стражи, смотрели на него с высоты прожитых лет и виденных лиц. Античный храм, родившийся на столах царской бильярдной. И вот спустя два века вновь вход в него был открыт лишь избранным. Пусть только на вечер, но прошлое вторгалось в настоящее, смешивая былое с грядущим. И в этой смеси плавали, словно мухи, английский лорд, загадочные спонсоры, царственные останки и он, подающий надежды журналист Якоб. Да-да, ведь именно ему предстояло слепить из новостного полуфабриката пирог с румяной корочкой интриги, сочной начинкой сенсации и долгим послевкусием общественного резонанса.

«Эх, надо было пообедать до открытия, а то с таким настроением материал потом примет разве что кулинарка», – подумал Якоб и вздохнул об упущенной возможности.

Взглянув на часы, Войник поднялся по ступеням и протянул приглашение охраннику, который больше походил на Цербера у казино из 90-х, чем стража порядка в государственном музее. Ну что поделаться, ребятам-шкафам тоже надо о пенсии думать, особенно после принятия закона о закрытии соответствующих заведений.

Египетский зал располагался сразу налево от входа, но пока был закрыт, как и часть галереи, арендованная для выставки. Ранние посетители бродили в Итальянском дворике, здороваясь и обмениваясь впечатлениями с новыми гостями и старыми знакомыми по культурным светским вечеринкам.

Девушки разносили лёгкие закуски и напитки – современные Нефертити из модельных агентств с ярким макияжем и точёными

фигурами в лёгких струящихся нарядах. Всё действие сопровождалось приятной музыкой – ансамбль радовал гостей какой-то необременительной классикой, вроде набившего уже всем оскомину Штрауса. Включить саундтрек к «Принцессе Египта» никто не догадался.

Всё это среди античных статуй, барельефов и фрагментов колоннад храмов в самом центре Москвы выглядело немного нелепым – словно перемешивало века, выплёвывая альтернативную версию истории.

В толпе гостей Якоб заметил знакомого.

– Привет, Яш, – заулыбался оператор «Культуры». – Тоже на Ведьму пришёл?

– А то ж, Ден! Будешь моим Генрихом Крамером^[17] на сегодняшний вечер?

– Я бы с радостью, но ты знаешь – моя ведьма меня не отпустит, – Ден кивнул на рыжую журналистку с идеально забранными в хвост волосами – на грани, когда ещё немного, и брови натянутся на макушку.

«О, точно – Ирочка же у нас тоже Сетом отмечена», – подумал Яша, вспоминая Борькину мини-лекцию, а вслух авторитетно заявил:

– Ты должен был предать её праведному суду только за цвет волос, не говоря уже о характере.

Мужчины рассмеялись, чем вызвали неодобрительный взгляд пары гостей и огненные молнии из зелёных глаз «ведьмы».

До открытия оставалось ещё минут пять, и Якоб решил погуглить пару имён, проверить почту – всё что угодно, лишь бы убить время. Подхватив у «Нефертити» бокал, он вышел к главной лестнице и свернул к греческим скульптурам, укрывшись от глаз прибывающих гостей у печального льва, и достал «семёрку». «Не яблоко раздора, а счастливое число древних египтян», – усмехнулся он натянутой на глобус совиной нумерологии.

Но не успел Яша приложить палец для считывания отпечатка, как услышал мужской и женский голоса. Женский практически шипел, стараясь не закричать, мужской вставлял короткие фразы, но всё время его осаживало шипение. Слов Якоб не мог разобрать, как и языка, на котором говорили. Он не успел увидеть спорщиков – удар в гонг возвестил о начале мероприятия. Все гости потянулись к началу

экспозиции, где их встречали двое накачанных пареньков в коротких набедренных повязках и масках Анубиса.

Якоб крутил головой, стараясь опознать «змею» и её жертву, но вокруг было слишком много женщин, и все они сейчас молчали.

«Эх, Борьке бы понравилось», – невольно подумал Яша, входя в залы, наполненные мистическим приглушённым светом.

Он не мог не отметить, как удачно организаторы совместили постоянную экспозицию с новыми редкими экспонатами. Даже когда привозили «Золото Трои», размах был не такой.

Точечные лампы направляли свет на экспонаты, выгодно подчёркивая детали амулетов и украшений. Золото играло бликами; к эмалям и полудрагоценным камням как будто вернулась былая утерянная с веками яркость. Целые свиты статуэток ушебти^[18] выстроились как на параде, отбрасывая мистичные тени. Яше казалось, что статуэтки двигаются, стоит только отвернуться, – как будто наблюдают за гостями так же, как гости рассматривают их.

Отдельного упоминания заслуживали саркофаги – невероятной красоты расписанные деревянные фигуры со сложной вязью ритуальных узоров и надписей, призванных облегчить путь по Ту Сторону.

«Интересно, в какой саркофажек надо лечь, чтобы по Эту Сторону поспокойнее воспринимать Ту?» – поддел себя Якоб, переводя взгляд на облачённых в бинты живых моделей, демонстрирующих особенности мумификации.

Желающие из гостей могли даже пройти имитацию обряда бальзамирования, но таких почему-то нашлось немного.

Мумии из частных коллекций привлекали внимание даже больше, чем самоцветные артефакты. Часть сохранили свои покровы, как, собственно, и мумия, украшавшая нынче основную экспозицию Пушкинского. Часть были распелёнаты, но прикрыты в целях соблюдения приличий. Мужчины и женщины родом из других эпох. Жрицы, влиятельные вельможи – кем-то любимые, кем-то ненавидимые. Разной степени сохранности лица кто безразлично, кто насмешливо взирали на живых, игнорируя брезгливость и страх, царственно принимая восхищение.

Яша задержался у витрин, но вглядываться в лики древних мертвецов слишком уж пристально не решился – побоялся, что «накроет». Потом не вынырнешь из чужих воспоминаний, так и залипнешь в обрывках других жизней... а ему ещё надо было работать.

Движение на периферии зрения заставило его обернуться к центру выставки – большой витрине, накрытой чёрным атласом. Якоб отчётливо увидел, как тень в углу задрожала, отделилась, и черная кошка с золотым украшением на шее грациозно проскользнула под тяжёлой драпировкой.

– А вот и ты, милая, – прошептал Якоб.

Подняв фотоаппарат, он сделал пару снимков без вспышки, стараясь помимо экспонатов захватить и оживлённо переговаривающихся гостей. Настроение вечеринки удалось – мрачная таинственность и веселье причудливо переплелись так же, как переплетались эпохи.

А потом зазвенели колокольчики, и смолкла музыка. На импровизированную сцену, установленную в галерее, поднялся ведущий, в начале вечера уже успевший толкнуть речь по теме: «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались». Далее шло долгое представление глубокоуважаемых спонсоров, и самая большая часть «экранного времени» отошла Сергею Дмитриевичу Волчко, о котором Яша уже слышал.

Это был крупный мужчина с каноничной стрижкой «из 90-х». Дорогой деловой костюм на его могучей, под стать античным героям из соседнего зала, фигуре, казалось, трещал по швам. Но держался он внезапно скромно, улыбался скупно, журналистам отвечал сдержанно и без эпатажа – в общем, интеллигент нового поколения. Казалось, когда микрофон передали уже коллекционерам, он даже испытал некоторое облегчение.

Публика неистово аплодировала. Якоб успевал делать снимки и краткие заметки для статьи. А вот следующий гость вечера вызывал у него интерес даже больше, чем сам Волчко.

Артур Стоун, лорд Карнаган, владелец той части коллекции, вокруг которой и была организована выставка.

Когда англичанин поднялся на сцену, Яша невольно улыбнулся – только музыки из «Шерлока Холмса» на заднем плане не хватало. Выглядел лорд как типичный британец из старых фильмов –

безупречный костюм-тройка, идеально постриженная бородка, небольшой «балласт» живота, начищенные до блеска туфли.

В своём воображении Якоб дорисовал лорду чашечку чая Earl Gray и золотую цепь карманных часов.

Стоун при помощи переводчика донёс до собравшихся свою радость от возможности впервые показать награбленные (этого он, конечно, не говорил) им лично и его предками сокровища и передал букет словесных лобзаний в адрес Волчко, а также профессора Тронтона, проводившего экспертизу. Но Тронтон приехать не смог, и вместо него за египтологическую составляющую на вечере отвечал кто-то из ЦЕИ РАН^[19].

Лорда и египтолога Якоб тоже снял и достал диктофон, намереваясь перехватить добычу из-под самого носа рыжей ведьмочки с «Культуры». Мангустом просочившись через толпу зрителей, он оказался едва ли не ближе всех к закрытым витринам.

Стоун устроил настоящее шоу «срывания покровов». Его ассистенты поднимали драпировки, точно тяжёлый занавес в театре.

– Леди и джентльмены, позвольте представить вам главную гостью нашего вечера! Красавицу древности, прибывшую к нам из далёких земель Египта, – произнёс он и указал на центральную витрину, сияющую подсветкой, отражённой в зеркалах.

Гости восхищённо ахнули. Витрина была многосоставной, и в идеальном порядке здесь были разложены артефакты хозяйки гробницы, снятые с неё покровы, что-то из погребальной утвари. Но в центре была она, притягивавшая взгляды, – голова под стеклянным колпаком, взиравшая с бархатной подушечки совершенно живыми глазами. Египтолог пояснил что-то про имитацию глаз из алебаstra и цветного стекла, но от того жуткое впечатление не исчезло.

Красно-рыжие мелкие косы змейками обрамляли иссушенное временем, но не растерявшее до конца своей красоты лицо. Яша сморгнул, когда ему показалось, что губы мумии чуть дрогнули в мрачной улыбке, и поспешил отвести взгляд к копии уже живого лица.

Шедевр профессора Джеймса Тронтона – к которому приложил руку и Борька, – взирал на гостей не менее живыми глазами. Эта красота была далека от привычного смазливового глянца. Суровая красавица с точёными чертами, мягкими губами, в уголках которых затаилась достойная зависти Джоконды улыбка. Сколько ж она сердец

съела в своё время, должно быть... Цвет кос был также реконструирован – более яркий, как если бы время не потрудились над этими волосами, не заставило потускнеть их блеск.

Якоб переводил взгляд с реконструкции на мумию и обратно. В итоге один образ наплыл на другой – голова мумии улыбнулась ему, обнажая два ряда идеальных зубов, и беззвучно прошептала что-то. Он закрыл глаза и мысленно досчитал до пяти, и, когда открыл, наваждение исчезло – мёртвый лик слепо уставился на гостей имитацией глаз.

Под головой была и другая часть мумии – похоже, единственное, что уцелело. Хрупкая, сохранившая часть покровов кисть с тонкими пальцами, с ногтями, выкрашенными в терракотовый. Блеснул свет, и Якобу показалось, что на пальце было кольцо... только показалось. А вот когда пальцы шевельнулись – чего никто, кроме него, не заметил, – он невольно отшатнулся и едва не сбил с ног красивую, уже вполне живую смуглую девушку в тёмно-синем вечернем платье.

«Жертва» вполголоса произнесла что-то явно малоприятное, но непонятное Якобу.

– П-простите, – произнёс он по-английски.

Девушка чуть улыбнулась, оценивающе посмотрев на него из-под длинных ресниц. Взгляд у неё был почти как у древней красавицы – загадка чёрных драгоценностей. Блестящие тёмные волосы, прихваченные золотыми гребнями и лёгким, в цвет платья, декоративным платком, каскадом спускались по спине.

«Арабская ночь, волшебный Восток...» – пропел слащавый голос в голове у Яши.

– Ничего страшного, – мягко произнесла она по-английски, с певучим акцентом, навевавшим ассоциации с рахат-лукумом и жаркими песками. Походя она жестом успокоила подоспевшего крепыша из секьюрити, очень похожего на ротвейлера Жорика. – Она потрясает, не правда ли? Царская дочь, жившая сотни лет назад... Колдунья, говорят. – Восточная гостья выставки рассмеялась.

В очаровании ей было не отказать. Яша нашёл в себе силы выдать вполне приличную, не идиотскую улыбку и кивнул.

– Да, действительно. Сохранилась почти идеально. А вы...

– ...из коллекционеров, да. Люблю сокровища моей страны, как далеко бы ни забрасывала их судьба. – Она печально улыбнулась. – Так

уж сложилось, что другие народы подчас помогали нашему достоянию уцелеть гораздо больше, чем мы сами.

С этими словами она плавно удалилась к столикам с шампанским, и Яша не решился последовать за ней.

Вместе с девушкой ушёл и флёр загадочного очарования; Якоб смог включиться обратно в работу. Он же хотел переговорить со Стоуном! Воспользоваться общим знакомством с Тронтоном было как раз самое время.

Гости, насмотревшись на мумию, возвращались к напиткам и закускам, и таинственная «Ведьма Сета» насмешливо смотрела им вслед. Правда, кто-то решил задержаться – внимание Яши привлекла девушка, делавшая зарисовки в блокнот. Похоже, дресс-код юную художницу не особо заботил: она носила кепку с кошачьими ушами и парой значков, один из которых был в виде собаки с раздвоенным хвостом, как у него на любимой майке. «Ого, а она в теме», – удивился Яша, знавший, что Анубис был гораздо более популярным у египтофилов божеством, чем Сет.

Самое интересное, что набрасывала девушка явно голову мумии – не реконструкцию.

– Фанатеете от древних мертвецов? – усмехнулся Якоб.

– Вся прелесть не во внешности человека, а в той истории, что стоит за ним. Вы ведь не бутылку покупаете, а вино. – Девушка улыбнулась, продолжая рисовать.

Но, прежде чем Якоб успел заглянуть, она захлопнула блокнот прямо перед его носом.

– И какую прелесть вы видите в этой голове?

Девушка внимательно посмотрела на него, слегка улыбнулась:

– Думаю, ту же, что видели и вы: историю, которую не заботит время.

Яше стало немного не по себе. Он не любил обсуждать свой посттравматический синдром и не любил ловить даже случайные намёки на него.

– Как вам выставка? – сменил тему Якоб.

– Словно мы опять в прошлом, когда мумий разматывали ради забавы. Она должна обрести покой.

– Но, с другой стороны, египтяне ведь стремились, чтобы память о них сохранилась в вечности, – заметил Яша, вспоминая Борькины

изречения. – Такого рода мероприятия их как раз... увековечивают в умах потомков.

Художница улыбнулась несколько грустно, глядя на забальзамированные голову и руку.

– Наверное, так и думали расхитители гробниц. Успокаивали себя, что работают на вечность, а не на богатых европейцев.

– Между прочим, именно европейцы вложили немало денег в сохранность этой цивилизации, – возразил Якоб и, не желая развивать конфликт, добавил будто между прочим: – Мой друг помогал профессору Тронтону реконструировать внешность царевны.

– Вот это да! – искренне восхитилась девушка, но смотрела не на Яшу, а на копию живой головы. – Ваш друг египтолог?

– О да. Ассистент профессора Тронтона, – с гордостью за Борьку подтвердил Якоб. – В прошлом году он протащил меня на закрытую лекцию про конец Второго Переходного Периода. Фиванскую войну за независимость. Вы же слышали о Таа Секененра Храбром? – ввернул он имя, которое утром напомнил друг.

– М-м...

– И его супруге Яххотеп, возглавившей восстание против гиксосов после его гибели. А знаете, что в её гробнице нашли их местную «медаль за храбрость», орден Золотой мухи? Героичная была царица, под стать мужу и своей матери Тетишери. Даже армией руководила, во как. Но Тронтон говорит, египетские женщины вообще были такие – не только красотой на весь древний мир славились, но и силой. Повезло фараонам, да? Хоть и не все так считают.

– Я думаю, сильная нация гордится и мужчинами своими, и женщинами. А эти фараоны были очень мудры, раз жёны им нужны были не только для красоты и продления рода, – улыбнулась художница.

– Ага, вот и Тронтон так заявил. И мой друг...

– Я правильно расслышал? – прозвучало рядом по-английски. – Вы друг профессора Тронтона?

Якоб обернулся. Повезло так повезло – рядом стоял хозяин коллекции собственной персоной. Всю речь англичанин вряд ли понял, но суть внезапно ухватил.

– Не совсем так, мистер Стоун, – вежливо ответил Яша, переходя на английский. – Мой друг детства, Ник Боркин, его ассистент. Я как

раз рассказывал об этом...

Якоб повернулся к незнакомке, но её уже не было.

«Жаль, даже имени не узнал», – промелькнуло в голове Войника, но мысли прервал мягкий баритон лорда. К внезапной удаче журналиста, коллекционер жаждал общения.

– Как тесен мир! С Ником я тоже знаком, – с улыбкой кивнул лорд. – Они с профессором и сделали всё это, – он обвёл витрины широким жестом, – возможным.

Именно в тот момент Якоб заметил на мизинце Стоуна кольцо. И хотя египтологом он не был, но с уверенностью мог сказать: кольцо было стилизовано под Египет, а иероглифическая вязь шла так искусно, что оно вполне могло быть настоящим. Массивная золотая печать с символами, которых он не мог разобрать. Но не спросишь же так вот, напрямую? Хотя бы почву подготовить...

– Прекрасная коллекция, позвольте заметить. У нас такой выставки не было с 70-х. В Москве, Петербурге – или Ленинграде – и Киеве тогда выставляли сокровища Тутанхамона. Фурор, – Якоб нажал на кнопку диктофона и пошёл ва-банк. – Вы окажете мне честь, дадите интервью?

– С удовольствием побеседую с вами, – Стоун чуть улыбнулся и кивнул, – тем более раз у нас есть общие знакомые.

Их прервал шум со стороны главной галереи. Гости встревоженно зашептались.

Неизвестно, как этот человек прорвался через заслон секьюрити, но только он был здесь, странный и чужой в блестящей толпе. В последний раз таких канонических колоритных бомжей Якоб видел на Ленинградском вокзале.

– Пески упокоят её, или она снова принесёт бурю! – взвыл бомж, обдавая присутствующих запахом перегара, способным мумифицировать заживо не хуже снадобий древних бальзамировщиков.

Прежде чем ребята из секьюрити подхватили его под руки, он наставил палец на Стоуна и проорал:

– Дурак, как все твои. Она уже здесь! Верни, пока жив!

Продолжал он орать «Верни!» и когда его потащили вниз по лестнице.

А потом погас свет – весь, включая тот, что освещал экспонаты, и наступила гробовая тишина.

«Тьма египетская. Вот только шампанское в кровь не надо превращать...» – вздохнул Яша.

Гости запоздало ахнули. Якоб меж тем протиснулся ближе к лестнице и успел услышать, что охранники упустили бомжа. Снизу отчётливо доносился мат.

– Вы оцените, какой ход! – не растерялся ведущий, перекрикивая толпу присутствующих даже в отсутствие работающего микрофона. – Вы же любите истории про проклятия фараонов?

Настроение гостей моментально перестроилось. Театральный ход про проклятия они оценили – бомж-то был нанят организаторами! А выл как натурально!

«Даже я повёлся», – немного злясь на свою доверчивость, а заодно досадуя на сорвавшееся интервью, подумал Якоб.

Свет вернулся так же внезапно, как и погас. Щурясь, гости смеялись и рассказывали что-то про Тутанхамона и последний фильм. Ведущий радостно тараторил в заработавший микрофон про постановку и «ха, а вы-то испугались по-настоящему!».

– Эй, кто впустил в музей собаку? – раздалось снизу. – Пшёл вон отсюда!

– Фу, облезлый какой...

– Да не трожь ты его, пусть идёт – вдруг лишайный!

Посмотреть на пса Якоб не успел – обернулся, выискивая взглядом лорда. Стоун стоял рядом со своей мумией, улыбаясь невозмутимо, как будто ничего не произошло. Но он казался бледнее, чем ещё пару минут назад. Дождавшись, пока они о чём-то переговорают с господином Волчко, Яша приблизился к англичанину – охранник не мешал, когда лорд милостиво махнул рукой.

– Может быть, побеседуем в более спокойной обстановке? – предложил Стоун. – Расскажите мне про вашего друга детства и как свели знакомство с профессором.

– Почту за честь, особенно если представится шанс узнать больше о коллекции, – с улыбкой кивнул Якоб, гадая, что успел записать на диктофон. – Когда вам было бы удобно?

Стоун подозвал миловидную секретаршу, и она доблестно отрапортовала, что свободное время было как раз завтра в обед,

потому как на вечер назначена встреча с партнёрами.

– Чудесно, – улыбнулся Стоун. – Стало быть, завтра, в обед. «Метрополь»?

Якоб не поперхнулся. Ну, в самом деле, чего удивительного, что английский лорд хотел пообедать с видом на Кремль? Это местных олигархов уже ничем не удивить.

А удача ему сегодня улыбнулась по-настоящему. Правда, ни художницу, ни восточную красавицу в синем он за сегодня больше не встретил. Но рыжая ведьма с «Культуры» таким богатым уловом, как у него, похвастаться точно не могла! Интересно, редакция погасит издержки за «Метрополь»? Ха, Эсэсче ему выделит, держи карман шире.

Когда Якоб покидал музей, дело уже близилось к десяти. Удерживать пятичасовой банкет – организаторы постарались на славу. Изрядно поредевшая толпа гостей – кто-то покинул выставку раньше – рассаживалась по машинам и разъезжалась кто куда.

Яша осмотрелся в поисках Лидки, но в сквере заметил только какую-то псину. Пёс сосредоточенно вылизывал себе то, что вылизывали псы, когда было нечем заняться, и откровенно демонстрировал всё, что думал о московской богеме.

Может, это была та самая собака, случайно забежавшая в музей? Но не спросишь же. По крайней мере, пёс был не красно-рыжий и не двуххвостый.

– Пирожок хочешь? – спросил пса Якоб и оглянулся в поисках круглосуточного общепита, но вспомнил, что ларьки поносили.

Вытянутая морда уставилась на него большими черными глазами. Зрачки блеснули огнем, отразив свет фар, и псина довольно вывалила язык, поднялась на длинные худющие лапы и потрусилась прочь, оглядываясь на Войника.

Якоб не удержался от искушения и пошёл за псом, но в ближайшей подворотне тот как сквозь землю провалился.

Глава 4. Наследие лорда Карнагана

Первая версия статьи написалась на одном дыхании, словно муза стояла за плечом и нашёптывала текст. И шёпот этот был сродни баюкающему шелесту песка, а перед глазами словно дрожал знойный воздух пустыни, перемешивая воспоминания и фантазии. Лишь нажав кнопку «отправить», Якоб почувствовал, насколько на самом деле устал – как крышкой саркофага приложило. А ведь впереди были ещё поездка в редакцию и долгожданный бранч в «Метрополе».

– Дом, милый дом, хоть и рабочий! – произнёс Якоб, улыбаясь фасаду старого арбатского дома.

На карнизе вальяжно разлеглась чёрная кошка, а на водостоке хлопало выпученными глазами существо, чью видовую принадлежность определить не удалось.

«Редакция Хроников», как пренебрежительно именовали их рыбы покрупнее, занимала этаж этого давно не реставрируемого старичка. Яша попал в здешний штат случайно, когда год назад пытался пристроить свой материал о чудном озере.

Каким-то мистическим образом старый конспиролог Сан Саныч всё ещё держался на плаву со своим порталом загадочного. А что, тема

была модная – иначе б не процветали «Битвы экстрасенсов» и каналы вроде ТВЗ. Бумажные газеты давно заменил Интернет, рубрик стало больше. Кроме поиска снежного человека в горах Алтая, крысином короле московского метро и 76-й версии случившегося на Перевале Дятлова «Хроники» теперь публиковали журналистские расследования, прогнозы грядущих катаклизмов и скандальные промахи местных политиков и бизнесменов. Эсэсэч своё дело знал, и даже при таком взрывоопасном коктейле редакция всё ещё не растеряла своих спонсоров. Правда, иногда Якобу казалось, что причина успеха крылась в своевременно найденном золоте партии и тайных контактах пятого уровня с НЛЮ. Как ещё можно было содержать штат из дюжины сотрудников, платить аренду в центре и в придачу иметь пару служебных автомобилей?

Ходили слухи, что в подвале редакции находится архив с материалами всех статей и загадочных нераскрытых дел и даже коллекция артефактов разных эпох. Архив этот якобы был такой, что сам агент Малдер бы от зависти все свои карандаши сгрыз.

– Войник! – послышался голос из окна второго этажа.

Взгляд Якоба пробежал по глазницам дома и зацепился за лысину главреда. Тот погрозил ему кулаком и скрылся.

Это было странное место, полное странных людей, которые за год стали для Якоба почти семьёй: с придурью, но любимой. И работали они для не менее странного читателя. А судя по статистике портала, таких было очень много. Ужасающе много, если честно. Как там говорится: нет здоровых, есть необследованные.

Не дожидаясь коронного фэбээровского жеста от редактора, Якоб скинул пальто и сам пошёл к нему в кабинет, не забыв прихватить заблаговременно купленный пирожок с капустой – тайное средство укрощения и обольщения.

– «Голова профессора Тронтона», – с выражением прочитал Сан Саныч и бросил распечатанную копию статьи перед Якобом. – Неплохо ты, конечно, вывернул, особенно про проклятие и загадки вокруг находки. Но! – Редактор метнул фирменную молнию из позиции поворот в три четверти. – Где изюминка? Где криминал? И где интервью из первых уст?

– Вечером будет, – Якоб блеснул самой обаятельной из своих улыбок. – Оплатите представительские расходы?

Сан Саныч скептически изогнул бровь. Этот жест заменял знак вопроса и, отточенный за годы, теперь очень походил на него.

– Лорд на бранч в «Метрополь» позвал, – пояснил Яша.

– Кто позвал – тот и угощает, – засмеялся редактор. – Ты мне и так слишком дорого обходишься: не был бы я лыс, поседел от твоих выходок! Всё, иди работай, Войник. Вот если материал будет достойный, то поговорим о премии. А пока Леуми^[20] в помощь.

– Кто бы говорил, – хмыкнул Якоб и кивнул на фигурку мопса на столе шефа, намекая на то, что эти собачки в своё время служили символом масонской ложи. – Никак от бабули в наследство достался?

Сан Саныч усмехнулся и притянул за уголок тарелку с пирожком.

– Свободен. И, кстати, не забудь о дресс-коде, а то будет тебе шляпа, а не «Шаляпин»^[21].

Якоб со вздохом достал смартфон и проверил баланс. Ладно, бранч так бранч.

Брауни опять сидел на столе практикантки, и девушка вновь приняла улыбку Войника на свой счёт.

«Хорош заигрывать с нечистью!» – пожурил себя Яша.

Но как тут было не улыбнуться, когда этот наглец сидел на мониторе и пялился в декольте новенькой. Признаться, там было на что посмотреть. Ну а золотая цепочка с блестящей подвеской в виде четырёхлистника явно входила в сферу интересов косматого.

Центр традиционно стоял. Якоб в очередной раз подумал, что ездить на метро, тем более в обед, не так уж плохо. Там хоть пробок не было, не считая утреннего зомбиапокалипсиса.

Остановившись у высоких окон, Яша поправил тёмную шевелюру, убеждаясь, что выглядит прилично, и сверился с часами. До последнего он ожидал, что ему перезвонит ассистентка Стоуна и

скажет, что интервью отменяется. Ну или никто не перезвонит, но и здесь его ждать не будут.

У входа тёрся охранник – типичный «Агент Смит». Якоб приветливо кивнул и прошёл через рамку металлоискателя. У администратора он уточнил бронь на имя Артура Стоуна, и девушка с фирменной улыбкой проводила его внутрь.

Якоб сел за стол, накрытый безукоризненно белой, чистой до хруста скатертью, и окинул взглядом зал. Народу здесь было немного – большинство столов вокруг оказались пустыми. В жизни зал выглядел ещё пафоснее, чем на фотографиях, – цветной стеклянный потолок, фонтан, пение арфы вдалеке. И сидишь, как букашка на тарелке, перебирая в голове имена знаменитостей, успевших побывать здесь до тебя.

Мысль про знаменитостей Яше понравилась. Когда-нибудь же он сделает себе имя? Сделает. Может, прямо вот на этой самой истории.

Пока он отлучился, чтобы помыть руки – а заодно посмотреть, были ли уборные украшены сицилийским мрамором или обычной плиткой, – официант принёс комплимент от шеф-повара и аперитив. Лорд опаздывал, что подрывало веру в безукоризненную английскую пунктуальность. Впрочем, Стоун мог себе позволить и вообще не приходить. Но почему-то Якобу стало тревожно, как будто помешало прийти коллекционеру вовсе не пренебрежение, а что-то куда более серьёзное.

– Прощю прощения, – на ломанном русском сказал лорд, вернув Якоба из раздумий в реальность.

Уже другой «Агент Смит» посмотрел на Яшу с характерным прищуром «я вас всех подозреваю» и ненавязчиво остановился ближе к входу, чтобы не портить хозяину досуг. Якоб не сомневался, что в «свите» лорда был не только этот охранник, а другие вообще могли маскироваться под гостей.

Мужчины пожали друг другу руки и сели за стол.

Карнаган расправил салфетку и перешёл на английский:

– Я рад продолжить нашу беседу, мистер Войник. Если позволите, давайте только обойдёмся без диктофона? Внимания мне и без того хватает. – Он сдержанно улыбнулся.

Якоб понятливо кивнул:

– Конечно, сэр. Спасибо, что вообще уделили мне время.

– Счёл это хорошим знаком – наших общих знакомых. Если вы, конечно, верите в знаки.

«Даже не представляете себе, насколько верю», – мысленно рассмеялся Яша, но вслух сказал только:

– Верю. Как тут не верить – такая удача!

– Да-а-а, вот за удачу я пока как раз и благодарен России, – усмехнулся Стоун. – Когда ехал сюда, полагался на... как вы это называете, «авось»? Но навёл некоторые справки и оказался приятно удивлён. Здесь ценят искусство не ради наживы... если вы понимаете меня. Так как, вы говорите, состоялось ваше знакомство с профессором?..

Якоб и сам не заметил, как прошла скованность и разговор принял характер дружеской беседы. Карнаган оказался приятным собеседником и не только рассказывал интересно, но и слушал с искренним вниманием. Рассказы про Борькин азарт и сбывшуюся мечту – место ассистента Тронтона – его повеселили и тронули. А потом разговор перешёл к лекции и, собственно, коллекции.

– Не так много уцелело находок того времени. Да и публику гораздо больше увлекают если не пирамиды, то сокровища Нового Царства, – с сожалением произнёс Стоун. – Всё-таки в «нашу» эпоху захоронения, даже царские, были беднее. Сказывалась общая экономическая ситуация в стране – гиксосы успели прибрать к рукам всё хоть сколько-нибудь стоящее.

– Великого Таа Секененра и его не менее великую супругу Яххотеп похоронили скромно, – согласился Якоб, мысленно благодаря Борьку, что вовремя напомнил нужные имена.

– Ах, фиванские царицы!.. – мечтательно вздохнул англичанин. – Удивительные женщины жили в эпоху фараонов, мистер Войник, поистине удивительные. И я говорю даже не о Клеопатре с Нефертити. Тетишери^[22], державшая в своих хрупких руках весь Верхний Египет, не допуская туда захватчиков! Яххотеп^[23], возглавлявшая освободительную армию... Безусловно, мы, мужчины, привыкли присваивать победы и величие только себе, даже когда история свидетельствует об обратном. Ну а история находит способы всё же расставлять акценты по-своему.

Яша улыбнулся: Стоун в точности процитировал Тронтона. Тот много и с самым настоящим обожанием говорил о «дочерях Исиды».

– Да, у вашей царевны было потрясающее наследие – такие родственники. И сама она явно была леди не промах.

– О да! – лорд рассмеялся. – Достаточно взглянуть на это лицо. Красота и сила, воля, способная гнуть судьбу.

– Знать бы, что же тогда пошло в этой её судьбе не так... Почему вычеркнули имя?..

– Её высочество выбрала не самый популярный культ для служения. Но скажу вам, – Стоун понизил голос, – профессор не видел гробницу, но видел всё, что уцелело. Моё наследие. Самые первые зарисовки стен. Как и её высокопоставленные родственницы, моя царевна была... воительницей. Примерно как ваши «сильные русские женщины». – Он подмигнул Якобу.

– С кем же она сражалась? – вежливо уточнил Яша, боясь спугнуть момент откровенности Карнагана. – И почему её имя нигде не указано?

– Оно не указано на саркофаге, но должно было содержаться в ритуальных текстах гробницы. Сами понимаете, расшифровать сложнейшие записи по рисункам художников, не знавших этого языка, – задача не из лёгких, – Стоун пожал плечами, но Войнику показалось, лорд недоговаривал.

Впрочем, он ведь и не обязан был.

От Яшиного взгляда не укрылось, что англичанин задумчиво коснулся золотого перстня на мизинце – того самого, с вязью египетских иероглифов. Разглядев кольцо ближе, при свете дня, Яша различил один из символов – двухвостую собаку, – но потом лорд переместил руку, беря бокал.

– Позвольте тост. За вашу семью, одну из тех, кто занимался спасением реликвий! – произнёс Якоб, поднимая свой бокал.

Карнаган милостиво улыбнулся. Виски был хорош.

– Учитывая, что грабили гробницы во все времена истории – начиная с самих мастеров-строителей, – эти находки бесценны, – добавил Войник.

– Да-а-а... В своих дневниках мой предок упоминал, что и само по себе погребение было необычным. Нет, в Саккаре, конечно, полно гробниц более поздних периодов – там хоронили даже во времена римских императоров. Но её усыпальницу спрятали где-то среди захоронений эпохи Древнего Царства. Именно «спрятали», как писал

мой прапрапрадед, – как тайник. Увы, обнаружить повторно уже не удалось... – Взгляд Стоуна сделался задумчивым. – Или он не очень хотел... Ну а мы довольствуемся тем, что осталось.

– У вашей царевны действительно интересная история. И я, как погляжу, она с вами уже не одно поколение. А где сейчас эти дневники?

Но лорд отрешённо смотрел в бокал и, казалось, видел в янтарном напитке давно минувшее. Это длилось недолго, каких-то несколько мгновений, но как раз в те мгновения Карнаган успел пропустить вопрос журналиста.

«Надо будет спросить у Борьки, что там с дневниками...» – отметил про себя Якоб.

– Простите, а что же случилось с самой мумией? С телом. Тоже работа мародёров?

Карнаган словно очнулся, осушил бокал и чуть поморщился.

– Видите ли... Не хотелось бы говорить дурно о собственных предках... Но научный интерес того времени современному человеку может казаться варварским. Уцелело два тела из гробницы – самой царевны и мужчины, которого принесли ей в жертву.

– Ого!

– Возможно, не ей, а её божеству, – пожал плечами англичанин. – В общем, оба этих тела для выставки совершенно не подходят, разве что для анатомической. Чрезвычайно плохо сохранились, и к тому же, как бы это объяснить... дошли до нас по частям. Впрочем, чего удивляться? От великой царицы Нефертари^[24], которую её супруг Рамсес просто обожал, уцелели только ноги ниже колена. Её прекрасный лик взирает на нас лишь со стен гробницы и Абу-Симбельских храмов.

– Да, если уцелело лицо – это гораздо полезнее для истории, ну и в целом приятнее, – улыбнулся Якоб. – Очень интересно, про жертву...

– Согласен, удивительное явление, необычная для египтян практика. Если хотите моё мнение...

– Конечно же, сэр.

– Я склонен думать, это был один из мастеров того времени. Наш мистер Неудавшийся Грабитель мог быть убит подельниками, утащившими, что смогли. А может, они оставили его там, чтобы

задобрить Ка^[25] хозяйки гробницы, а двери запечатали, дабы не вызывать подозрений.

– Целый детектив можно написать.

– О нас уже пытались писать, – рассмеялся Стоун. – Об охотниках с чёрного рынка.

– Неужели правда?

– Конечно. Поверьте, мистер Войник, убивают и за меньшее, – усмехнулся англичанин. – А коллекция эта в своё время заинтересовала не только нас. Да и прапрапрадед мой был человеком смелым до безрассудства, перешёл дорогу кому не следует... Впрочем, это не помешало ему прожить жизнь долгую и насыщенную. После пожара в поместье она стала особенно насыщенной.

Якоб вспомнил предупреждения Борьки о чёрных копателях, о том, что с останками было не всё ладно. Но Карнаган не был расположен рассказывать больше, чем уже сказал. И как Якоб ни пытался аккуратно задать вопросы о поместье, о том, как оно было связано с коллекцией, англичанин ограничивался общими ответами.

– Знаете, мистер Якоб, есть дома, которые непригодны для жизни. Такое чувство, что сама земля, на которой они стоят, проклята, даже если там никогда не видели привидений, – задумчиво изрёк лорд. – Но если вы решитесь посетить Англию и, как это у вас называется, «посчикатать нерви», я с радостью вручу ключи и покажу. Но на ночь в нём не останусь, даже не просите, – Стоун засмеялся – как показалось Яше, несколько натянуто.

– Буду чрезвычайно рад, если удастся, – улыбнулся Якоб.

К его удивлению, Карнаган поднял указательный палец, достал смартфон и действительно внёс данные Войника. Удивительно, на какие чудеса оказались способны общие знакомства, мелодия арфы и три порции виски под хорошую беседу.

Якоб хотел было заранее поблагодарить лорда за такое радушие. Но стоило поднять взгляд, как он увидел на месте лица Карнагана бледную маску с черными провалами глаз. В левом горел красным золотом знак Уаджет, «Око Хора». Борька рассказывал, что это был мощный древнеегипетский символ защиты, помимо того что тесно связан с фараонами и их благоденствием... но сейчас знак казался Яше зловещим.

Резкая боль пронзила висок. Якоб невольно потёр переносицу, закрыл глаза. Несколько мгновений, и боль начала стихать, а вместе с ней исчезло и наваждение. Англичанин был румян, доволен, хоть и немного обеспокоен внезапным приступом собеседника.

– Прошу прощения, – пробормотал Яша, но слова отдались в голове горящими иглами.

Должно быть, выглядел он в тот момент не очень, потому что Карнаган встревожился.

– Дорогой друг, может, вам стакан воды или глоток свежего воздуха? Или ещё порцию виски?

«Свежий» явно было не про воздух в самом густонаселённом городе страны, но Якоб с благодарностью принял предложение.

Они едва успели встать из-за стола, как в зале вдруг началась необъяснимая паника. Что-то тёмное металось от одного стола к другому под крики и звон бьющейся посуды. В общей какофонии Якоб различил что-то вроде: «Уберите псину!» и «Здесь же приличное заведение!»

В голове снова зазвенело так, словно противная обезьянка ударила в литавры, и, к сожалению это не был благородный бабуин Тота.

А дальше всё было как в замедленном кино. Кто-то оттолкнул его прямо в стол. В сторону полетели дорогие тарелки с золотой сеточкой Херенда^[26], брызнул осколками битый хрусталь.

Чёрные силуэты охранников устремились к лорду с другой стороны... медленно, слишком медленно... как во сне...

Якоб тряхнул головой, приходя в себя, и успел увидеть растерянного Карнагана. Перед ним словно из ниоткуда вырос старик в мышастом свитере и выдавшем виды плаще. Цепкие узловатые руки с длинными почерневшими ногтями сомкнулись на шее лорда – тот и охнуть не успел. Лицо незнакомца исказила жуткая гримаса гнева... В тот миг Яшу настигла совершенно безумная мысль: а ведь так мог выглядеть сам Артур Стоун, лорд Карнаган, потеряй он всё и окажись вдруг на улице. Искажённое отражение... в данный момент напавшее на оригинал...

Как по мановению волшебной палочки время вернулось к обычному ритму, резко ускорившись. Подоспели охранники и кто-то из посетителей. Завязалась потасовка. Якоб, как через камеру с приближением, увидел уже свои руки, которыми пытался

одновременно и освободить лорда, и оттащить покрасневшего от возмущения и алкоголя смутьяна. Запах перегара мог бы изгнать всех фамильных бесов поместья. Призраков «Метрополя» точно разогнал.

Бродяга выкрикивал проклятия, мешая слова русские с английскими и ещё какими-то на неизвестном Якобу языке. Когда он резко обернулся к Войнику, тот увидел глаза, горящие настоящим безумием. Серые кустистые брови и торчащая во все стороны борода, наподобие щетки шнауцеров, придавали образу вид на грани трагедии и комедии.

Охранники уже оттащивали от лорда и Яшу, и нищего. Бродяга с удивительной силой вырвался, сбивая Карнагана с ног. Оба налетели на соседний стол и повалились на пол, увлекая за собой Войника, охранников, пытавшихся помочь посетителей, а заодно и белоснежную скатерть вместе с тарелками, чашками, соусницами, бокалами и прочими приборами скоростно закончившегося бранча.

В общей возне Якоб старался увернуться от хаотично пролетающих кулаков, но в итоге пропустил один удар. Когда же наконец подоспел персонал и всех участников драки удалось растащить, то каждый выглядел изрядно помятым. Кто-то лишился пуговиц на пиджаке, кто-то приобрёл синяки и ссадины. Но самое досадное – бродяга словно испарился, как и не было его. Запоздало Якоб понял, что уже видел этого бомжа – тогда, в Пушке. Вот только вряд ли теперь это была постановка – разве что влиятельные друзья Стоуна решили подшутить?.. Судя по лицу лорда – едва ли. И как он вообще попал сюда, минуя охрану на входе и телохранителей?..

Девушка-администратор без умолку тараторила извинения, обращаясь то на русском, то на английском к пострадавшим гостям.

– Моё! Кольцо! – не своим голосом вдруг закричал Карнаган.

От его баса притихли все: возмущённые посетители, официанты, администратор. Даже фонтан на миг замер, не говоря уже об арфе.

– Этот «паскьюда» украл моё кольцо! – львом ревел лорд, перемежая родную речь самыми сильными словами великого и могучего.

– Может, оно под стол закатилось? – робко предположила администратор и оскалилась, имитируя улыбку.

Тут же часть работников кинулись искать пропажу. Якоб взглянул на лорда, растерянно баюкавшего руку. Золотая печатка с мизинца

действительно исчезла.

– Мне очень жаль... – начал было Войник, но лорд, скривившись, как от упоминания битвы при Гастингсе, жестом остановил его.

– В этом нет вашей вины. Проклятие – вещь упрямая... и я зря дразнил змей.

Что он имел в виду – Якоб так и не понял. В рекордные сроки приехала полиция. Лорд, внешне как будто постаревший лет на двадцать, промакивал лоб шёлковым платком и давал показания. Остальных отпустили довольно быстро. Как услышал Войник, бомжа видел не только он, но, к сожалению, на камеры тот не попал.

Якоб вручил охраннику лорда свою визитку, ещё раз принёс соболезнования и, забрав пальто в гардеробе, вышел на улицу. Уже успело стемнеть. Бранч не на шутку затянулся.

И вот там, среди мелькающих машин, фонарей и безликих прохожих, в одной из витрин Якоб увидел своё отражение. К горлу подступил хохот – вестник запоздалой истерики.

– Опять отличился, Войник! – спародировал Якоб Сан Саныча перед своим отражением. – И отличие это налицо.

На лице журналиста сиял фингал. Это как минимум на неделю, зато редакция и лорд сэкономили на оплате метропольского бранча.

Якоб развернулся и пошёл дальше.

Самым интересным персонажем в этой истории стал вонючий грязный бомж с его проклятиями и мистическими исчезновениями в традициях Гарри Гудини^[27].

– Копперфильд помоишный! – продолжал смеяться на ходу Якоб, вызывая недоумение на лицах прохожих.

Проветривая мысли, он гулял по центру, забыв, что хотел пораньше вернуться домой и сесть за статью. Пустая скамья выплыла к нему где-то в районе Пушкинской – на неё Войник и уселся. Карнаган просил не записывать, но в какой-то момент Якоб всё же не удержался, нажал тайком на кнопку записи в смартфоне. Оставалось надеяться только, что в этой кутерьме его не раздавили. Нажав воспроизведение, он поднёс динамик к уху.

Первым, что он услышал на фоне далёких голосов и треньканья арфы, было:

– *Анх-Джесер...*

Это слово раскалённым лезвием впилося ему в разум, и смартфон выпал из рук. Когда Якоб нагнулся за ним, то из темноты под скамейкой на него уставились два горящих зелёным огнём кошачьих глаза.

– Чёрт... Лидка...

Глаза мигнули и погасли. Когда Яша прокрутил запись, странное слово он больше не услышал, как ни старался разобрать. А запись получилась чертовски неразборчивой и прерывалась как раз на моменте потасовки.

Глава 5. Игра в ящик

Домой Яша вернулся в такое время, что даже на часы смотреть не рискнул, а за статью садиться – тем более. Впечатлений на сегодня и без того хватило, ну а Сан Санычу он завтра своё «алиби» предъявит. Наглядное. Вот тебе и перчинка, и почти готовая сенсация.

Хорошо хоть из соседей никого не встретил, хотя с утра охи-вздохи бабы Глаши были обеспечены.

Выпутавшись из кашемирового пальто, Якоб скинул деловой костюм, потом вспомнил, что придётся отглаживать, и решил повесить поаккуратнее. Что-то выпало из кармана пиджака, тихонько звякнуло, ударившись об пол. Пожав плечами, Яша нагнулся посмотреть... и осел там же, у шкафа в коридоре.

Перстень Артура Стоуна, лорда Карнагана, поблёскивал в тусклом свете плафона, в котором перегорела одна из лампочек. Тот самый перстень – с вязью иероглифов и собакой с раздвоенным хвостом. На старом паркете обычной московской квартиры он смотрелся чертовски неуместно.

Якоб обречённо выругался и с надеждой протёр глаза. К сожалению, кольцо никуда не делось. Когда он протянул руку и аккуратно подцепил находку пальцем – та тоже не исчезла, а тяжело

упала в ладонь, холодя кожу. Несмотря на массивность печати, диаметр был небольшим – кольцо и правда налезло бы только на мизинец. Запоздало Яша подумал, что только что оставил на реликвии Карнагана свои отпечатки, да чего уж там. Он и так влип. Как к нему попал перстень англичанина? А главное – как вернуть фамильную ценность и при этом не попасть в совсем уж поганое положение?

Но с другой стороны – отличный шанс рассмотреть древность повнимательнее, а может, даже сделать пару снимков для статьи. Поглаживая иероглифический узор, приятный под подушечкой пальца, Яша рассматривал собаку с раздвоенным хвостом. Ша^[28] – так вроде назывался этот зверь. Остальные знаки он не понимал. Впрочем, если кольцо было не оригиналом, а стилизацией, иероглифы могли быть нанесены просто для красоты. Очень хотелось верить... но в глубине души Якоб знал, что это не так. Если попадёт – то по полной, за кражу не реплики, а ценной исторической реликвии.

Из кухни показалась Лидка, сочувственно мурлыкнула и проскользнула в темноту спальни. Со вздохом Яша поднялся и поплёлся следом. Выпускать кольцо из рук почему-то не хотелось – оно потеплело и льнуло к ладоням, как живое.

– А всё-таки как ты сюда попало? И какие тайны скрываешь? – спросил он, разглядывая перстень под светом, крутя и так, и эдак.

Артефакт однозначно подкинули, другой вопрос – кто именно. Ну не сам же Стоун? А вот загадочный бомж мог бы. Яша слышал о ситуациях, когда по-настоящему искусные карманники могли не только бумажник вынуть, но и украшения снять так, что владелец не заметит. А сколько сериалов он пересмотрел про таких мастеров! Вопрос только в мотивах. Ну ладно бы стащил и сам унёс – а подкладывать зачем?

Голова шла кругом.

– Утро вечера мудренее, – успокоил себя Якоб, замаскировав нежелание разбираться с проблемами прямо сейчас сказочной мудростью.

Не придумав ничего лучше, он сунул кольцо под подушку и пошёл в душ. Потом он заглянул в кухню, вытащил из морозилки лёд и, обмотав полотенцем, приложил к заплывшему глазу.

– Поздно для примочек, красавчик, – скептически заявил он своему перекошенному отражению в окне. – Надо было сразу в аптеку,

а тебе вечно всё влом. Уже бы пиявочки убиенные трудились и синяк-off-али. Эх.

Когда он вернулся в комнату, на подушке свернулась тёмным клубком Лидка.

– Настоящий священный зверь, – умилился Яша. – Страж похищенных сокровищ. Давай, брысь. Тебе всё равно спать не надо, а мне вот пора.

Несмотря на насыщенный событиями день, отключился он на удивление быстро.

Яша проснулся среди ночи. Вокруг было темно, только с улицы лился серебристый свет. Якоб поморщился от бесцеремонного вторжения луны в его обиталище. Он точно помнил, что задёргивал штору перед сном. Или нет? Этот свет его, кажется, и разбудил. Надо встать и вернуть блаженную тьму.

Вот только тело затекло – он буквально не чувствовал рук и ног. Впору было паниковать, но Яша не успел, потому что взгляд выхватил под окном два больших незнакомых ящика. Свет падал как раз на них. Сперва маркировка показалась незнакомой, а потом буквы расплылись, выстроились в новой формации, и он различил штампы египетской Службы Древностей и Каирского музея. Почему именно это вспомнилось так ярко – Якоб не знал. Разум вообще выкидывал порой странные фокусы, особенно ночью.

Где-то что-то тихонько стукнуло. Когда стук повторился ещё несколько раз, Яша понял, что звук раздавался не от соседей, а из ящиков. Стук усиливался, нарастал, пока не стало казаться, как будто кто-то долбит в крышку изнутри. А вот это Войнику уже совсем не понравилось, особенно вкупе с тем, что он так и не мог пошевелиться – только голову повернуть. Страх проснулся не сразу, запоздало впился холодными коготками в позвоночник. Стало тяжелее дышать, и сердце заколотилось где-то в горле. «Привет, паническая

атака», – мрачно подумал Яша, вспоминая последствия травмы, накатывавшие изредка, но всегда некстати. В такие моменты тело впадало в состояние глубокого животного ужаса отдельно от него – он-то не успевал осознать, чего надлежало испугаться. Но сейчас, кажется, пугаться было уже пора...

Крышка одного из ящиков застонала и откинулась, выкорчёвывая гвозди. Воцарилась тишина...

Что было внутри, Яша со своего места не видел и почему-то был уверен: лучше и не видеть. Он даже глаза закрыл и сосчитал до десяти, пока не услышал тихое постукивание, как вначале, и шорох. Любопытство журналиста возобладало, и он всё-таки посмотрел...

Из ящика выползали странные бесформенные существа, обнимались, сливались в нечто иное, новое. Запоздало Якоб понял, что это были не существа, а... части тела. Тёмная плоть в обрывках покровов точно отстраивала себя заново – вот голень примкнула к колену, вот пошевелила изящными пальцами, прирастая, тонкая ступня. Хрупкая кисть трудилась без усталости, перебегая туда-сюда, выманивая из ящика новые части. Шорох и перестук, перестук и шорох.

Прирос на место тонкий корпус, повёл плечами, распрямляясь. Руки уже были на месте, хотя на одной из кистей недоставало пальцев. Тело, собрав себя, неуверенно качнулось, потом склонилось к ящику, пошарило внутри... и извлекло голову. Льющийся из окна серебристый свет, теперь казавшийся не красивым, а зловещим, выхватил из полумрака живые глаза, которые Якоб уже знал.

Голова мумии улыбнулась ему, обнажая два ряда идеальных зубов, и прошептала что-то – как тогда, на выставке, но уже не беззвучно. Этот шёпот оглушающим прибором влился в разум, наполнил до краёв сознание Якоба и сокрушающей песчаной бурей прошёлся по последним линиям защиты, высвободив новую волну страха.

Тело водрузило голову себе на плечи, шагнуло, западая на одну ногу, к Якобу и склонилось над ним. Потускневшие сухие волосы – он знал, помнил, цвета кровавой меди – упали ему на лицо. Мумия не пахла разложением – она пахла пустыней и смертью, сухим шёпотом безжалостного времени.

Приподнялась рука, и сухие хрупкие пальцы пробежались по лицу неподвижной жертвы, точно изучая его, впитывая через тысячелетнюю

кожу каждую черту живой плоти, исследуя и постигая так, как не могли слепые алебастровые глаза. Это прикосновение было горячим, почти обжигающим. Мумия говорила ему что-то своим странным многоликим шёпотом, в котором он не мог разобрать ни слова. Когда она очертила его лицо, запоминая и ставя точку в первом знакомстве, то её пальцы скользнули ниже и сомкнулись на его шее.

– Если ты за кольцом, так я верну!.. – прохрипел Яша, чувствуя, что дышать становится сложнее.

Мёртвое лицо склонилось совсем близко к нему, и хрип, переросший в глубокий утробный рык, взорвался в его разуме...

С возгласом Якоб проснулся, теперь уже по-настоящему, и подскочил на кровати, озираясь. Ни мумии, ни ящичков, ни мертвенного инопланетного света – спецэффекты закончились вместе со сном. А вот противный осадок страха остался, скрёбся изнутри, как части тела в запертом ящике.

Шорох и перестук... в коридоре...

Яша выругался и щёлкнул выключателем прикроватной лампы. Свет разогнал тени по углам, но по крайней мере оттуда, из темноты, на него не смотрел ничей труп. И на том спасибо. Дотянувшись до смартфона, Якоб глянул на время – начало четвёртого утра. Спать абсолютно расхотелось.

«А колечко-то, по ходу, и правда проклято, в лучших традициях жанра», – мрачно подумал Якоб, вспоминая слова Стоуна.

«Проклятие – вещь упрямая... и я зря дразнил змей...»

Яша засунул руку под подушку, вынул перстень, покрутил его в свете лампы. Ничего зловещего в артефакте не было. Даже могильным холодом не отдавало.

Подумав, он сделал пару снимков и отправил на рабочую электронку Борьке с припиской: «Что скажешь?»

Выключив свет, Якоб покрутился с боку на бок, включил снова.

– К чёрту!

Приняв душ, чтобы прогнать последние клочки ночи, и заварив кофе, он уселся за ноут.

Рассвет застал его за работой. Якоб посмотрел в окно: оранжевое небо с чёрными силуэтами домов напоминало пролитое абрикосовое варенье.

Приход утра, сосредоточение и уход с головой в материал почти прогнали ночное видение. Даже тревога прошла. Вернёт кольцо и ладно, объяснит, что бомж подбросил, – делов-то.

Перстень лежал рядом с кружкой. Якоб прикоснулся к нему... поймал себя на мысли, что совсем не хочет расставаться с артефактом. А ещё сильнее было желание вновь увидеть выставку и взглянуть в алебастровые глаза царевны. Вот уж странно, учитывая, в каком виде эта самая царевна ему нынче являлась.

Смартфон пикнул: сработал будильник. Войник скинул статью в облако и переоделся в «собачье». Подумав, он натянул кепку с эмблемой Бэтмена, надвинув длинный козырёк так, чтоб тень скрыла пол-лица, – ни дать ни взять герой, которого заслуживает город.

Яша вышел в предбанник и позвонил к соседке. За дверью послышалось сопение, урчание, и Жорик забасил: «вау-вау». Замок щёлкнул, и дверь открылась ровно на длину металлической цепочки образца середины прошлого века.

– Яшенька, ты сегодня рано, – заулыбалась баба Глаша.

Дверь закрылась, цепочка скользнула по желобку, и перед Якобом возникла баба Глаша. Круглое лицо, покрытое морщинами, как сеточкой, светилось добротой. Лучики времени рассыпались из уголков бледных глаз, когда-то, наверное, ярко-синих. Старушка держала полотенце, а из кухни доносился аромат домашней выпечки.

– Я украду вашего Жорика, чтобы вам не ходить? Лифт всё ещё не работает.

Пёс, услышав своё имя, склонил голову набок, присмотрелся, обработал информацию и отправил её на хвост-картошку, который тотчас заходил ходуном.

– Ой, внучек, выручишь, а то я только пироги поставила в духовку. Ты заходи, а то через порог передавать нельзя.

– Даже поводок? – засмеялся Яша. – Жорка-то и сам выйдет.

– Даже поводок, – серьёзно кивнула баба Глаша и пристально посмотрела на соседа.

Якоб предпочёл бы остаться в сумраке подъезда, чем отвечать на вопросы о фингале, но суеверия есть суеверия. Он не стал разуваться и накинул ошейник на толстую шею зверя, урчавшего от предвкушения грядущей прогулки, как котик... адский котик. Пристегнув поводок, Яша втянул запах пирогов напоследок и, заверив, что вернёт

«мальчика» усталым и набегавшимся, выскользнул за дверь. Повезло, что соседка не стала задавать вопросы. Или, может, оставила на потом?

Бегать с Жориком было сплошное удовольствие. Пёс идеально держал ритм – видимо, Машка натренировала. Она тоже уважала утренние пробежки – небось, и в командировках своих бегала.

Время пронеслось незаметно.

– Я вечером его тоже свожу, баб Глаш, – заверил Яша соседку, возвращая довольного Жорика в отчий дом.

– Заходи, соколик подстреленный, – подмигнула старушка и, стоило Якобу переступить порог, вручила ему накрытую салфеткой глубокую тарелку, полную пирожков.

– Вот спасибо, баба Глаша!

Якоб заулыбался, обнял свободной рукой старушку, проигнорировав намёк на «бандитскую пулю».

– Тарелку верни!

– Всенепременно!

– Пустой нельзя – хоть пуговицу туда кинь.

– Ага!

Слопав четыре пирожка, Якоб почувствовал, что теперь готов свернуть горы, и, сменив облик на «рабочий», заспешил в редакцию. Ехать пришлось с дополнительной пересадкой – «кладоискатели» совершили новый рывок и перекрыли ближайшую станцию метро на две недели.

Войник проверил почту – ответа от Борьки всё ещё не было. Покрутив кольцо, Якоб опустил его в карман – так или иначе, сегодня он вернёт артефакт лорду. Почему-то не хотелось оставлять перстень дома, а своей интуиции Яша уже привык доверять.

В редакции царил тишина. Кроме Сан Саныча и не испорченной жизнью практикантки, никого ещё не было.

«Надо хоть имя её узнать для приличия», – подумал Якоб, проходя мимо стола девушки. Она, как обычно, смущённо отвела глаза на его приветствие.

Постучавшись, Войник зашёл к шефу с кофейником в руке. Иногда они вместе пили кофе – до того как начнётся рабочий забег.

– Как «Метрополь»? – поинтересовался Сан Саныч, не глядя пододвинув кружку и принимая гостинчик «от Глаши».

– С бомжами и ворами, – ответил Якоб.

– Про вторых не спорю, а первые откуда?

– Всё оттуда же.

Шеф наконец соизволил оторваться от монитора и посмотрел на Войника.

– Опаньки, это кто тебе подсветку сделал?

Якоб кратко пересказал случившееся, умолчав, впрочем, о кольце, испорченной записи и ночных кошмарах.

– Поэтому ты мой любимый ценный кадр! Ты просто притягиваешь к себе всякую чертовщину.

– Тогда я требую премию, страховку и отпуск.

– Не настолько любимый. Иди работай.

Якоб забрал опустевший кофейник и, лишь когда уже вышел из кабинета шефа, вспомнил, что так и не спросил, как звали практикантку.

Подтянулись другие сотрудники, зашелестели разговоры, застучали клавиши клавиатур. В воздухе запахло кофе. Фингал Яши стал темой дня – никто не упустил возможность пройтись по больному, хоть и беззлобно.

Время наконец-то доползло до полудня, а значит, можно было звонить Стоуну и назначать встречу. «Эх, была не была!» Якоб сунул руку в карман толстовки, зажал кольцо в кулак, ухватившись за него, как за спасительный круг. Борька всё ещё молчал.

Покрутив в руках визитку Карнагана, Якоб набрал номер. После третьего гудка ответила ассистентка.

– Доброе утро, вас беспокоит Якоб Войник, журналист, помните? Мы вчера с вами разговаривали. Возможно ли будет встретиться с сэром Стоуном? Это очень важно.

– Боюсь, что нет. – Голос на той стороне дрогнул.

– Он уже покинул Россию? – с надеждой и досадой спросил Якоб.

С одной стороны, иррациональное желание оставить себе кольцо было сильно, но с другой – он понимал, что должен вернуть.

– Нет, – еле слышно ответила девушка.

– Я готов подъехать в любое место. Мне надо кое-что передать лорду, – не сдавался Якоб. – Я не отниму много времени.

– Вы не понимаете, господин Войник, это попросту невозможно. Артура Стоуна, лорда Карнагана... больше нет.

Связь оборвалась.

Нехорошее предчувствие отозвалось зудом в затылке. Войник вбил в поисковик имя Карнагана, и высветившиеся новости заставили его застонать.

– Келпи вас дери.

«Убийство лорда Карнагана» было опубликовано полчаса назад и по просмотрам обошло материалы «Хроников» о выставке.

Войник пробежался взглядом по тексту – подробностей не было, лишь сам факт и краткая биография именитого коллекционера.

Запустив статью на принтер, Якоб подхватил листок и подошёл к ведущему «мокрушной» рубрики Святославу. Святослав был в редакции главным по маньякам, психам и загадочным смертям с привлечением третьих сил из иных пластов бытия. Коренастый мужчина средних лет с выправкой военного и тяжёлым взглядом бывшего работника спецслужб напоминал медведя, которого зачем-то заставили носить шкуру человека.

– Свят, дело есть... Можешь узнать подробности у своих? – Якоб положил листок перед коллегой.

Свят держал контакт со всеми патологоанатомами, проводившими судебную экспертизу – как-никак раньше сам судмедэкспертом был.

– Это не с ним ты вчера метрополил? – добродушно пробасил Свят.

– Да-да, с ним. И приложили меня на этом же бранче, будь он неладен.

– Ок. По крупным жмурам у нас обычно Светик-Семицветик. Ей всю элитку хладную сплавляют.

Свят достал кнопочный телефон – новомодной технике он не доверял – и вышел в переговорную-курилку. Через минут пятнадцать он вернулся.

– Мутное дело, Войник. Светик еле сдалась, и то только благодаря моему обаянию, – Свят выдал смешок, напоминавший рёв горного водопада. – Но пересылать фотки отказалась. Может тебе лично бумажку передать – так, чтоб без электронного следа. Короче, сам всё понимаешь. Вот место встречи.

Медведь Свят подсунул Якобу вчетверо сложенный листок с адресом кафе, временем и номером столика.

– Бывай. Никаких имён. И да, она любит большой ванильный латте с сахаром и карамельным сиропом. Говорит, после него «пациенты» уже не кажутся такими мерзкими.

Якоб поблагодарил «шпиона в отставке», взглянул на часы и решил, что если выйти сейчас, то можно без спешки попасть на «место встречи». Сан Саныч, как назло, куда-то запропастился.

«Ладно, отчитаюсь по факту», – подумал Войник.

Якоб наблюдал, как за стеклом кафе прямо перед его лицом летала пчела. Насекомое скользило лапками по прозрачной преграде, отлетало и старалось взять тараном, совершая все новые и новые попытки.

– Рано ты сезон открыла, полосатая. Ещё и цветов почти нет, – обратился Якоб к бесполому существу с миллионами лет эволюции за пушистой спиной.

Светлана пришла ровно в означенное время. Она оказалась хрупкой привлекательной блондинкой, можно даже сказать, миниатюрной. Такие вне зависимости от возраста всегда выглядят фарфоровыми куколками, принцессами, которых подсознательно, на каком-то инстинктивном уровне хочется защищать и носить на руках. Она была одета в обтягивающие джинсы, укороченное пальто и ботинки на огромном каблуке. И не подумаешь на первый взгляд, что в основном уже общается с не самой оживлённой клиентурой.

Якоб привстал, ответил приветствием на улыбку и, подзвав официантку, заказал латте и американо для себя.

– Смотрю, Медведь сдал секрет поганого кофе? – рассмеялась Светлана.

Голос её был словно перелив горного ручейка. «Вот ведь пара была бы – Свет и Свят», – искренне восхитился про себя Якоб.

Светлана передала тоненькую папку с копией некоторых материалов из отчёта, выпила кофе и распрощалась.

Повторив порцию американо, Войник раскрыл папку, пробежал взглядом по строчкам... и изменился в лице, увидев приложенные фото. Сомнений не оставалось: перед ним действительно был Карнаган, но не тот добродушный мужчина и приятный собеседник, а лицо из жуткого видения. Левый глаз был залит воском с отпечатком египетского символа Уаджет, а вместо правого зиял провал. Судя по отчёту, с лордом расправились жёстко: ослепили ещё живым.

В произошедшее верилось с трудом. От того, что видение оказалось предвестником настоящей беды, было и вовсе не по себе. Сознание милосердно выставило блок: «это всё творится не со мной», и Якоб оставался неестественно спокойным. Не сводя взгляд с фото, он потянулся к кружке, и тут руку пронзила боль. Настырная пчела всё-таки нашла лазейку и теперь, оставив жало в пальце журналиста, лежала на столике, дергая лапками в предсмертной агонии.

Якоб расплатился, свернул папку и спрятал во внутренний карман куртки. Борька не отвечал. Кольцо лежало в кармане, Карнаган – в морге. Где-то по центру гулял безумный бомж, в редакции сидел (а может, ещё и не вернулся) рассерженный шеф. Дело явно приняло дурной оборот. И Якоб выбрал единственно правильное направление – домой. Что ему было нужно – так это погулять Жорку, закинуться пирожками и посмотреть по телевизору что-нибудь бодрое и без мумий. Да, так он и сделает.

Якоб не стал переодеваться – благо сегодня был не при параде. Да и бегать желания не было. Хотелось ленивой релаксирующей прогулки. Он только закинул домой папку от Светланы с материалами по «делу Ока Хора», спрятав её под ноутбуком, и пошёл за псом.

Солнце клонилось к закату, удлинняя тени. Чёрные стволы деревьев отливали золотом. Войник прошёл в глубь парка, где обычно было мало прохожих, и отпустил Жорку «в свободное плавание». Ротвейлер не замедлил навернуть пару кругов, смешно закидывая задние лапы, как кролик-мутант из постапа, а потом принёс палку, приглашая поиграть. Животные обладали удивительным умением отгонять даже самые мрачные мысли. Лучшие психологи и борцы с хандрой! С горящими глазами, высунутым языком и пляшущим обрубком хвоста суровый пёс резвился, как щенок. Временами он прислушивался и оглядывался, потом возвращался к игре. Якоб уже привык к этому, знал – Машку ищет.

– Скоро вернётся твоя хозяйка, братан, – Войник потрепал чёрный загривок. – Работа у неё такая, разъездная.

Жорик скульнул, словно жалуясь, и побежал за брошенной палкой. Возвращаться он не спешил – видимо, нашёл более интересные

забавы. Якоб поднял воротник. С наступлением сумерек заметно похолодало.

«Жаль перчатки не взял», – подумал он и зашагал по сухой прошлогодней траве.

Гуляли они долго – когда пикнул смартфон, уже стемнело. Якоб проверил почту и обнаружил письмо от Борьки. «Ну наконец-то!»

Друг начал без всяких вступлений:

«Яшка, откуда оно у тебя?! Блин, я же предупреждал...

Это её. Было на ней, когда нашли. Нынешний хозяин коллекции снял, носил сам. Золото и электрум^[29], Семнадцатая династия.

Набери, как сможешь!»

Сзади едва слышно хрустнула ветка. Не успел Якоб оглянуться, как сильный удар сбил его с ног.

Глава 6. Кости брошены

Темнота мягким коконом окутала сознание, притупив восприятие. Якоб огляделся – ничего, лишь тьма: жидкая, струящаяся, словно масляное пятно в осенней луже. Он не чувствовал своего тела.

Войник уже помнил это состояние: тогда, в коме, он бесконечно долго блуждал в вязкой пустоте, без надежды на выход, без единого ориентира...

– Анх-Джесер...

Это был даже не голос – скорее вибрация, но очень настойчивая. Как будто наждачной бумагой царапнуло сознание.

Якоб не понимал этих слов. Они пробуждали в нём страх, но вместе с тем манили, гипнотизировали, вызывали желание узнать, что, а главное, кто стоит за ними.

– Анх-Джесер!..

На этот раз громко – почти крик, заставивший его восприятие включиться, как от воздействия дефибрилятора.

Якоб вдруг увидел свои руки – как в некоторых снах, близко, но вместе с тем словно послойно, когда за привычным, реальным открывалось что-то ещё. Правый мизинец светился мягким светом. Тепло от пальца пошло вверх по руке. Кольцо?.. Якоб зажмурился,

стараясь рассмотреть через всё разгорающееся золотое свечение маленький золотистый перстень. Тепло дошло до плеча, растеклось по всему телу и пронзающей болью ударило в голову.

Белый свет залил всё вокруг, разорвав тьму на сотни маленьких лоскутков и поглотив в одно мгновение.

Сначала вернулись запахи. Якоб почувствовал сырость земли и привкус металла во рту. Затем вернулся слух. Незнакомая речь, шум, рычание. Тело отозвалось болью. И лишь после ему удалось разлепить веки. Со стороны всё это заняло меньше минуты. Но в такие моменты время имеет обыкновение растягиваться, как липкая тягучая жвачка с дурацким привкусом ментола.

Встать с первого раза не получилось, и Войник вновь рухнул в прошлогоднюю прелую листву. Вторая попытка увенчалась успехом. Тряхнув головой, Якоб сразу пожалел об этом: новый удар пришёлся весьма некстати для гудящего черепа. Но, слава всем богам, он ещё был жив.

Сориентировавшись наконец в пространстве, Якоб застыл от удивления: Жорик, милый плюшевый пёс, который даже в драку не лез, если его не спровоцировать, сейчас выглядел как настоящее исчадие ада. Шерсть на спине вздыбилась, глаза горели каким-то потусторонним огнём. Мощные челюсти вцепились в человека – в того самого, который только что огрел Яшу чем-то тяжёлым.

Войник различил и второго нападавшего – тот пытался спасти товарища, отбить от пса. Но легендарные девять атмосфер ротвейлерских челюстей ещё попробуй разомкни.

Недолго думая, Якоб схватил палку, услужливо возвращённую Жориком в ходе игры. Кинувшись вперёд, он со всего маха огрел мужчину. Тот был слишком занят: выхватив откуда-то пистолет, целился в собаку и при этом пытался не попасть по второму.

Удар, второй, третий... Выстрел. Крики. Рычание.

А затем вдруг воцарилась тишина. Лишь где-то вверху каркнула разбуженная ворона.

Жорка ткнулся в руку Якобу и скульнул. Его взгляд тух на глазах – огонь съёживался до тлеющих угольков и мерк. Теперь на Яшу смотрел тот пёс, которого он хорошо знал.

Мужчина погладил ротвейлера по широкому лбу, почесал за ухом и перевёл взгляд на два тела, неподвижно лежащих на земле. Пришёлся

ли выстрел в цель? Или Жорик перегрыз первому горло?

Якоб крепко выругался. Смартфон отлетел в сторону во время драки. Ему пришлось покопаться в листве, и то без особой надежды, но удача ему всё-таки улыбнулась. Глядя в ярко вспыхнувшее в густых сумерках окошко, Яша пытался сообразить, кого вызвать, срочно... Скорую? Полицию?.. Телефон отправился обратно в карман. Взглянув на палку, которую он всё ещё сжимал в руке, Якоб бессильно выдохнул:

– Да что ж такое, чёрт возьми, происходит?!

Он откинул палку, обхватил голову руками и сел обратно в листву, без движения. Те двое тоже не шевелились, и он не знал, радоваться этому или бояться.

Жорка сел рядом, прижав уши, потом вдруг вскинулся, потрусил пару шагов. Довольный, он вернулся с палкой в зубах и плюнул её к ногам товарища, жизнерадостно вывалив язык и улыбаясь во всю пасть. Его происходящее явно не смущало. Или, может, у него мозг замкнуло, потому что только что он выглядел буквально как... одержимый... Не просто злой пёс, бросившийся на защиту своего человека, – нет. Там было что-то ещё, в этих горящих углями глазах... и Яша не был уверен, хотел ли знать, что именно.

Якоб истерично хохотнул и, потянувшись к псу, поймал золотой отблеск на пальце. Когда он успел надеть проклятое кольцо? И не это ли хотели забрать грабители?

Подняв палку, горе-журналист встал, по очереди ткнул каждого из нападавших. Никакой реакции. Присев на корточки, Якоб перевернул первое тело и проверил пульс: жив. Второй тоже, к счастью, был просто оглушён. Какой ущерб причинил Жорик, Яша разглядывать не хотел, но всё же достал смартфон, посветил.

Оба мужчины были словно близнецы: в чёрных джинсах и куртках, смуглые, с недельной небритостью, темнобровые. Проверив их карманы, Якоб не нашёл документов, только нож, наличку и визитку: белый прямоугольник на дорогой бумаге с золотым тиснением в виде... Ока Уаджет. Того самого Ока, которое он уже видел у бедняги Карнагана вместо глаза.

Якоб перевернул визитку. На обратной стороне латинскими буквами от руки был написан адрес. Его адрес?! Они знали, где он живет, и это нападение не было случайным.

Радовало, что сейчас все они находились в глухой части парка. Отличное место для маньяков, грабителей и владельцев крупных собак.

Натянув на ладонь рукав, чтобы не оставить отпечатков, Якоб аккуратно поднял валявшийся на земле пистолет и закопал его в листве под ближайшим кустарником. Кому надо – найдёт.

Потом Яша перетащил тела поближе к дереву, выдернул ремни из штанов нападавших и связал им руки. Жаль, скотча не было, чтоб ещё и рты заклеить. Палку пришлось закидывать три раза – два раза Жорка её возвращал, на третий Якоб догадался взять пса на поводок. Избавившись от орудия преступления, Войник взглянул на соучастника – в глазах пса явственно читалось осуждение. Взять на поводок и бросить палку было в собачьей картине мира за гранью дружбы.

– Прости, друг, – устало произнёс Якоб. Язык словно онемел, и слова давались с трудом. Так ещё и озноб начался, когда до организма запоздало стало доходить, что он чуть не преставился. – И спасибо тебе, приятель. Без тебя я б остался тут же, в листве...

Баба Глаша так и охнула, увидев «мальчиков».

– Какие ж вы грязные! Словно по земле катались.

Якоб не стал сообщать, что так в общем-то и было. К его давешнему фингалу добавилось ссадин. Рукав куртки еле держался, на штанине виднелась свежая дыра. Хорошие, между прочим, были штаны и куртка... но учитывая всё произошедшее – отделался он очень легко.

– Господи, неужели таки уронил? – Бабуля вытаращила глаза, представив свой самый страшный кошмар. – И протащил по парку?

Якоб криво улыбнулся:

– Типа того. Только вы его не ругайте, я сам... – Войник судорожно придумывал, чего такого он «сам».

– В телефону засмотрелся? – строго произнесла баба Глаша, передвигая руки от груди к позиции «в боки».

– Точно! В него! Мэйл от друга пришёл, ну я и зачитался.

– Ух уж эти ваши телефоны. Вы через них света белого не видите! – вздохнула старушка и сочувственно покачала головой, принимая поводок и притихшего пса.

– Доброй ночи, баб Глаш.

– Погодь, милый, – бабуля выглянула из-за полужакрытой двери. – Там к тебе ремонтники приходили, говорили, ты затопил соседей этажом ниже. Дверь вскрывали.

– Какие ремонтники? – напрягся Якоб.

– Два в чёрном, ну такие, как обычно – нерусские. Неприветливые. Выставили меня вон. Шумели там что-то...

– Ок, баб Глаш, спасибо!

Старушка закрыла дверь. Якоб ещё немного постоял за порогом, дождался трёх поворотов замка у соседки, её удаляющихся шагов и ворчания Жорика, который словно оправдывался. И лишь затем он тихонько толкнул свою дверь.

Та была не заперта, хотя замок и не вывернули, и не срезали. Работали знатоки своего дела. Прислушиваясь, Якоб открыл дверь шире. Внутри царил тишина, достойная хоррора – разве что тени во мраке коридора не мелькали, и то, возможно, только пока. Перешагнув порог, не включая свет, Войник на ощупь нашёл стоящего в прихожей бронзового Анубиса. Статуэтку подарила Машка – привезла из последней поездки в свой сказочный Египет, который сейчас уже сидел у Якоба в печёнках. И если честно, то ещё отдавался в почках, сиял под глазом, пучился шишкой на голове и, возможно, трещал парой рёбер.

Мимо ног проскользнуло чёрное с мерцающей шёрсткой пятно и на тонких лапах грациозно зашагало по коридору в спальню. Лидка.

Лидке Яша доверял. Если б внутри его кто-то ждал – она бы не подала такой знак.

Чиркнув выключателем, Якоб притворил дверь и осмотрел пустую квартиру. Видимо, все «ремонтники» сейчас отдыхали в парке. Зато следы их присутствия были видны во всей красе – вывороченные шкафы, перевернутая мебель. Если с дверью они сработали аккуратно, то тут спешили. Они явно что-то искали! При этом все ценные вещи были на месте. Ребята даже деньги не взяли. Но что тогда им было нужно?..

Ответ напрашивался сам собой, только Якоб пока боялся развивать эту мысль. Но если подумать он мог об этом и завтра, по совету мисс Скарлетт О'Хара, то вот действовать пора было уже сейчас. Поставив Стража Порога обратно на полку, Якоб переоделся, взял дорожную

сумку и покидал туда всё необходимое: документы, наличку, пару банковских карт, несколько смен одежды, гигиенические принадлежности. Потом он вспомнил про ноут... Папки с копиями фотографий под ним не оказалось. А сам ноут так и стоял на столе, и пытались ли его вскрывать с целью добраться до личной переписки, Войник не знал.

– Об этом тоже подумаю завтра... – пробормотал Яша, пакуя ноут и зарядку в другую сумку.

Собрав всё, мужчина поднял перевернутое кресло и сел на него, поставив обе сумки у ног. Сняв кольцо, он покрутил его в ладони, другой рукой вынул из потайного кармана визитку с золотым египетским глазом. В голове похоронным звоном зазвучали слова Борьки: «Блин, я же предупреждал... Это её... Набери, как сможешь!» Войник поспешно распаковал ноут, запустил и, еле дождавшись загрузки, загрузил Скайп. Ещё никогда он не был настолько рад видеть в онлайн знакомую иконку с гордым профилем Рамсеса Второго.

Руки дрожали, но в вебкамеру Яша старался улыбаться бодро.

– Привет! Вот, звоню, как смог.

– Ну наконец-то... Ой, бли-и-ин, ну и видок у тебя! – Борька на том конце присвистнул и даже отложил бутерброд. – Подрался, что ли? Хорошо хоть твой рамессидский нос не испортили!

– Да, это была бы великая потеря если не для всего мира, то для меня точно, – согласился Якоб. Про «рамессидский профиль» и характерную форму Яшиного носа Борька прикалывался чуть не с самого начала. – Рамсес был велик, но давай сразу перейдём к более ранней эпохе. – С этими словами он ткнул в камеру кольцо Карнагана.

Глаза египтолога расширились примерно до размеров линз его очков.

– Так... я не понимаю, во что ты там влез... Но ты ведь меня сейчас не успокоишь, не скажешь, что Стоун тебе в подарок отлил копию?

– Стоуна нет, – глухо сказал Якоб и резко покачал головой, пресекая дальнейшие расспросы. – Лично расскажу, давай. Коротко: на меня напали и весь дом перевернули. И вот ещё, – он показал Борьке визитку. – Никогда не видел такое, кроме как на артефактах своих?

Египтолог затих. Вебкамера глючила с передачей цветов, но Войник был готов поклясться, что его друг побледнел.

– Дневники... – тихо проговорил Борька наконец. – Дневники Джонатана Стоуна, лорда Карнагана... Яша, тебе нужно в Каир. Если это то, о чём я думаю... Я тебя готов хоть в музейный саркофаг тут уложить для сохранности.

– Понял тебя, – обречённо вздохнул Якоб. – А знаешь что... я приеду.

Слишком много вопросов без ответов. Смертельных вопросов.

Идея лететь в Египет показалась ему вполне здоровой, более того – единственно верной в текущих обстоятельствах. Он не мог вернуть кольцо покойному лорду, но он мог вернуть перстень в коллекцию – ведь часть коллекции, часть проклятого наследия, хранилась в ведомости Тронтона, в Каире.

Залечь если не в музейный саркофаг, то на дно, к Борьке, тоже было идеей вполне здоровой. Такого абсурдного жеста, как рвануть в Египет первым же рейсом, от него вряд ли кто-то ждал, начиная от начальства и заканчивая «ремонтниками» и теми, кто их послал.

Конечно, всё это могло стоить ему работы. На первое время сбережений хватит, а потом?..

– Блин, о чём ты думаешь, когда вот-вот отправишься на встречу с мёртвыми фараонами, – проворчал Яша.

– Чего? – не понял Борька.

– Да я так, о своём... Короче, дай гляну рейсы. Прямые до Каира уже есть – открыли же. Не отключайся.

Яша открыл ещё одно окно, выбрал ближайший рейс и забронировал, не глядя даже на цену. Как только он ввёл данные кредитки и выскочило подтверждение, он вернулся к Борьке и продиктовал номер рейса и время прилёта.

– Ух ты, что мне в тебе всегда нравилось: ты быстро принимаешь решения, – улыбнулся Борька. – Можешь у меня зависнуть.

– Спасибо. Должен буду.

– Баб Глаш, можно я у вас переночую? Ремонтники мне все так перекрыли, даже душ не принять.

Якоб стоял на пороге, улыбаясь и держа в одной руке дорожную сумку, в другой – сумку с ноутбуком.

– Заходи милоч, делов-то! Ты ж мне как родной, и вижу я тебя чаще, чем свою внучку. В большой комнате ложись – ну ты знаешь.

– Огромное спасибо!

Жорик был явно рад такому повороту и суетился, бегая то за старушкой, достававшей свежее постельное бельё и полотенце, то за Яшей, раскладывавшим диван в гостиной. Баба Глаша ещё и ужином хотела угостить, но Войник отказался – кусок в горло не лез. Хотелось поскорее в душ и спать, причём желательно без снов...

– Беруши дать? А то студенты снизу иногда так шумят – молодость вспомнишь.

– Да не, я как убитый сплю.

Квартира погрузилась в тишину, почти полную, если не считать могучего ротвейлерского храпа. Жорик бдительно растянулся в коридоре, между гостиной и комнатой бабы Глаши, чтоб обозревать весь периметр. Ну а Яша уже успел убедиться – с таким охранником ничего не страшно.

Смыв в душе грязь и остатки неприятного липкого страха, обработав ссадины, Якоб переоделся в футболку и треники и завалился на диван. Усталость сковала его, несмотря на стресс, почти мгновенно...

Калейдоскоп голосов и образов закружил его в темноте – будто вернулась кома, будто он снова блуждал по безликим безмерным коридорам не то своего сознания, не то каких-то иных пространств.

«Яшка, откуда оно у тебя?! – кричал Борька издали. – Это её... Было на ней, когда нашли...»

Из темноты выплыл ящик с маркировкой каирского музея. Крышка со скрипом открылась, и по краю протанцевала мёртвая рука с хрупкими изящными пальцами. Кольцо светилось на указательном пальце, дразня нерасшифрованными знаками. А когда Яша уже почти понял, что там было написано, рука продемонстрировала ему вполне современный жест, ничего общего с Древним Египтом не имевший.

Он понял, что сидит на втором ящике, и поспешно слез, когда оттуда тоже кто-то постучал. Крышка начала медленно приоткрываться, и оттуда показались две руки... точнее то, что от них осталось... На одной не хватало пальца. Яша вскрикнул и отшатнулся.

– Дорогой друг, может, вам стакан воды или глоток свежего воздуха? – спросили его сзади по-английски.

Якоб круто развернулся.

– Вы... Вы же мертвы?.. – растерянно проговорил он.

Артур Стоун успокаивающе похлопал его по плечу.

– Проклятие – вещь упрямая, – со вздохом напомнил он и сунул что-то Яше в карман, а когда поднял голову – на Войника смотрела пустая кровавая глазница и Око Уаджет, отпечатанное в золотистом воске. – И я зря дразнил змей... А это – её, да.

Многоликий шёпот наполнил темноту. Якоб бежал куда-то, подальше от мертвецов – древних и свежих, – а рядом с ним нёсся серый косматый пёс с горящими углями глаз. Мелькали безликие двери и слепые тёмные окна, коридоры петляли и расходились бесконечным лабиринтом. Из последнего коридора выскочил ещё один пёс, пристроился справа от Яши.

Этих собак Войник не боялся. Казалось, они оба охраняли его от *чего-то*, что шло по его следам... Но *что* это было, Якоб не знал и не хотел оборачиваться, чтобы узнать.

Мельком он посмотрел на второго пса – двуххвостого, с шерстью цвета запёкшейся крови. Почему-то это тоже не пугало и казалось даже естественным. Первый же пёс уже на следующем повороте преобразился, стал чёрным и гладкошёрстным, остроухим, как бронзовая статуэтка в коридоре.

Яша не знал, что сподвигло его сунуть руку в карман, но внутри оказалось злополучное кольцо. Кольцо, которое сунул ему сам Стоун, а вовсе не бомж подкинул!..

Вскинув голову, Яша вынужден был резко остановиться перед неожиданной преградой. Из темноты, подволакивая одну ногу, покачиваясь, выступила невысокая хрупкая фигура. Теперь он видел, почему она хромала – одной ступни не хватало. Лённые бинты прикрывали бурую высохшую кожу не целиком, а кое-где проглядывали кости. Змеи красноватых, под цвет шерсти второго пса, волос рассыпались по плечам причудливым плащом. Вместо диадемы

их поддерживали остатки погребальных покровов на голове. Высохшее всё ещё красивое лицо теперь не улыбалось. Мумия протянула руку, наставила на него указательный палец – без кольца...

...и Яша вскрикнул, проснулся.

За окном едва забрезжило утро. В серванте, за батареей советского хрустала, тикали механические часы.

Сердце колотилось как после настоящего бега, и даже в боку колело. Мышцы сводило судорогой начинающейся панической атаки. Кольцо приятно холодило палец. Остатки липкого ужаса нехотя утекали в ночь.

Баба Глаша, к счастью, крепко спала в берушах и его возглас не слышала. Зато прибежал встревоженный Жорик, ткнул Якобу в лицо мокрым носом, лизнул, чтобы привести в чувство.

– Давай, иди сюда, дружок, – вздохнул Яша, похлопав по постели рядом с собой.

На диван псу было нельзя, но сейчас случай был исключительный. Второе приглашение Жорику не требовалось – он с удовольствием взобрался и, кряхтя, устроился у Яши под боком.

Дыхательные упражнения Якобу рекомендовали ещё в ходе реабилитации. Войник сделал несколько глубоких вдохов и выдохов – напомнил телу, что оно было живо и здорово, что за ними никто не гнался, по крайней мере сейчас.

Сопение большого пса успокаивало. Ещё больше успокаивало, что скоро он полетит в Каир и наконец-то разберётся со всей этой чертовщиной. Спустя какое-то время он снова отключился – на этот раз без сновидений.

Глава 7. Невеста властителя

Год 2019, Москва

Ночные кошмары не способствовали раннему пробуждению. Якоб проснулся, когда часы в серванте показывали одиннадцать, а с кухни доносился умопомрачительный запах блинов.

Первой мыслью было: «Неужели проспал?!» – но следующей, более трезвой: «Рейс же в четыре».

Жорика рядом, по понятным причинам, уже не было – улизнул попрошайничать.

Собрав диван, Якоб поскорее оделся и умылся, параллельно проверил телефон. Удивительно, из редакции пока не звонили. Зато пришла эсмэска, что рейс отложен на час. И ведь регулярка, не чартер! Учитывая обстоятельства, настроению это не способствовало. Но по дороге на кухню Войник всё-таки состряпал выражение лица подружелюбнее – чтобы не печалить гостеприимную хозяйку.

– Доброе утро, Яшенька. Уж не стала тебя будить – блинчиков вот напекла, – улыбнулась баба Глаша, кивая на стопку вышеозначенных блинчиков, к которым прилагались сметана и клубничное варенье. – Может, с собой ещё в фольге завернуть?

Якоб чуть было не брякнул, что и правда неплохо бы, потому что в самолёте кормили не ахти как, но вовремя вспомнил, что нужно соблюдать конспирацию. Жорик тёрся рядом, сопел и кряхтел, изображая самого несчастного в мире пса и всячески демонстрируя, что он тоже не откажется от блина-другого... и от сметаны. Можно даже без варенья. Как-то грустно было напоминать ему, что у ротвейлеров слабая печень и больше одного малюсенького кусочка нельзя.

Блины у бабы Глаши всегда были отменные и к пятому кружевному подняли уровень сытости до предела, а общий настрой перевели в состояние «жизнь не так и плоха, хотя могло быть и лучше».

В Домодедово Войник ехал уже в более спокойном расположении духа, чем проснулся. Но при входе в аэропорт к нему попыталась вернуться паническая атака. Как гласила старая русская поговорка: «На воре и шапка горит». Повсюду мерещились агенты спецслужб в штатском, и Якоб был готов к тому, что в любой момент его могли остановить и попросить пройти куда следует. Кольцо лорда жгло карман, особенно на досмотрах. Якоб сунул его в джинсы, игнорируя требование «выложить все металлические предметы» – не хватало ещё, чтоб артефакт на сканере разглядели бдительные таможенники. К счастью, египетские боги оказались милостивы, а древние мастера знали толк в своей работе и со сплавами не мудрили – на проходе через рамку металлоискателя перстень не зазвенел. А на паспортном контроле никто не спросил Войника ни о чём, кроме цели поездки, даже когда пришлось снять солнечные очки и продемонстрировать давешний фингал. Видимо, и не такое тут видали.

Якоб не помнил, когда в последний раз испытывал такое сильное облегчение. Напряжение, конечно, не ушло до конца – пока он всё ещё был в Москве, а не в Каире, – но в руках был заветный посадочный. Очень хотелось выпить, но придётся подождать, а в Египте его уже ждала хорошая компания. Осталось только привезти «священных подношений» из Duty Free. Борька уважал хороший виски. Яша решил, что виски одному будет скучно... и мало, и докупил текилу, поборов искушение запереться где-нибудь и отхлебнуть прямо сейчас. В целом, конечно, хорошо, что на большинстве рейсов отменили алкоголь, но сейчас спиртного ох как не хватало.

У кассы заиграла тема Горного короля, в этот раз как-то даже зловеще. Улыбаясь кассирше, Яша расплачивался и старательно игнорировал звонок за звонком. Сан Саныч, когда припрёт, отличался настойчивостью. А Войник ещё не придумал, как объяснить своё отсутствие... незапланированное и долгосрочное отсутствие.

Время до посадки текло вяло и неповоротливо. Якоб гуглил новости, но пресса замалчивала подробности о Карнагане – видимо, дело уже передали в высшие инстанции, а там любителей сомнительного пиара водилось мало. Кольцо перекочевало во внутренний карман, и Войник то и дело проверял, на месте ли. Не надевать же его было, в самом деле, – слишком уж приметное. Да и держать в кармане джинсов тоже не хотелось, мало ли какое там проклятие на этих древних цацках.

Наконец объявили посадку, и Яша рванул к выходу одним из первых, лавируя между шумными туристами. Контингент в Каир летал несколько иной, чем на курорты Красного моря, но и тут не обходилось без классических представителей русских отдыхающих. Яков отметил, что редко кто был без алкодовеска в заклеенном пакете из Duty Free. Подготовленность земляков к отпуску вызвала улыбку.

Он уже протягивал посадочный талон, как вдруг увидел двух одетых в чёрное смуглых мужчин, которые, рассекая толпу, шли прямо к нему. Судорожно сглотнув, Якоб замер. В голове начали прокручиваться совсем не радужные варианты исхода. И журналист уже было дернулся в противоположную сторону, но «наёмники», белозубо улыбаясь, присоединились, по всей видимости, к своим друзьям в очереди.

Горный Король опять подал голос в кармане, и тут уже Якоб нещадно задушил Сан Саныча на третьей ноте и, приняв корешок билета, шагнул в рукав.

В самолёте пришлось отключить и смартфон, и ноутбук. Убедившись, что никто не придёт снимать его с рейса, Яша наконец выдохнул и погрузился в размышления, что станет делать дальше. Да, в последний раз он летал в Каир, к Борьке в гости, совсем при других обстоятельствах, гораздо более приятных. Рядом тогда сидела Машка, радовавшаяся отпуску, и ещё больше – возможности послушать редкую лекцию профессора Тронтона, ведь Борька не мог не пригласить не только друга детства, но и свою «первую любовь». Но

теперь вместо Машки в соседки ему досталась скандального вида тётка, правда, тоже блондинка – с высоким пергидрольным начёсом стиля «прощай, молодость». Но ладно, со всеми при желании можно было найти общий язык, а при удаче – сохранить молчание. Переглянувшись с пассажиром у окна – сухоньким мужчиной за пятьдесят, практически пригвождённым локтем дамы, – Якоб сочувственно кивнул.

В голову некстати полезли кадры из последней «Мумии» с Томом Крузом, где при перевозке саркофага древняя принцесса устроила всем увлекательное путешествие с крушением. Якоб искренне надеялся, что реальная царевна, хоть и была при жизни жрицей Сета, авиакатастрофами не промышляла. Допустим, она была добрее, а может, пока просто не разобралась в современных технологиях. Да и вёз он не мумию, а всего лишь её любимое кольцо. И, возможно, вёз, чтобы вернуть – так скажем, закопать топор войны в горячих песках.

«Всего лишь, ага, – скептически подумал Яша, вспоминая вчерашние приключения. Похлопав по карману пиджака, он нащупал злополучный перстень. – Какой же ты была, а?.. Может, мы бы поладили, знай я тебя получше. Два умных человека ведь всегда могут договориться».

Тётка смерила его оценивающим и почему-то сразу неодобрительным взглядом поверх очков в модной красной оправе. Она пыталась устроиться в своём кресле поудобнее и всем своим видом демонстрировала, что соседи ей мешают. А может, она тоже хотела место у прохода.

Яша улыбнулся, представив, что будет, если он посмотрит на неё поверх уже своих очков.

Меж тем все наконец расселись на свои места. Командир корабля порадовал пассажиров традиционным приветствием, и самолёт загудел. Симпатичная стюардесса начала стандартную демонстрацию аварийно-спасательного оборудования. Войник невольно зажмурился. Он никогда не страдал аэрофобией... но ведь и египетские царевны за ним раньше не охотились.

Но самолёт благополучно преодолел взлётную полосу и постепенно поднялся ввысь, унося Якоба из московской весны и, как хотелось верить, прочь от проблем. Когда табло «Пристегните ремни» погасло, а напитки ещё не принесли, Войник открыл столик, достал

блокнот и старенький «Паркер». Аккуратным почерком в треть высоты клетки он вывел сегодняшнюю дату. По доброй традиции Якоб совершил ритуал определения вероятности благого исхода, сложив все числа даты – седьмое апреля две тысячи девятнадцатого года, – пока не получил конечный результат.

Пять. Самое вредное число! Неопределённая середина, когда результат непредсказуем, а фортуна – ветрена. Ну что ж, человек – сам кузнец... и другое рифмующееся слово... своего счастья.

Кофе в самолёте был, как обычно, гадким. Иногда Якобу казалось, что авиакомпания устраивают кастинг на самый непотребный сорт: мерзостный вкус был призван заглушить всевозможные негативные эмоции и фобии, которые могут возникнуть при полёте. И ему, чёрт возьми, удавалось! Стоило лишь адскому напитку попасть на язык, как мигом улетучивались все мысли, кроме одной: «Надо было брать чай!» В общем, как раз то, что ему сейчас требовалось. В кои-то веки он даже попросил добавку, а вот от обеда – или уже ужина? – отказался.

После приёма пищи пассажиры наконец уgomонились, и салон самолёта погрузился в благодатную тишину, которую нарушал только гул двигателей, чей-то храп и смутные долетавшие из чужих наушников звуки не то музыки, не то фильмов. Даже соседка перестала ёрзать в кресле и уткнулась в планшет с каким-то сериалом.

Яша размечтался о том, как прямо сегодня напьётся... то есть культурно отдохнёт в компании египтолога, своего друга детства. И проблемы перестанут казаться такими уж неразрешимыми. Может быть, уже завтра, ну или через недельку всё будет путём. Главное, чтоб царевна не вырубил двигатель, а неизвестный охотник не успел впечатать ему Око Уаджет на месте глаза. И как он дошёл до такой жизни? Когда от принцесс приходится спасаться бегством за четыре с половиной тысячи километров!

Якоб сам не заметил, как задремал, провалился в глубокую темноту, в которой истаяли все привычные звуки. В какой-то момент из этой темноты выплыло знакомое лицо мумии с выставки, но он уже так перенервничал, что отмахнулся и нырнул глубже в сон.

Ему снилось что-то обрывочное. Видения напоминали осколки стекла в калейдоскопе, которые никак не могли собраться в цельную картину. Как будто неведомый оператор никак не мог настроить камеру на показ чего-то конкретного.

Шумные процессии. Огонь и песок. Залы с богатым экзотическим убранством, множество людей, которых он не знал. Большая лодка и молодая женщина, стоявшая на носу, безучастно вглядывавшаяся в даль.

Якоб, как герой Уэлса, заскользил по фрагментам прошлого, что в бешеном ритме сменяли друг друга, пока не провалился в глубокий сон – настолько чёткий, что казался реальнее жизни. И в этой жизни он видел и знал больше. Он ведал сокровенное и понимал слова языка, что вот уже много веков не звучал в известном ему мире.

Год 15xx до н. э., Хут-Уарет^[30]

Владыка Обеих Земель... Таков был положенный ему древний титул, и ещё ряд положенных имён, высеченных на его саркофаге. Обеих Земель... которых не было, как его не было среди живых...

Этот титул жёг губы горечью невысказанности, теснился в груди невыплаканными слезами. Но лицо было не живее погребальной маски – спокойное достоинство. Мёртвая безмятежность. Обряд был завершён, и выбор – сделан, ещё там, в Уасет^[31], где теперь проклинали её.

«Зачем пришла сюда?»

«Зачем?»

«Зачем?»

Змеиный шепот чужих мыслей не нарушал её покой. Что ей было до них, до их осуждения, когда собственный народ отринул её?

Всё шло так, как должно было, так, как она хотела.

Она подала жест слугам, и те передали ей ларец из драгоценного кедра. Говорили, что когда-то добыть кедр было легко – торговые пути процветали. Теперь в это верилось с трудом...

– Великий Владыка Хут-Уарет, чья поступь заставляет врагов трепетать и содрогаться, как поступь самого Сета, пред кем содрогаются небеса! Прими наши скромные дары во славу твою. Сокровищница Уасет оскудела и не сравнится ей с твоим великим богатством. Но да обрадует твой взор наше золото.

Удивлённый шёпоток среди свиты. Да, она не боялась произнести имя древнего Божества, избранного чужеземцами своим покровителем. Не ей надлежало бояться – им, им всем! Кроме того, кто восседал на троне.

Да, она чувствовала его Силу и не могла не уважать её. Тот, кто держал крепкой рукой всю Нижнюю Землю, не был обычным человеком. Говорили, он был колдуном и колдовство его оказалось сильнее жреческой магии древних.

Хека-хасут^[32] называли его величайшим из своих властителей.

И величайшим из властителей Та-Кемет, Та-Мери...^[33]

Рано было поднимать взгляд, и она старалась смотреть перед собой. Покорная посланница поверженного Владыки, и всё же выше прочих здесь.

– Солнце зашло для нас, когда пал наш правитель. Но я шлю тебе весть о мире и нашу добрую волю, уповая на милость твою.

Её голос лился ровно, мерно, как воды Великой Реки Хапи^[34]. Она позволила буре отгреметь прежде, чем пришла сюда.

– И правда, плохи дела в Верхней Земле, раз и послов не осталось... – усмехнулся кто-то.

– Царскую дочь послать не побоялись. В следующий раз дождёмся саму царицу? Теперь ей, должно быть, одиноко там.

– Не так уж юна теперь царица, чтобы радовать взор нашего Владыки!

– Девчонка не испугалась прийти...

– На брюхе приползла, о милости молить...

Чужие слова бессильно осыпались о доспех её бесстрастности. Нельзя было унижить того, кто стоял многим выше их всех.

Царская дочь, наследница Богов и величайших Владык древности. Сам Таа Секененра Храбрый был её отцом, и великая защитница народа Яххотеп – её матью. Пусть глумятся, гиены, – они даже гнева её не достойны.

Но одного лёгкого жеста Апопи^[35] было достаточно, чтобы насмешки стихли и зал погрузился в почтительное молчание.

– Я приму дары твоей семьи, дочь Владык.

Звук его голоса заставил её внутренне содрогнуться. Та же спокойная воля, уверенность в своей силе, в своём праве. Он единственный в этом зале был равен ей.

– Будь моей почётной гостьей. И никто здесь не посмеет оскорбить тебя. Пусть каждый запомнит мои слова.

Последнее было сказано миролюбиво, но только глупец не различил бы угрозу. Итак, Апопи взял её под защиту... пока что.

– Владыка оказал тебе величайшую милость! Склонись! – подобострастно проговорил советник.

– Ни перед кем, кроме самих Богов, не склоняется царская дочь. – Она покачала головой и сделала несколько шагов вперёд, опустила ларец у трона – так близко, как позволяли стражи Апопи.

И по-прежнему не смотрела выше, не встречала его взгляд.

Воины шагнули было к ней, но снова их остановил один краткий жест.

– Оставьте нас, – приказал правитель.

Никто не смел возражать ему. А она кивнула своей немногочисленной свите, тем самым давая понять, что над её людьми власть была только у неё.

Распахнулись золочёные двери, и вельможи потянулись из зала. Замыкали процессию стражи, уходившие нехотя, явно не желая оставлять своего властителя наедине с дочерью врага.

– С чем ты пришла на самом деле, дочь Владык? – спросил Апопи, поднимаясь с трона. – Ведь не только чтобы принести мне дары примирения.

– Я желаю мира, властитель, и преклоняюсь перед твоей силой, – ответила она и, помедлив, закончила: – Я здесь, чтобы принести тебе в дар *себя*, Владыка Та-Кемет. Я желаю стать тебе супругой вопреки всему, что было меж нашими народами. Ибо, как ни слепы другие, я вижу: лишь тебе под силу снова объединить Обе Земли.

И снова тишина... которую расколол его негромкий смех.

– Ты ведь даже не смотришь на меня... и причина тому не страх, нет.

Он вдруг оказался слишком близко и, нарушив все границы, приподнял её лицо за подбородок, глядя хищно, оценивающе. Но так смотрят не на товар, не на наложницу... Так смотрят на возможную угрозу.

Встретив его взгляд – точно в бездну заглянув, – она поняла, что действительно никогда не вернётся в Уасет. Потому что здесь её жизнь завершалась.

Что увидел в ней в тот миг Апопи, она не знала – возможно, отражение той же Силы, что текла в его жилах вместе с кровью. А она смотрела на него и понимала, что величайшим из властителей его звали не из желания польстить.

Он и был таковым – правителем, достойным быть равным даже её предкам, достойным и титулов их, и атрибутов их священной власти.

– А если приму, что станешь делать тогда, царская дочь? – вкрадчиво спросил он. – Я ведь знаю, *кто ты* на самом деле...

– Молодой человек, имейте совесть! – чей-то противный голос ввинчивался в мозг, как звук соседской дрели в выходные. – Я вам что, подружка?

Яша проснулся рывком, поняв, что, когда уснул, в какой-то момент уронил голову на плечо соседки.

– Извините... – сконфуженно проговорил он, тщетно подавляя зевок, но тётка продолжала возмущаться, пока ей не сделали замечание уже с соседнего ряда.

Тут она переключила свой гнев на другой объект, и Якоб с облегчением вздохнул. Вот ведь некстати как! Сон ускользал, и Войник никак не мог ухватить его за хвост, рассмотреть во всех деталях... Рука инстинктивно метнулась к кольцу. То, разумеется, никуда не делось.

– Понасажают всяких, – буркнула пергидрольная мегера.

Якоб запоздало понял, что солнечные очки упали на грудь и он всю отсвечивал фингалом, который в паре с внушительным запасом алкоголя помог даме однозначно классифицировать соседа.

Прозвучал сигнал, и зажглось табло «Пристегните ремни». Почти четыре с половиной часа, оказывается, пролетают незаметно в компании глюков. Впрочем, это Яша давно уже знал.

Самолёт заходил на посадку. Войник тщетно пытался вспомнить подробности того, что же ему привиделось. Вмиг всё выветрилось, как бывает после внезапного пробуждения. То, что казалось таким реальным и знакомым, рассеялось, словно утренний туман, оставляя лишь лёгкую тоску по чему-то важному. Кажется, помимо красот

египетских пейзажей там фигурировало какое-то имя... И вот это имя он, как назло, не дослушал.

На досмотре в шумном каирском аэропорту сердце ёкнуло ещё раз, но никаких вопросов у египетской таможни не оказалось. В прошлый раз на чемодане ему срезали замок, а теперь сумка приехала по ленте транспортёра нетронутой – и Якоб счёл это хорошим знаком. На египетской земле ему были рады.

В зале ожидания он начал высматривать Борьку. Тот всегда отличался пунктуальностью, которая могла сравниться разве что с его дотошным вниманием к деталям. Не подвёл друг и в этот раз – стоял с табличкой, на которой латиницей аккуратно было выведено «Войник» и пририсован смешной носатый человечек. Прищуриваясь даже в очках, он просеивал толпу прибывших, ища Якоба.

– Я чертовски рад тебя видеть! – без прелюдий воскликнул Войник.

Борька усмехнулся, поправил очки.

– Радость взаимна, коллега. Ну что, домой?

– Праздновать встречу, – кивнул Яша, приподняв призывно звякнувший пакет из Duty Free.

Египтолог, не чуждый радостям не только древности, но и вполне обычным, земным, тут же перехватил пакет.

– О! Это дело. Ну-ка, что привёз?

– Вискарь. Ну и напиток любителей пирамид, прям для тебя.

Борька вынул бутылку Olmеса и наставительно возразил:

– Это не те пирамиды.

– А те уже оскомину набили.

– Ладно, твоё счастье, что египтяне не гнали текилу.

Глава 8. Вечер воспоминаний

Год 2019, Каир

– Мы точно поедем на этом?

Якоб недоуменно смотрел на автомобиль, который выглядел так, словно доставлял самого Хеопса на стройплощадку.

– Гиксосов бояться – в Кемет не ходить, – улыбнулся Борька. – Садись, мигом домчимся.

Белозубый араб блеснул улыбкой, словно подтверждая слова Борьки, и сделал погромче музыку, желая приобщить пассажиров к родной культуре. Было что-то в этой улыбке лукавое, но что именно, Якоб понял, когда их «колесница» влилась в поток машин на местной кольцевой. Хотя «влилась» – это не совсем то слово, что приходило на ум. А на ум Войнику, подпрыгивающему на заднем сиденье, приходили лишь самые популярные экспрессивные слова великого и могучего. И слова эти, безусловно, срывались бы с его языка, если бы не страх его прикусить на очередном крутом вираже.

Таксист – а Якоб уже не сомневался, что именно этот араб был дублёром всех частей «Форсажа» и «Трёх иксов», – дрожащим метеором летел сквозь ночь, в компании десятков, сотен таких же

лихачей. Вечером ситуация с пробками была не так беспросветно ужасна, как днём, но привычки водил оставались те же.

Обещанный «миг» растянулся в бесконечную ленту стоп-кадров, в каждом из которых застыло небывалое по своей выразительности лицо Войника. О том, чтобы любоваться видами из окна, и речи не было. Во-первых, Египет накрыла ночь. Во-вторых, в этих окнах показывали таких же «гонщиков Спида», и Якоб противно ощущал себя той самой мартышкой, которая вечно сопровождала главного героя старого японского мультика. А стоило увидеть в зеркале выпученные глаза, изогнутый рот и осмелевшую двухдневную щетину, как сомнений не осталось: если выживет – он убьёт Борьку!

Всё, что оставалось, – до судороги в пальцах прижимать к груди пакет с бутылками, жалобно цокавшими друг о друга. Отдавшись судьбе, Войник слился в едином ритме с прыгающим стареньким «Фольксвагеном», паря из одной стороны сиденья в другое, и даже стал смотреть по сторонам. Обступавшие «кольцевую» недостроенные многоэтажки выглядели поистине постапокалиптически, с узкими улочками «дом в дом», уходящими в никуда, и вереницами слепых окон. Как объяснил Борька, правительство поменяло стандарты, и жилые дома можно было строить только на определённом расстоянии от эстакады. Вот и остались эти не введённые в эксплуатацию гиганты, тарашившиеся на дорогу, точно готовая декорация к фильму «Я – легенда». Разве что вездесущей растительности не хватало.

А потом водила свернул с гладенького автобана на узкие улицы центрального Каира, и Яша предпочёл зажмуриться, судорожно вспоминая, какой египетский бог помогал путникам в сохранности добраться до дома.

– Ну и рожа у тебя была! – смеялся Борька, шагая к двери многоквартирного дома. – Как тогда, когда ты впервые Секененра увидел! Хотя нет. Лучше!

– Не в том я возрасте, Николай, чтобы на таких скоростях перемещаться! – Якоб икнул.

Выйдя из машины, он первым делом достал бутылку, сорвал печать и сделал большой глоток виски прямо из горла.

– Да какой же русский не любит быстрой езды? – не унимался друг.

– Тот, что жить хочет! – парировал Якоб и, окинув раздобревшего на институтских харчах Борьку, сказал: – Или тот, что снабжён подушкой безопасности.

– Это трудовая мозоль! Всеобъемлющая и беспощадная! – не терял оптимизма приятель. – Вот и пришли.

По узкой лестнице они поднялись на четвёртый этаж, стараясь по возможности не шуметь и не брэнчать бутылками.

– Главное, коменданта не разбудить, – шёпотом предостерег друга Борька. – Та ещё египетская кара на мою голову.

– Ты же адепт культуры, науки? – удивился Якоб. – Какие к тебе могут быть претензии?

Николай пожал плечами, открыл дверь и пропустил друга внутрь квартиры.

– Почти бабушкина сталинка до переезда, только с кондёром и без блинов, – Борька бросил ключи в деревянную миску у входа и сел на любимого экскурсионного конька, шустро, как регулировщик, махая руками. – Кухня справа, ванная прямо и налево. Гостиная – вон, там мы будем пить, а потом ты спать. Кабинет. Туда не ходи, а то что-нибудь сломаешь. Ну и сплю я там.

Якоб кивнул, вручил другу пакеты дьюти-фри, поставил сумки у порога и неровной походкой двинулся прямо и налево.

– Я ж тебе говорил, не пей на жаре, – крикнул Борька и, взяв пульт, прибавил холода в кондиционере.

Не успел он достать бокалы, как со стороны ванной раздался вопль, переходящий в нервный хохот. Покачав головой, Борька пошёл на звук.

– Что за саранча в этот раз?

– У тебя тут подушка ползет! – хихикал Якоб, тыча в сумрак спальни-кабинета. – Ползёт прямо по кровати и хрюкает.

Борька поправил очки и посмотрел в направлении перста указующего.

– Это не подушка, это Говард Картер. А у тебя, Яшка, истерика.

Якоб смотрел, как мятая подушка стекла с кровати, согнувшись пополам и на уголках-ушках, переваливаясь, поплыла в их сторону. Вынырнув на свет, подушка магическим образом превратилась в английского бульдога. Войник присел. Пёс остановился, облизнул свой нос, после чего шумно втянул воздух и не менее шумно выдохнул его обратно, окатив удивленного Якоба мелкими брызгами.

– Твоя подушка похожа на собаку.

– Картер, это – Якоб, Якоб, это – Картер. А теперь, Войник, давай, пошли в гостиную и прикинемся приличными людьми. Но сначала иди всё-таки умойся. Только смотри, воду из крана не пей. Это тебе не Европа, тут всё суровее.

Прохладная вода живительным образом подействовала на горе-путешественника. Голова всё ещё немного гудела – сказались и тряска, и московские встречи. Да и припадок скорее был следствием пережитого, чем пары глотков вискаря. Хотя после них ему явно стало легче.

Войдя в гостиную, Якоб принял из рук друга стакан с шипучкой.

– Пей, чтоб наутро не было мучительно больно!

Войник опрокинул зелье и уселся в кресло. Напротив, через маленький столик, на диване сидели Борька и Картер и сверлили его взглядами.

– Если б я не знал тебя с детства, подумал, что это твой брат-близнец, – улыбнулся Якоб. – А как же твоя любовь к ротвейлерам и Машке?

– А чем тебе Картер не ротвейлер? – хмыкнул Борька, нарезая лимон. – Самый настоящий ротвейлер, просто компактный и спокойный. Профессору Тронтону подарили поклонники – самый настоящий англичанин, с родословной. Но начальство моё вечно в разъездах, не до собак ему. В общем, теперь этот складчатый аристократ перекочевал ко мне и вроде вполне доволен жизнью.

Борька протянул уже другой стакан Якобу, игнорируя вопрос про Машку.

– За встречу! Рад, что ты наконец-то вырвался из Москвы.

– Ты не представляешь, как рад я, учитывая последние события. Спасибо, что пригласил!

Под звон бокалов Картер слямзил последний кусок колбасной нарезки. Оценив ситуацию как не требующую его собачьего внимания и вмешательства, он вновь обернулся подушкой, слившись с флисовым одеяльцем такого же песочного цвета, как он сам.

– Маскировка сотого уровня! – кивнул на пса Борька. – Враг не заметит до тех пор, пока уже не будет поздно! Да, Пластик, да мой ШАбак?

Николай трепал складки бульдога и улыбался.

– Пластик? – не понял Яша. – Он же вроде бы Говард Картер.

– А то! Исторический культурный пласт! Картер он по паспорту, истинный англичанин, а для друзей Пластик. А ты сам-то как, Горлум свежеиспечённый? Показывай свою «прелессть».

Войник помрачнел. На эти пару часов он совершенно забыл о кольце, а теперь словно заново ощутил и тяжесть амулета, и тяжесть своей судьбы заодно. Отставив стакан, Якоб достал из кармана вещицу. Он чувствовал её тепло в кулаке, который не решался разжать. Секунда, две, три. Тягостные воспоминания последних дней возвращались, вытесняя дурман виски и текилы и беззаботную лёгкость, к которой он уже успел привыкнуть и которую отпускал с превеликим сожалением.

Войник нехотя протянул кольцо другу, но стоило Борьке коснуться артефакта, как раздался треск и звучный удар сзади. Якоб инстинктивно сжал кольцо в кулаке и обернулся. Створка окна, раскрывшись, ударилась о стену. И в этот самый момент порыв жаркого ветра из черного прямоугольника ночи ударил ему в лицо. Словно поцелуй пустыни. На лбу выступили бисеринки пота, а в голове зазвучали знакомые слова: «Анх-Джесер».

– Ну Сет побери! – выругался Борька, закрывая окно. – Давно его надо починить, всё руки не доходят.

Посмотрев на друга, он озадаченно пригладил бородку:

– Яшка, ты чего? Бледный, словно мумию увидел.

Якоб вздрогнул и будто очнулся. Он мотнул головой, прогоняя наваждение, встал и, дотянувшись до бутылки, плеснул в стакан «огненной воды». Борька тем временем закончил «починку» окна.

Зловещая тишина затягивалась, и Войник, чтоб как-то вернуть ускользящее веселье, подошёл к книжному шкафу. Бегло пробежав взглядом, слегка затуманенным текилой и вискарём, по корешкам страниц, он переместился на полку с фотографиями. Борька на раскопках, на верблюде, с какими-то мудрыми учёными, судя по солидному виду их и восторженному взгляду друга. И среди всех этих трофеев немного выцветшее, с помятым уголком и маленьким сколом на зелёной рамке фото трёх подростков.

– Не знал, что ты притащил прошлое с собой в пустыню.

Якоб взял фоторамку и, вернувшись в кресло, стал рассматривать снимок.

– Подумать только, полжизни назад.

– Лучше и не скажешь. Мы были как три мушкетёра. Ты, я и Машка.

– Ты всё так же сохнешь по ней?

– Пф, – попытался отмахнуться Николай, но покрасневшие уши были лучшим ответом.

– Баба Глаша говорит, что она часто летает в Египет.

– Может, и летает, – пожал плечами Борька, – только мы словно ходим по разным берегам Нила. Вернее, я-то застрял в песках прошлого, а она предпочитает песок пляжей Красного моря.

– М-м-м. Ну а что, я б посмотрел на Машку в стрингах. Последний раз-то мы вместе загорали в классе девятом, и смотреть там было ещё особо не на что.

– Вот неправда! Было на что! – возмутился Борька, опрокидывая стакан и заедая лимоном.

– Ты поэтому весь пикник пролежал пузом в песок? – засмеялся Якоб.

– Легко тебе говорить. При твоём рамессидском носе подцепить девицу никогда проблемой не было. О, кстати, а как там твоя кукольная красотка с ласкающим мой слух именем Нил?

– Кэролин? Наверное, неплохо. Где-то там, в другой вселенной, где меня нет.

М-да, вот, видимо, потому, что мы такие умные и красивые, сейчас сидим тут, нажираемся и вспоминаем бывших?

– Ха, а кто поспорит, что умные и красивые. Хотя нет, прости, но ты просто красивый. А я всем хорош, но моё сердце отдано пустыне!

Борька подорвался и вернулся с ноутбуком.

– Ты что затеял? – удивленно вскинул брови Якоб. – Только не пьяный Мамба, я тебя умоляю!

– А вдруг у Машки фотки в бикини есть в профиле на фб?

– Нету, – протянул Якоб и вздохнул.

– Вот ты морда! А ещё друг!

– И как друг я просто обязан лайкать фотки моих друзей, особенно в бикини.

Повисла неловкая пауза.

– Крокодил дери, словно нам опять пятнадцать! Одна радость – алкоголь купить можем без проблем, – хлопнул в ладоши Борька, но, погрузнев, добавил: – Хотя тут мне тоже не особо подфартило. В Египте хороший алкоголь ещё поискать.

Друзья рассмеялись.

– И, как в пятнадцать, у тебя синяк под глазом. Что за история?

– Расскажу – не поверишь! Во всем виновато *оно*.

Войник положил на стол кольцо. Золото вспыхнуло, поймав свет лампы. Борька поправил очки и нагнулся, рассматривая украшение. Он что-то забормотал, видимо, читая надпись.

– Что говоришь?

– Я говорю, ван ринг ту бринг зем олл^[36].

– Вот тут согласен, собрало оно всё, что могло: от кошмаров во сне до неприятностей наяву. Давай не будем о плохом сегодня... хоть один вечер расслабиться.

– Ну ладно. Хоть про драку расскажи?

Войник кратко рассказал о потасовке в «Метрополе» и о ремонтниках. Борька слушал внимательно, не перебивая, но когда Якоб закончил рассказ, то в образовавшуюся паузу самым бесцеремонным образом ворвался дуэт храпа: Пластик и его хозяин сопели в унисон в четыре дырочки.

– О'кей, гугл, и как давно он спит?

– Ой, прости, что ты сказал? – потирая глаза, очнулся Борька.

– Говорю, спать пора. Тебе ж завтра на работу?

– А? Да, – закивал египтолог. – Я с утра на работу, а потом устрою тебе эксклюзивную экскурсию, которая решит все твои проблемы.

Борька принёс комплект постельного белья, забрал Пластика вместе с одеялком и поплёлся в спальню.

– Эй, а что всё-таки на кольце-то написано?

– Сутех, Владыка Северного Неба, – зевая, ответил египтолог.

– И всё?

– Ну да... собачку ж видел с хвостом-вилочкой? Вот это он и есть. – Вздохнув, он посмотрел на Войника не совсем трезвым, но всё-таки понимающим взглядом. – Говорил я тебе, что с наследием Карнагана связана какая-то дрянь. Но ты не бойся – завтра всё закончится!

– Собачка – это же хорошо? – с надеждой спросил Якоб. – Не змея там какая и не скарабей, катящий шар навоза на мою голову...

Борька лишь пожал плечами.

Когда дверь за другом закрылась, Якоб ещё посидел пару минут, прежде чем выключить свет и плюхнуться на подушку. Он вспомнил последний сон, где с ним рядом бежали два пса. Один из них был двуххвостый, с шерстью цвета запёкшейся крови. Зверь Сета, стало быть...

Завтра он отдаст кольцо музею, и миссия будет выполнена. Завтра всё закончится. В это прекрасное завтра он ужасно хотел верить.

Год 15xx до н. э., Уасет

Ночь застыла за ним, безмятежная, таинственная, но он был не в силах сделать последний шаг. Замерев на пороге шатра, он любовался своей царевной, и от её красоты замирало дыхание, как в тот самый первый раз...

Только эта ночь была последней из дарованных им. И казалось, чем быстрее он преодолеет расстояние меж ними, заключит её в объятия, тем ближе будет миг расставания.

Она улыбнулась, повела плечами так, что тонкий лён туники соскользнул, обнажая бронзовую кожу, и поманила его в полумрак шатра, освещённый скудным огнём светильника.

– Ты ведь не смотреть на меня пришёл, – вкрадчиво заметила царевна. – А рассвет настигнет нас раньше, чем мы будем готовы...

Её глаза, тёмные драгоценности. Изгибы её тела и грация речных волн. Её благоухающие редкими ароматными маслами волосы, которые она выкрасила в цвет кровавой меди... Каждую её черту он силился запомнить, вырезать по камню своей памяти, чтобы после сохранить в вечности... Но разве мог камень сохранить непокорную жизнь, неуёмное пламя её воли? Она была самой стихией, пленить которую не мог никто.

Приблизившись к ней, он опустил рядом, коснулся кончиками пальцев её лица, обрисовывая черты. Царевна поцеловала его ладонь, останавливая.

– Мы живы, любимый. Не оплакивай меня раньше, чем суждено.

– Не оплакиваю... Любуюсь...

– И боишься... – вздохнула она и, не дожидаясь, сама прильнула к нему, окуная в свой томительный огонь.

Боль и сладость, последний прыжок в бездну... Он не знал, как быть без неё... И после, когда царевна свернулась в его объятиях, он вдыхал аромат её волос, не в силах надышаться, и просил не уезжать.

– Он погубит тебя, – слова вырвались сами, запечатав безмятежную ночь безысходностью. – Я не смогу защитить тебя там...

Царевна повернулась, чтобы посмотреть ему в глаза – уже не просто прекрасная женщина, а жрица. Мудрая, знающая тайны, которых боялись касаться многие посвящённые его народа.

– Прости, что обрекаю нас на это... В тебе я черпаю силы на этот шаг. О, я знаю, чего ещё ты боишься. – Она улыбнулась, обняла его крепче. – Но есть только ты. И всегда будет так... Ты – единственный, кто видит моё сердце и знает меня... единственный, кто сохранит меня для вечности такой, какая я есть... когда все остальные забудут...

Она взяла его за руку, переплетая свои пальцы с его, и он почувствовал холод кольца.

Её кольцо. Её имя...

– Но сегодня – люби меня, люби так, словно вечность уже открылась нам...

Глава 9. Каирский музей

Год 2019, Каир

Когда Якоб разомкнул веки – надо сказать, не без труда, – первым, что он увидел, была Лидка. Чёрная кошка сидела у него на груди и внимательно смотрела изумрудными глазами.

– Тяжёлая же ты, – сонно проворчал Войник.

Кошка наклонила точёную головку и открыла пасть, вроде бы для привычного «мяу». Но вместо этого кошачья морда вдруг растянулась, превратившись в зубастую пасть. Из чрева монстра вывалился огромный слюнявый язык и отвратительной змеей потянулся к лицу Якоба.

Пришёл в себя Войник уже на полу. Утираясь, он смотрел на Пластика, который даром что не улыбался, роняя слюни. А затем этот представитель старой английской аристократии поднял свой складчатый зад и с грацией слона запрыгнул на диван вместе с песочным одеялком в зубах. Потоптавшись на ещё не остывшем месте, чудовище улеглось, отключив картошку-хвост и вытянув задние лапы, как цыплёнок табака.

– И тебе доброе утро, сэра Картера, – проворчал Войник.

Приняв душ, Якоб оделся в слегка мятую, но чистую футболку и шорты-сафари и пошёл на кухню в поисках пропитания. На сушилке стояли вымытые стаканы, а на столе лежала записка, придавленная статуэткой Бастет и ключами.

«На карте всё отмечено. Жду тебя в 14.30 у котика. Картера не корми, даже если он будет изображать семь лет голода и неурожая».

П.С. в контакты с комендантом не вступай.

П.П.С. немного президентов, ты ж своих не успел завести».

Под запиской лежали несколько купюр – долларов и местных египетских фунтов – и распечатка куска атласа Каира, с названиями на английском и арабском. Первая метка была обозначена как «ты тут», а вторая – «тебе сюда». Кривая красная линия отмечала маршрут, а сноска гласила: «Или поймай такси».

– Борька, Борька, заботливый ты человек, но дремучий, – покачал головой Якоб, доставая смартфон, внося начало и конец маршрута. – Вот! Маршрут построен!

Гугл радостно отрапортовал, что конечная цель – Каирский музей, точнее, Египетский музей древностей.

«Милое место, полное мумий. А я им уже почти родной», – смирившись с судьбой, подумал Якоб.

Вернувшись в гостиную в поисках своих часов, он остановился у полки с фотографиями. Сегодня, на трезвую голову, он даже узнавал несколько лиц. Вот этот бородач – явно профессор Тронтон, а вот этот сам Карнаган, да хранят пикси его прах. Якоб присмотрелся. Красотка в синем, в цвет стильному наряду, платке, закрученном на манер чалмы, была очень похожа на брюнетку с выставки. Надо будет спросить, что за важная змейка. И в каких запасниках такие водятся.

Достав смартфон, Якоб сфотографировал прекрасную незнакомку. При первой же возможности спросит Борьку про неё...

Воображение услужливо подсулоло образ черноглазой красавицы в весьма интересном антураже и намерении... но картинка вмиг лопнула, как пузырь, от настойчивого стука в дверь.

Якоб напрягся. На цыпочках он подошёл к двери и приложил ухо.

Ухо – не глаз, особой ясности не добавило. Затаив дыхание, Войник вслушивался в сопение за тонкой дверью.

Постучали ещё раз. Картер никак не отреагировал. Где это видано, чтобы культурный Пласт сам шёл к человеку? Правильно: нигде! Он залегал на диване, глубоко начхав на шум.

Похоже, незваному гостю наконец надоело барабанить. Шаркая по коридору, он удалился.

– Словно агент в Касабланке, – усмехнулся сам себе Войник и дунул на импровизированный пистолет из пальцев.

Вернувшись к насущному вопросу, Якоб распахнул холодильник и разочарованно скривился. На верхней полке жил лимон в компании с мумией той самой легендарной мыши из династии Голодиус Покатишарус.

– Я, конечно, слышал о страсти египтян к добавлению лимона во все блюда, но, похоже, ты, Николай, их всех превзошёл. У тебя лимон как блюдо!

На тарелочке рядом с лимоном сиротливо лежал кусочек вчерашней салями – его Картер слямзить не успел чудом. Якоб отправил одинокого страдальца в рот и закрыл холодильник.

Решив испытать удачу ещё раз, Войник открыл дверцу кухонного шкафчика. Но там лишь томились начатая пачка мюсли и мешок собачьего корма. Даже макароны не водились.

Стоило скрипнуть дверцей, как Картер материализовался в опасной близости от заветных сухариков. Телепортировался, не иначе! Якоб глянул в блестящие глаза, полные безраздельного интереса, отметил ритмичные подрыгивания хвоста-картошки и неконтролируемые пританцовывания задних конечностей, прищурился и быстрым движением закрыл шкаф.

– Кто предупреждён, тот вооружён! Твой старший брат велел игнорировать твои мольбы о хлебе и зрелищах. Признаться, он этот фокус и со мной провернул. Так что прости, Говард, тебе ещё копать и копать, пока в песке не покажутся кости твоего фараона.

Якоб взял сумку с фотоаппаратом, на всякий случай засунул в неё карту и с лёгким сердцем шагнул за порог, в новый день в малознакомом городе.

Выходя на улицу, он чуть было не столкнулся с чёрным, как финик, и худым, как трость, арабом в традиционной галабее. На ногах араба были странного вида кожаные тапки, которые на каждом шаге издавали противный шаркающий звук – как наждачкой по ушам.

– Прошу прощения, – по привычке извинился Войник по-английски и, лишь получив экспрессивную тираду на арабском, подкреплённую активными жестами, понял, что лучше быстрее линять.

«Видимо, это типок, что утром заглядывал», – подумал Войник.

«Видимо, это незаконно поселившийся», – читалось в ответном взгляде араба.

И этот взгляд мог принадлежать только одному человеку – коменданту! Араб ещё что-то кричал ему вслед, но Якоб уже вывернул из переулка на оживлённую улицу и, сверившись с Гуглом, поплыл в направлении цели.

Голод напомнил о себе уже через пару сотен метров. Нос распознал запахи, а глаза разглядывали каждый пиксель окружающего мира, ища, за что бы зацепиться. И вот когда ноги, обоняние и зрение вступили в преступный сговор, Якоб был доставлен прямиком к одной из местных забегаловок. Потрескавшаяся краска на оконных рамах, пластиковые столики, чей изначальный цвет теперь мог определить лишь археолог, и лучезарная улыбка владельца харчевни шли в комплекте. Вопиющий образчик воспетой в туристических блогах антисанитарии! По прилавку разве что верблюды не ходили, а лотки с «едой» пророчили судьбоносное знакомство с пищевым отравлением. Пророщенные бобы, серо-бурая живущая своей жизнью жижа, тушёные овощи и тяжёлый шлейф запаха специй, от которого нос тотчас же начал зудеть.

Якоб подавил подступивший к горлу комок и пошёл дальше. Он отметил про себя, что хоть квартирка у Борьки небольшая – много ли ему надо, жертве науки? – но располагается в самом центре, в пешей доступности от знаменитого моста со львами и, собственно, Каирского музея. А значит, адскими колесницами с шашечками можно пренебречь, что особенно радовало вкупе с неработающими светофорами. Вот только, как положено центру столицы одной из самых популярных для посещения стран, этот был полон снующих туда-сюда туристов. Торговцы на каждом шагу навязчиво предлагали уникальные товары и услуги – зазывали в магазины, тыкали в нос папирусами и статуэтками кошек. Конечно же, в большинстве своём «редкости» были идентичны от лотка к лотку. Еды было много, но вся она выглядела как негуманоидная инопланетная культура, агрессивно настроенная к человеческому организму. Сейчас Войник был бы рад

даже «Макдоналдсу», «Бургер-Кингу» или «Пицце Хат» – там вид «яда» хотя бы знакомый.

И, лишь свернув в один из проулков, Якоб уткнулся в подозрительно чистый для страны «третьего мира» ларёк с красочной вывеской «Shawarma», где буква «М» была нарисована на манер всем известного заведения с гамбургерами и клоунами. Рядом на всякий случай было приписано Doner Kebab – чтоб иностранцы уж точно не ошиблись.

– Да моя ты родная! – в сердцах прошептал Якоб и прибавил скорости.

Араб в полосатом свитере, видимо, доставшемся ему от самого известного обитателя улицы Вязов, ловко орудовал огромным ножом, срезая пластинки мяса и сворачивая начинку в лепёшки. Якоб поднял взгляд и увидел изогнувшуюся дугой Лидку, которая вращалась на верхушке вертела и беззвучно шипела. Из кого тут готовили шаурму, думать не хотелось.

– Вегитабл! Бонпети! Бун шахиятон! Вкюсно! – араб эффектно заиграл бровями, указывая ножом то ли на Якоба, то ли на тазик овощей.

Ну а что? Здоровое решение, от травы не так велик шанс отравиться. Да и вообще! У него желудок гвозди может перемалывать. Подумаешь, какая-то шаурма. Есть-то хочется.

Якоб радостно кивнул. Араб не менее радостно показал на пальцах два.

– Что ж, Томас^[37], – сказал Войник, доставая мятую купюру, – надеюсь, я доживу до четвертого июля^[38], съев эту шаурму.

– Вкюсно, вкюсно, – закивал араб, распознав «рашн турист».

Джефферсон переключался к торговцу, лепёшка с начинкой – к Войнику. Араб настоятельно рекомендовал взять ещё бутылку колы из холодильника, но Якоб отмахнулся, о чём пожалел уже через несколько метров и пару укусов. Во рту словно дварфы разожгли печь. Слезы брызнули из глаз, и Войник стал судорожно глотать воздух, чувствуя, как изо рта вот-вот вырвется столб пламени.

Сколько перца они туда насыпали? А ведь намекала кофта продавца: гореть тебе в огне! Прибежав назад, Якоб заплатил за колу, которая резко увеличилась в цене на треть и, заливая пламя кулинарной страсти, продолжил путь.

Проснулся он после вчерашних возлияний не рано, и сейчас солнце уже вовсю накаляло воздух. Даже в тени домов становилось всё жарче и жарче, и музейные кондиционеры манили куда сильнее сокровищ фараонов. Следуя указанным маршрутом, Якоб с интересом разглядывал прохожих и здания, чувствуя себя настоящим беззаботным туристом. Он даже достал камеру, чтобы сделать несколько снимков – вид на Нил с мостов открывался прямо-таки божественный. «Нужно будет зайти сюда на закате и вечерком», – подумал Войник, делая селфи у львов.

По пути ему даже попались финиковые пальмы с гроздьями плодов – редкость в этом мегаполисе. А пузатые длинноногие щенки, умилительно спавшие на клумбах, лишь добавили позитива. О кольце Якоб вспомнил, только когда увидел конечную цель пути – огромное здание жизнерадостно-розового цвета.

Войник пересёк площадь Тахрир – ту самую, где в 2011 году началась революция, – и дошёл до первых «кордонов». Туристов было на удивление немного – видимо, сезон ещё толком не начался – и ему радовались как родному. Просветив сумку на ленте, охранник дружелюбно напомнил ему про билет за фотосъёмку и пропустил. Даже на фингал никто не пялился – мало ли, какие там традиции у русских?

В общем, в указанный час Якоб уже стоял у «котика» – а точнее, у сфинкса Тутмоса Третьего^[39], древнеегипетского Наполеона. Впереди маячила белая арка входа, над которой посетителям вот уже больше века загадочно улыбалась царица Клеопатра, причём сразу дважды.

Разглядывая вход, Якоб улыбнулся, вспомнив, как в младшей школе он убивался по динозаврам, а Борька уже тогда предпочитал мумии древних царей с берегов Нила. Всё-таки здорово, что голубая мечта друга сбылась – теперь этот музей был местом работы Николая.

Борька чуть-чуть припоздал, что было на него не похоже, да и выглядел каким-то встревоженным, вздёрнутым.

– Что, текила не впрок пошла? – улыбнулся Якоб, когда друг хмуро сунул ему пропуск.

– Да если бы! – Египтолог обиженно засопел, оглянулся на охранников у входа. – Коллеги, блин... чтоб их. Всё люблю в этой стране, кроме – прости Осирис – современников.

– А что случилось-то? – осторожно поинтересовался Якоб, когда они миновали последний «кордон» – без приключений и даже без лишних вопросов про фотоаппарат.

– Нет, ну я понимаю, пятница! Священный день. Но почему в понедельник-то никто работать не хочет?! – вполголоса возмущался Борька, поднимая взгляд на статую Рамсеса Великого в первом зале, и ткнул пальцем в давно почившего Владыку земли египетской. – Вот при нём такого не было!

– А при Хуфу^[40] так вообще все трудились на пирамидах без выходных, – подхватил Яша, и друг наконец улыбнулся. – Я так понимаю, с эксклюзивной экскурсией тебя пока лучше не дёргать?

– Прости, – искренне извинился Борька, утягивая его влево – за Джосера^[41], милостиво взиравшего на гостей из-под стекла. – Засыпали работой – причём больше чужой, – добавил он сквозь зубы. – До ночи разгребаться буду. Но ты тут пока поброди. С пропуском везде можно, кроме запасников. Если охранник на втором будет спрашивать про деньги – не верь, в зал царских мумий тебе тоже бесплатно.

Яша ненавязчиво подтолкнул друга за ближайший саркофаг, уступая дорогу группе вездесущих китайцев. Этим что сезон, что не сезон.

– А кольцо? – прошептал он. – Может, отнесёшь по дороге, а?

Борька с сомнением посмотрел сперва на него, потом на саркофаг.

– Камеры. Если кто засечёт, что мы тут древностями обмениваемся – конец и тебе, и моей карьере, – вздохнул он, качая головой. – Ладно, давай сперва зарулим в кабинет, к Ородруину потом тебя отведу.

– Дневники, – напомнил Якоб.

– Вот это точно потом, – мрачно покачал головой египтолог, поманив его за собой. – Будешь, как герой Хаггарда, ночевать тут со мной.

– Алан Квотермейн в музее не ночевал, – авторитетно возразил Войник.

– «Суд Фараонов» мне всегда был больше по душе, чем «Копи царя Соломона»^[42], – отмахнулся Борька. – А там главный герой как раз переночевал в музее – да, в этом самом – и получил откровение. Глядишь, и ты получишь.

Вот в этом Якоб не сомневался. С момента, как он переступил порог музея, перед его взглядом мелькали не только китайские туристы. Каждый предмет как будто намеревался рассказать ему свою историю, от процесса создания до любимого владельца – не знаешь, за что хвататься. «По очереди, миленькие, чтоб мозг не взорвался», – мысленно попросил он, оглядывая каменные стелы и статуи нижних залов.

В кабинете, куда Борька привёл Якоба, оказалось неожиданнолюдно. Правда, делом тут никто не занимался. Три женщины жестикулировали, переговариваясь о чём-то – одна из них демонстрировала новую сумочку. Двое мужчин с истинно восточной неспешностью пили чай, игнорируя кипу бумаг на столе. Николай не очень вежливо буркнул что-то по-арабски и прошёл к другому столу – должно быть, к своему, рабочему.

Через некоторое время Борькины коллеги потянулись прочь из кабинета – видимо, на обед.

– Проверки на них нет, – мстительно проговорил Борька, отодвигая ящик стола. – Уже второй обед за сегодня. И не помню уже, какой перерыв на чай.

– Да ладно тебе. Куда им торопиться? Поспесишь – верблюдов насмешишь, – ехидно отозвался Войник, плюхаясь в кресло напротив друга. – Восток, чинный и неспешный. Всё суета сует, томление духа.

Друг его шуток не оценил – видимо, и правда устал – молча протёр очки и протянул открытую ладонь. Якоб аккуратно передал ему кольцо. Когда артефакт перешёл во владение египтолога, Войник ощутил странную смесь невероятного облегчения... и острого сожаления. Проводив взглядом перстень, отправившийся в ящик стола, Яша невольно подумал, что историю талисмана так пока и не узнал. А может, и к лучшему. Вспомнилась выставка, лицо таинственной царевны – мумифицированное и реконструированное – и обрывки странных сновидений. Откуда бы взяться тоске? Да он прыгать от счастья должен!

Щёлкнул замок – Борька запер стол для надёжности – и это вывело Яшу из минутного транса.

– Ну всё, теперь ты спасён, – улыбнулся египтолог. – Так, закрытие тут у нас в пять, я тебя подхватчу, чтоб не выгнали.

– Ага, – Войник рассеянно кивнул, поднимаясь, пытаясь выбросить древнюю красотку из головы, а заодно и не пялиться на ящик.

– Ты, кстати, ел? Тут кафешка неплохая, прямо за сувенирным. Дерут правда втридорога, но денег я тебе оставил. Потом сочтёмся.

Вернувшись в залы со статуями и саркофагами, Яша принялся фотографировать наиболее приглянувшиеся. Через объектив глюки его не доставали, а хотелось всё же немного выдохнуть, собраться с мыслями. Заодно и материал соберёт – да не какой-нибудь! Качественный, из первых рук.

Проснулась совесть, напомнила, что начальство о своей самовольной отлучке Войник так и не уведомил. Но сейчас прошли выходные. Пропустил он только сегодня, понедельник. И Сан Саныч наверняка надеялся лицезреть его у себя на пороге завтра. Надо будет что-то придумать... да притом так, чтоб не выдавать своё местоположение.

Интересно, по какому срочному вопросу начальство решило вызванивать его в выходные, а сегодня таинственно молчало?

Задумчиво Войник посмотрел на Аменхотепа Третьего и Ти, взиравших на вошедших через весь центральный зал из глубины эпох, и отсалютовал царской чете. Выбрав ракурс поудачнее, он сделал несколько панорамных кадров зала – сразу видно, что за место, хоть на открытки штампуй. Фараон и царица улыбались всё так же загадочно, словно хранили какой-то им одним известный секрет.

– Красивые, черти, – пробормотал Яша, любуясь огромной двойной статуей то в объектив, то вживую.

Поднявшись обратно, ближе к входу, Войник подошёл к знаменитой палетке Нармера^[43], знакомой всем ещё по учебникам. Терпеливо дождавшись, когда схлынет толпа туристов, тыкавших пальцами в стекло, он сфотографировал палетку с обеих сторон. На одной древний фараон ритуальной булавой ритуально же – а может, и нет – бил какого-то своего не менее древнего врага. На другой расположились два серпопарда – мифических зверя с львиными телами и змеиными шеями – а над ними вышеозначенный фараон уже, кажется, триумфально входил в захваченный город. Или деревню. Или что там у них было в дремучей древности?

Борька называл Нармера местным королём Артуром – не менее легендарной личностью, объединившей разрозненные территории в

единое государство. Вот разве что не с Эскалибуром, а с булавой в руках. А ещё у него была своя Гвиневра – точнее, Нейт-Хотеп^[44], не то дочь богини Нейт, не то жрица. Супруга Нармера, правда, с рыцарями не развлекалась, да и рыцарей тогда ещё не было. Если и был у фараона военачальник, сравнимый с Ланселотом, – история его имени не сохранила. Да и о самом Нармере сохранила, увы, немного – что он там вообще делал, историки спорили до сих пор, хоть имя и уцелело. По крайней мере, Борька говорил, что Нармер точно был. Кто-то же объединил Обе Земли в один Египет? В смысле, в Та-Кемет. Правда, произошло это едва ли одним ударом булавы, и даже при одном Нармере – всё-таки не стоит отбрасывать «Теорию государства и права».

Внимание Яши привлекли две ладьи – тут же, рядом с древнеегипетским «Артуром». В одной из них под деревянной палубой обосновался котёнок, которому кто-то уже поставил крышечку с водой и кинул какой-то еды.

Лидка появилась тут же – прошла по палубе, заглянула в пробитую временем брешь, чуть склонила голову, изучая худющего собрата. А потом она чёрной тенью скользнула на пол и побежала куда-то прочь, в коридор и к лестнице. Когда Якоб догнал её и, запыхавшись, поднялся на второй этаж, кошки уже, разумеется, нигде не оказалось.

Зато он знал, где оказался сам, – помнил рассказы Борьки после лекции Тронтона. Вокруг в стеклянных «гробницах», насколько хватало глаз, расположились расписные саркофаги разных эпох, маня красотой и яркостью красок, и заключёнными в них историями. Якоб уверенно шагал через зал, бросил взгляд на безголовую мумию в пластиковом пакете, который, если верить пояснительной записке, сохранял необходимый микроклимат. По крайней мере, эта мумия ему не улыбнётся – а вот фараоны в комнате царских мумий вполне могли готовить сюрприз.

Туристы дружной толпой валили в залы с сокровищами Тутанхамона. Часть сокровищ, правда, вывезли на реставрацию в лаборатории при Большом Египетском музее в Гизе, который вот уже который год обещали открыть. Но посмотреть всё равно было на что.

Золото Тутанхамона Якоб уже видел, а фотографировать украшения царственного юноши всё равно было нельзя. Да и нераспиаренный фараон сейчас интересовал Войника. Длинный зал с

саркофагами вывел его в один из боковых коридоров. Не скажи ему друг тогда – даже не узнал бы, кому принадлежал *этой*. На некоторых экспонатах Каирского музея таблички почему-то отсутствовали, и на это Борька тоже часто ругался. А руководство музея не напрягалось. Ну мало ли, в самом деле, саркофагов и палеток? Кому надо – сам найдёт.

«...Короче, Тронтон думает, что эта царица – а имени её мы доподлинно не знаем – была не то сестрой, не то дочерью этого фараона-героя. Вот если б уцелела и мумия героической царицы... По возрасту, по моим прикидкам я делаю ставку на дочь», – вспомнил Войник слова Борьки.

Яша остановился перед одной из витрин, где саркофаги стояли вертикально, прямо перед одним из них – золочёным, сохранившим в вечности черты прекрасной женщины. Да, той самой героической фиванской царицы, о которой рассказывал друг, – Яххотеп, супруги Секененра, воительницы, изгонявшей гиксосов из Египта.

Благоденствие только начало возвращаться на египетские земли, а всё же свою героиню её семья и народ почтили достойным и богатым погребением, судя по тому, что этот саркофаг был полностью покрыт тонким слоем золота. Увы, мумия царицы не уцелела. А саркофаг позже «окупировал» жрец Амона по имени, кажется, Пинеджем. Ну а чего б и не занять – красивый же саркофаг, пусть и чужой.

Вся история с тайником царских мумий в Дейр-эль-Бахри^[45] у Борьки вызвала смесь восхищения и возмущения, поэтому рассказывал о тех событиях он обычно сумбурно. Но имя Пинеджема внезапно всплыло у Яши в голове как раз применительно к тайнику – жрец Амона устроил в своей гробнице торжественное перезахоронение царских и не только царских останков. Потом гробницу нашли – правда, не египтологи, а предприимчивые арабы – и потихоньку приторговывали ценностями на чёрном рынке. Может статья, мумия царицы тоже сейчас оказалась в чьей-то частной коллекции – кто знает?

«И всё-таки были ли вы матерью моей царице, ваше величество?» – мысленно обратился к ней Якоб, глядя в безмятежное лицо древней красавицы.

Он уже почти не удивился, когда черты поплыли и губы на саркофаге дрогнули в улыбке, а тёмные глаза чуть прищурились. Даже

не отшатнулся – привыкал, что ли? Хотя чего уж, улыбающийся саркофаг выглядел всё-таки поприятнее улыбающихся мумий.

«Ладно, пора навестить вашего супруга...» – вздохнул Войник, с трудом отрывая взгляд от Яххотеп, и поплёлся в зал царских мумий.

Глава 10. Джинны и фараоны

Год 2019, Каир

Араб, скусающий на стойке у стеклянных дверей в «святая святых», завидев Якоба, оживился, схватился за пачку билетов. Насколько помнил Войник, обычно желающих полюбоваться на то, что осталось от великих фараонов древности, было предостаточно. Но китайцы, видимо, задержались в зале с сокровищами Тутанхамона, и он успел как раз вовремя.

Вежливо улыбнувшись, Яша показал пропуск. Улыбка араба, наоборот, померкла, и он махнул рукой к дверям – проходи, мол. На стенах висели выдержки из «Книги мёртвых». Да, настоящая, «живая» «Книга мёртвых» выглядела совсем не так впечатляюще, как в кино, – никаких тебе золотых страниц, просто длинные рулоны папируса с надписями и картинками. Картинки, правда, были красивыми, наглядно показывающими, что делать, коли повстречал сперва Анубиса, а потом и Осириса в компании сестёр. Далее в стенде за стеклом стояли, собственно, вышеозначенный Анубис и чьи-то каноны^[46], а между ними расположились инструменты бальзамировщиков. Рассказами про то, как мёртвому сперва

«взбивали» мозг, а потом крючком вытаскивали через ноздри, Борька ещё в школе успел всех задолбать. Особенно учителей.

В общем, ничего нового в записках к экспонатам Якоб для себя не почерпнул и двинулся дальше. Перед тем как пересечь порог заветной комнаты мумий, он сделал несколько вдохов, готовясь к встрече с той чертовщиной, которая могла обрушиться на него внутри. Взгляд застыл на предупреждениях по-английски и по-арабски – просьбах проявлять уважение и соблюдать тишину. И *ни в коем* случае не фотографировать. Охранник, невозмутимо качавшийся на стуле и бдительно созерцавший пустой – если не считать древних правителей – зал, кивнул ему, и Яша осторожно вошёл.

Свет в комнате был приглушённый, золотистый, приятный для глаз. Владыки и царицы мирно вглядывались в вечность. Первым, кто приветствовал Якоба, был Таа Секененра Храбрый – его плохо сохранившаяся мумия расположилась как раз ближе всего к входу. «Командир с пробитой головой», ну, конечно. В центре возлежали Рамсес Великий со своим сыном Мернептахом^[47] и отцом Сети Первым^[48] – почти всё семейство знаменитых Рамессидов в сборе. Сети, к слову, сохранился лучше прочих – неудивительно, что именно этой мумией вдохновлялись создатели самого первого ещё не цветного египетского ужастика, с Борисом Карлофф в главной роли. А дальше, как Борька говорит, «понеслась душа в Дуат» – фильмов про восставших мумий наснимали больше двадцати и, кажется, не собирались останавливаться.

Стараясь не слишком вглядываться в лица, чтобы не погрузиться ненароком в чужие уже прожитые жизни, Яша обходил комнату. Царицу со сложным именем, которого он, конечно, не помнил, куда-то увезли. У неё были необычные волосы, завивавшиеся чёрными пружинками, а лицо с алебастровыми глазами казалось совсем живым.

Алебастровые глаза теперь вызывали совсем иные ассоциации. Войник вздрогнул, отогнал воспоминание.

На противоположной от Секененра стороне положили мумию Хатшепсут. Долго ж её искали – вон и стенд рядом повесили, как по застрявшему в печени зубу сличали останки знаменитой женщины-фараона. Прямо Смерть Кашеева в яйце и в утке – зуб в печени, печень в ларце, ларец в храме в Дейр-эль-Бахри. Какой-то особый был у Хатшепсут зуб, что не всем в челюсть подходил. «Архаичная

Золушка – найди легендарную женщину по зубу, а то хрустальных сандалий ведь не изготавливали...» – усмехнулся про себя Яша.

Заворачивая, чтобы рассмотреть женщину-фараона поближе, он поскользнулся на брошенной кем-то обёртке от шоколадного батончика и едва не растянулся там же, под чьим-то стеклянным саркофагом. Вот тебе и «соблюдайте уважение». Подобрал злосчастную бумажку, Войник подошёл к охраннику и попытался разузнать, где урна. Араб сделал вид, что не понимает, в чём проблема. Яша поманил его за собой, указал на заветную надпись «проявляйте уважение» и вручил обёртку. В самом деле, непорядок – вроде как мёртвые лежат, а кто-то шоколадки жрёт, и ни одной мусорки вокруг. Для кого предупреждения-то писаны? Впрочем, просьба «соблюдать тишину» тоже частенько нарушалась – обычно стайками детей, которых их арабские родители почему-то очень любили сюда приводить. А уж запрет на фотографию не нарушил только ленивый, несмотря на бдительность современных стражей покоя фараонов.

Охранник покидал свой пост с таким видом, словно Якоб отправил его на постройку пирамид, не иначе. Войник вернулся в комнату с мумиями, понял вдруг, что оказался с ними наедине.

Свет мигнул. Некстати вспомнилась байка про какого-то журналиста, который ещё в начале прошлого века на спор согласился провести ночь в этой самой комнате. Наутро его нашли живым, но поседевшим, как Хома Брут после встречи с мёртвой панночкой. Надо думать, после этого он уже египтологией не увлекался и с фараонами не заигрывал, а может, и карьеру забросил.

Но свет хоть и мигал, а Владыки лежали смирно, Яша рискнул приблизиться к Секененра. Если по Сети Первому было ясно, что при жизни мужик был видный, и в наложницы к нему наверняка выстраивалась целая очередь, то по бедняге Таа, увы, сказать такого было нельзя. Проломленный череп вообще мало кого красит, а уж если в нескольких местах... Борька говорил, что мумию «распаковывали» раза три, что тоже не способствовало сохранности и без того пострадавшего тела.

И всё-таки интересно, почему фараона-героя похоронили наспех? Нет, всё-таки вряд ли наспех – скорее, как и говорил Борька, хотели сохранить для вечности память о том, что он сделал для родины.

Чем дольше Якоб смотрел на Секененра, тем больше отставленный палец руки мумии напоминал ему неприличный жест. И как-то совсем уж глупо было говорить: «Знаете, ваше величество, я тут с вашей дочерью недавно познакомился, и не знаю, как быть дальше... Не подскажите?»

Чернота глазниц так и притягивала взгляд, а воображение дорисовало черты – никаких страшилок, приятное лицо, мужественное. Как писал Гастон Масперо:

«Эта мумия является останками красивого, энергичного человека, который, возможно, дожил бы до ста лет, и он, вероятно, защищался решительно против своих противников; его лицо до сих пор сохранило выражение ярости...»

Якоб услышал чьи-то шаги – видимо, охранник возвращался, – но не успел обернуться, как дверь захлопнулась.

– Эй, рановато для закрытия! – крикнул Войник, устремляясь к выходу, но дверь заклинило.

Мягкий золотистый свет ощутимо тускнел, пока комната не погрузилась в полумрак. И в этом полумраке Якоб отчётливо почувствовал спиной чужое присутствие – не шорох, не шёпот, просто само ощущение, что рядом кто-то был, смотрел прямо на него.

«Но ведь я же вернул кольцо...» – растерянно подумал Войник.

Сердце заколотилось. Живых-то за его спиной не было.

Остаться так или обернуться? Он никак не мог решить. С одной стороны, разглядывать дверь – это почти как спрятаться под одеялом в детстве: пока не видишь свой страх, он тебя тоже не видит. С другой – вроде как лучше встречать опасность лицом к лицу. Но пока он думал, что-то за спиной оглушительно звякнуло, рассыпалось брызгами.

А когда Якоб обернулся, то увидел разбившийся стеклянный ящик. Древний Владыка неспешно сел в своём современном саркофаге, а потом так же неспешно повернул голову к неожиданному гостю, пригвозждая его к месту слепым взглядом пустых глазниц. Разверзнутый в мрачной улыбке вечности рот чуть дёрнулся – зубы скрипнули друг о друга, словно фараон собирался что-то сообщить.

Но что именно – Якоб не дослушал. Запоздало заорав от ужаса, он как следует двинул плечом в дверь. Та по-прежнему не подавалась, а вот плечо заныло.

Владыка протянул тонкую мёртвую руку, точно приглашая приблизиться... Следовать этому приглашению Войник не собирался – озирался ошарашенно, не решились ли и другие подняться.

Секененра чуть подался вперёд, словно собирался встать.

Не то порыв ветра, не то чей-то вздох пронёсся по залу, и свет померк...

Год 15xx до н. э., Та-Кемет

Он был яростью своих воинов, остриём копья, нацеленного в сердце врага. Вся сила, вся смелость его народа вливались в него, преломлённые мощью Богов в его крови.

Он был их надеждой на лучшую жизнь, на долгожданную свободу. Они сражались за свои семьи, за свою землю – как и он сам. За их плечами были победы, что прежде казались невозможными, – он показал им, что всё было им по силам. Его люди поднимались на битвы, впервые поверив, что сила предков вернулась к ним. Они не боялись смерти, зная, за что умирают: Обе Земли будут едины!

Предательство перечеркнуло всё это. Его небольшой отряд, отсечённый от основных войск, не выйдет из этой битвы.

Секененра окинул взглядом солдат, готовых умереть за него, черпавших силу в его силе. Как жаль...

Хека-хасут рано праздновали победу. Пленить его не удастся. И он купит время остальным. Они придут паводковыми водами, смоют эту скверну...

– За свободу! – рывкнул Владыка Уасет, и отряд подхватил его крик, устремляясь за ним в свой последний бой.

Они вклинились в строй, внося смуту в боевой порядок. Отбросив бесполезное уже копье, он расчищал себе путь топором и щитом. Крошево чужих тел, какофония криков. Боли давно уже не было. Шаг, удар. Рассечь, идти дальше.

Слишком много... Волна смыкалась за ним, поглощая.

Телохранители пали первыми, не жалея себя. Каждый шёл до конца.

В какой-то миг Секененра понял, что остался один. Хека-хасут медлили приближаться, окружили, застыв в некоем суеверном страхе. Кто-то поднял лук, и он усмехнулся, крутанул в руке топор.

Не посмеют стрелять трусливые гиены. Даже сейчас они хотели бежать.

«Не оставь меня, Амон... В последний раз защити своего сына!»

Сила предков горела в его крови. Последний боевой клич – одинокий. Он устремился на ближайшего врага карающей мощью своих Богов. Первый удар не остановил его. Кровь заливала глаза, но топор находил цель.

За семью. За Та-Кемет.

И, лишь когда его повалили на землю, добивая, он уже не смог поднять оружие. Они крушили его тело даже не с ненавистью – с ужасом перед тем, что было заключено в его плоти.

Божественный свет померк. Он сделал всё, что мог...

«Прости, моя царица... Защити их, приведи к свободе...»

Солдаты вернулись с победой. Народу нужен был праздник – они заслужили его. Но что значила эта победа, когда погибло сердце восстания?.. Дворец готовился к пиру, но в этих покоях было тихо, как в пустынном некрополе в скалах за городом.

Боль теснилась в груди большой коброй, лениво разворачивая кольца. Царевна забыла, как плакать, – всё никак не могла поверить.

Она помогала матери омыть изуродованное тело отца – даже её Яххотеп едва допустила к этому. И всё же разделить горе на двоих было легче. Братья ещё были слишком юны – как объяснишь им, *что* они потеряли сегодня? Божественный сокол вознесётся к солнечной ладье Ра в новом рождении, соединится с Усиром... но уже не вернётся к ним, не обнимет.

Тетишери утешала внуков. А она была здесь, рядом с царицей. Лицо матери было похоже на погребальную маску. Яххотеп не плакала в своём глухом горе, лишь ласково касалась разрубленного лица, шептала что-то, смывая запёкшуюся кровь. Больше, чем отца, мать любила разве что свой народ.

Царевна коснулась руки Владыки с некоторым удивлением, вспоминая тепло этой ладони, надёжность, нежность. Крошево костей в багровой начавшей разлагаться плоти... Нет, она помнила отца совсем другим – весёлым, красивым, сильным. Помнила, как он тепло улыбался ей, когда учил владеть луком, как ободрял. И как вдохновляли их всех его речи – о свободе, о возрождающемся величии

их народа. В нём горел этот удивительный огонь, заставлявший гореть и других. Разве же могли эти жалкие останки быть им, Таа Секененра Храбрым?.. Нет, совсем нет... Он был где-то там, среди Богов...

Великий Владыка Обеих Земель... Отец так и не получил этот титул, но для неё всегда будет так.

– Кликнуть жрецов? – тихо спросила царица, поднося матери следующую чашу с водой.

– Пусть оставят как есть... – тихо ответила Яххотеп, проводя ладонью над лицом Владыки. – Его раны – раны нашей земли... Пусть вечность сохранит героя, первого, кто начал войну за нашу свободу... Его дух воссияет среди звёзд и поведёт нас дорогой света.

Царица поклонилась, принимая волю матери. В царице горел тот же огонь, под стать отцову... Только бы не померк теперь, не угас от этой страшной потери...

Но когда она подняла взгляд, посмотрела в глаза матери, то увидела тёмную бездну, обещающую погибель их могучему врагу.

– Горе не сломит нас, – молвила Яххотеп. – Я возглавлю наше войско.

И в тот самый миг царица уже знала, что должна сделать. Решение, долго зревшее в ней – решение, которого отец никогда бы не одобрил! – обрело зримую форму.

Это была и её война тоже.

Год 2019, Каир

– Мистер! Эй, мистер!

Кто-то настойчиво тряс его за плечо. Сознание медленно, нехотя фокусировалось на действительности – свет горел без перебоев. Яша сидел у стеклянного ящика где-то у ног Секененра, впечатавшись лбом в стекло – целое. Перед глазами было мутно, и из тумана выплывала мумия фараона, спокойно лежавшая на своём месте.

Потом из того же тумана выплыло озабоченное лицо охранника. Издалека звучали голоса – группа туристов обсуждала что-то на пороге, кажется – как раз его, Войника.

Желудок переворачивался, вспоминая не то кровавое месиво плоти и раздробленной кости, не то принятую ранее шаурму. Яша вскочил и устремился к двери, расталкивая туристов, едва видя что-либо перед

собой, рванул вниз по лестнице в уборную со скоростью боевой колесницы.

Сколько времени он провёл в этой обители прохлады и покоя, Войник не знал, но, судя по всему, музей уже успел закрыться. В голове понемногу прояснялось, но покупать что-либо на каирских улицах Яша зарёкся. В Москву вернётся – тоже никакой шаурмы, будь она неладна. Если вернётся, конечно. Для этого сперва надо было прийти в себя.

Видения тоже хотелось бы списать на плохую пищу, но что-то подсказывало Якобу, что продукты были ни при чём.

– Яшка! Ты тут? – донёлся до него встревоженный голос Борьки.

– Тут, – вздохнул Войник, выходя навстречу другу, предполагая, что выглядел сейчас не сильно лучше обитателей комнаты царских мумий.

– Эх тебя... Спросил бы про текилу, но мы ж её вчера пили, – египтолог сочувственно покачал головой. – Пойдём, я тебе водички налью.

– В следующий раз дважды подумаю, что жрать в этом гостеприимном городке, – проворчал Якоб. – Два доллара содрал, и такая фигня.

– Два доллара? – Борька подозрительно прищурился. – Эх ты, фунты тратить надо было. Старину Джефферсона я ж тебе на удачу оставил! Сам его в кошельке ношу. Ладно, пойдём – у меня и «Смекта» есть.

Они прошли по опустевшим уже залам – вот когда бы достопримечательности смотреть! Но не хотелось даже к золоту Тутанхамона.

По дороге попадались только редкие охранники, а в кабинете так и вовсе никого не оказалось – Борькины коллеги явно не перерабатывали. Режим есть режим.

С видом профессионального алхимика египтолог намешал что-то в стакане. Яша хлебал большими глотками, пока не полегчало. Организм требовал прилечь – можно даже тут же, в какой-нибудь отодвинутый к дальней стене саркофаг. Борька рассказывал что-то про минувший день, жаловался, что работы толком и не поубавилось. Войник слушал вполуха, изредка бросая взгляд на запёртый ящик стола, где было надёжно спрятано кольцо.

– Может, домой? – спросил Борька, пристально глядя на него.

– А дневники?

– Да что им сделается – целый век пережили, ещё денёк подождут. Я как-то сомневаюсь, что ты сейчас осилишь новую информацию. Да ещё и по-английски. Завтра придём.

Взвесив свои шансы разобраться в истории семейств лорда Карнагана и фараона Секененра прямо сейчас, Якоб признал, что друг был прав и вообще чрезвычайно мудр.

На том и порешили.

Давешний комендант встретил друзей не слишком доброжелательно, напустился на Борьку, но тот удивительно терпеливо пояснил ему что-то по-арабски. Видимо, по теме: «Вот этот – со мной».

Когда на улице окончательно стемнело и отзвучал вечерний намаз, Яше совсем полегчало. Он даже предложил Борьке выгулять Картера – тот днём не гулял принципиально. Всё-таки египетское солнце было не для плоскомордой английской аристократии.

К бульдогу комендант цепляться не решился, только смотрел неодобрительно, но Пластик равнодушно хрюкнул и посеменил на улицу.

Якобу очень понравились симпатичные зелёные дворики у низких зданий. Непонятно, как эти уютные улочки уцелели среди новомодных высоток – поистине Каир, как и Нью-Йорк, был «городом контрастов». Он бы с удовольствием побродил ещё, но Картер к долгим прогулкам был не расположен и настойчиво тянул к дому. Причём сил псу было не занимать даже в сравнении с Жориком. Жорик был выше и мощнее, зато Пластик компенсировал упрямством. Бульдог как будто ввинтился лапками в землю у двери и напрочь отказывался идти с Яшей на третий круг – видимо, напоминал, что пора б и поужинать.

Дома Борька готовил незатейливый, но такой соблазнительный ужин из макарон и сосисок. Пластик оживился и присел рядом, напоминая о своей голодной собачьей судьбе настойчивым хрюканьем. Яша на сосиски посмотрел с подозрением, но друг заверил его:

– Нормально всё, я всегда там еду покупаю.

Вот вчера бы так!

После ужина жизнь как-то сразу наладилась, и в ход пошли остатки привезённого виски – в лечебных целях, для дезинфекции организма.

– Слушай! – вдруг оживился Борька, покачивая в руке стакан с золотистой жидкостью и быстро таявшими в ней кусочками льда. – А хочешь побывать на сказочном базаре?

– Ну нет, с меня хватит на сегодня местных торгашей, – усмехнулся Яша, сделав щедрый глоток.

– Так я ж тебя не на простой базар поведу. На самый большой в Африке! В местный колорит хоть окунёшься, не всё ж на мумий смотреть.

Вспомнив восставшего Секененра, Войник невольно вздрогнул.

– Ты же не любишь местный колорит?

– Ну, тебе может понравиться. Да и правда, есть в этом месте что-то волшебное. Почти «Тысяча и одна ночь».

– Кстати, вот да – ничего, что уже почти ночь на дворе?

– Ночью там красивее всего, – заговорщически произнёс Борька. – Закрываются часа в два. Там, говорят, всё купить можно! Вообще всё!

– Ага, и подлинные египетские древности. Кошечка настоящий, ван доллар, май фрэнд. И лампу с джинном в придачу.

Друзья рассмеялись. Борька пошёл вызывать таксиста.

Адская колесница быстро домчала их до улочек Старого Каира, и друг уверенно повёл Яшу вперёд, по дороге рассказывая и давая инструкции.

– Так, телефон при себе держи – потеряешься, звони на вотсап. А потеряться тут как нечего делать, так что держись поближе. И деньги тоже поближе держи... Эмир Каркас Эль Халили этот базар ещё в Средние века построил. Ну, тогда тут, правда, скорее караван-сарай был, а теперь вот рынок. Но многие средневековые здания уцелели, так что торговые ряды и там, и на открытом воздухе. Экзотика!

В эту самую экзотику Яша и окунулся с головой. Друг был прав – посмотреть на рынке Хан аль-Халили было на что, аж в глазах пестрило. Яркость красок, запах пряностей и шум самого настоящего средневекового арабского города – точно эпохи сплелись воедино. Чего тут только не было! От тканей и специй до мебели и украшений, от знакомых сувениров, приобретших здесь какую-то особую сказочную ауру, до предметов загадочного назначения. Торговцы наперебой

нахваливали товары, зазывали покупателей, но здесь это воспринималось не как раздражающая назойливость, а как часть общей атмосферы. По рядам бродили, глаза по сторонам, туристы и местные. Яше даже захотелось купить себе что-нибудь на память – благо и в банкомат они по дороге заехали.

Особенно его впечатлили павильоны со стеклом и чеканной посудой, спрятавшиеся в арках тех самых разрекламированных Борькой средневековых построек. Множество разноцветных огней сияло вокруг, манило – золотые шары и лампы цветного стекла. Яша словно оказался в лавке волшебника, разглядывая прилавок с кальянами, причудливой формы фиалами и светильниками, подвешенными у верхних полок, кувшинами и пиалами, украшенными резьбой и чеканкой. Сам «волшебник» – статный араб в возрасте, с поседевшими уже висками и аккуратной бородкой – курил кальян, сидя на каменных ступеньках павильона. Он философски наблюдал за проходившими мимо покупателями – даже не зазывал никого, сами приходили, восхищались.

Ну а когда на прилавке прямо на большом медном блюде вальяжно растянулась Лидка, Войник понял, что задержаться тут и правда стоило. Борька крутился где-то рядом, не торопил его. Внимание Яши привлёк светильник, действительно похожий на лампу из сказки. Хозяин лавки дружелюбно, ненавязчиво рассказывал о чеканке и выдувании стекла на хорошем английском.

– Можно в руки взять? – вежливо уточнил он у араба, и тот благостно кивнул. – Красота такая. Того и гляди джинн вылетит!

Хозяин усмехнулся в усы, покачал головой.

– Отсюда – не вылетит. Да и нечасто их нынче встретишь-то, джиннов... но ещё можно.

– Расскажите, пожалуйста! – загорелся Яша, предчувствуя богатый материал для будущей статьи.

Араб отставил кальян, поманил его к себе. Тут же, как по волшебству, откуда-то возник поднос с ароматным чаем в узких стеклянных чашечках, с маленькими расписными пиалками, полными сладостей, орешков и засахаренных фруктов. Войник задумался, во сколько ему обойдётся такое гостеприимство, но обижать радушного хозяина не хотелось. Взглядом он поискал Борьку, хотел позвать, но тот куда-то запропастился. Яша не стал паниковать, решил позвонить

чуть позже – в конце концов друг же видел, где «завис» Войник. А шанс услышать интересную историю терять было нельзя.

– Спасибо большое! – искренне поблагодарил он, садясь рядом с торговцем у подноса.

Тот улыбнулся, прихлебнул чаю.

– Знаешь же, как у нас писано? «Воистину, Мы сотворили человека из сухой звонкой глины, из ила, отлитого в форме. А до того Мы сотворили джиннов из палящего огня...»^[49]

– Своего рода старшие братья и сёстры, – понимающе кивнул Яша, решив не вдаваться в религиозные диспуты.

– Да. Кто-то из них чтит Аллаха, кто-то нет – те вот и чинят зло людям. Но и те, и другие редко уже показываются. Времена нынче другие, понимаете, мистер...

– Якоб. А вы?

– Фарук, – улыбнулся араб, и они пожали друг другу руки. – Времена, да... А раньше, знаете ведь как, были те, кто умел с джиннами договариваться. Даже подчинять их. Цари древности... фараоны?.. повелевали таинственными силами. И джинны чтили их, строили для них огромные дворцы. Вы бывали в Луксоре, городе дворцов? Обязательно побывайте. Я оттуда родом. Древности у нас буквально под ногами. Но в Гизе-то вы уж точно были?

Якоб вспомнил байки о том, что пирамиды строили инопланетяне. Версия про джиннов звучала как-то свежее, интереснее. Он внимательно слушал и кивал, не перебивая рассказчика. А тот ностальгировал по родному городу, раскинувшемуся на обоих берегах Нила, полному чудес древних и современных.

– А теперь фараоны ушли, – вздохнул Фарук, отхлебнул ещё чаю. – Но наша земля полна их удивительных творений. И знаете, как бывает, иногда человек находит артефакт – думает, тот принесёт богатство. Но беда с такого может быть, ведь уже некому подчинить разгневанного джинна. Ни у кого из нас нет силы древних царей.

– И что делать в таком случае? – осторожно спросил Якоб.

Торговец пожал плечами.

– Надеяться на удачу и милость Аллаха. Или, – он снова лукаво улыбнулся, – попробовать договориться. Где не взять силой, там можно обойтись хитростью. Или добротой.

– Да, о хитрости я читал в ваших сказках.

Фарук одобрительно кивнул.

– А иногда за человеком ведь приходит даже не джин... джинния. Да только красота их опасна, хоть и сладка, как прохладная вода в жаркий день. Давно вы смотрели за плечо, мистер Якоб?..

– Что? – переспросил Войник.

Тёмные глаза пожилого араба внимательно смотрели ему в лицо, потом куда-то ему за спину.

Невольно Войник обернулся, и его взгляд различил вдруг в поредевшей толпе людей хрупкую женскую фигурку в светлых одеждах. Люди шли, сменяя друг друга, а она застыла в одной из арок, пристально глядя на него. В какой-то миг показалось, что никого, кроме них, не осталось на этой улице, и воцарилась тишина. Войник не мог пошевелиться, а женщина шагнула к нему, грациозно скользя среди цветных огней и резных золотых шаров. И он узнал это красивое лицо в обрамлении красно-рыжих змеек волос – точёные черты, тёмные драгоценности глаз...

Якоб едва не выронил чашку, сморгнул – и наваждение исчезло. Вернулись шум базара, ароматы, и Фарук тихо спросил:

– Увидели что-то?

– Нет, показалось, – покачал головой Войник.

– Да, так бывает, – усмехнулся торговец. – Особенно с прекрасными джинниями...

Яша аккуратно поставил чашку на поднос, стараясь, чтоб рука не дрожала.

– Спасибо за гостеприимство. Я бы хотел купить вот эту лампу.

– Конечно, – Фарук поднялся, принёс коробку и шуршащую бумагу, чтобы упаковать товар. А когда Яша протянул деньги, не торгуясь, араб вложил ему в ладонь пчелу из медово-золотого стекла. – От меня. На удачу.

Якоб искренне поблагодарил торговца и поспешил уйти – очень уж не по себе сделалось от того, что Фарук продолжал вглядываться куда-то ему за плечо. Отойдя немного от прилавков, Войник сунул пчелу в карман, нашарил телефон, чтобы набрать Борьке.

– Эй, мистер, вы обронили! – крикнул смуглый мальчишка, подбегая к нему, сунул что-то в руку.

– Спасибо!

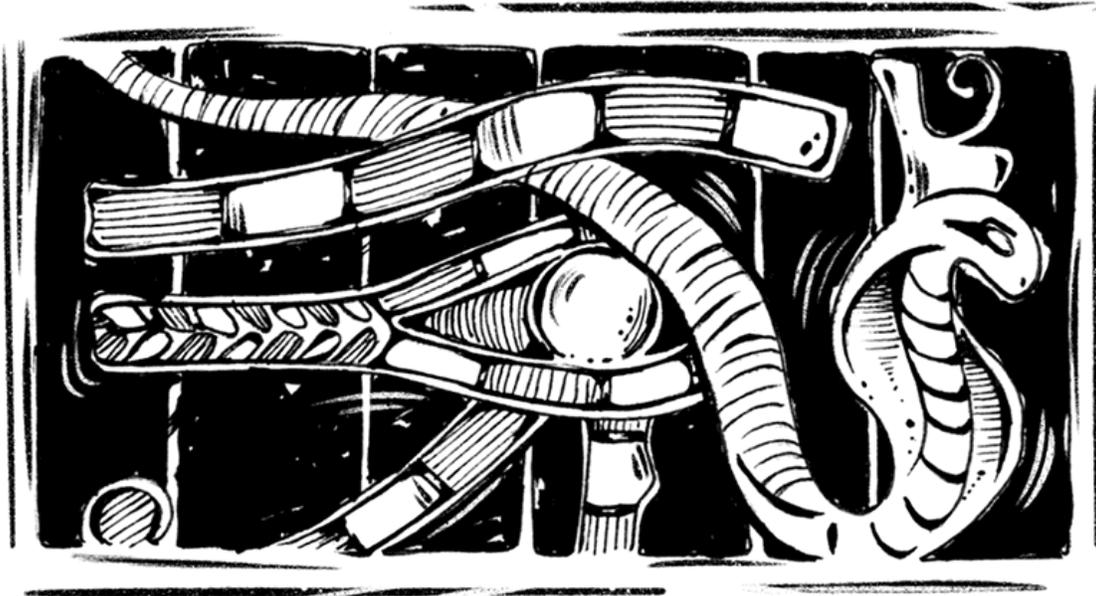
Но паренёк скрылся, даже прежде чем Якоб успел дать ему мелких денег в благодарность за хлопоты.

Войник разжал ладонь.

Кольцо тускло отразило огни светильников из цветного стекла. Среди знакомых до боли знаков сидел пёс с раздвоенным хвостом.

Глава 11. Бег по кругу

Год 2019, Каур

– Ты чего такой смурной? – Борька нахмурился, так что на лбу образовались смешные складки – «пельменные», как называл их Якоб.

Но в этот раз Войник даже не взглянул на друга, не отпустил шуточки про бульдожий научный лоб, а, засунув руки в карманы, шагал молча рядом.

– Карманы прорвешь, – пошутил Борька и поудобнее перехватил коробку. – И давай уже сам неси свою лампу Аладдина, ну или хоть джинна вызови...

Якоб вздрогнул и посмотрел в глаза приятелю – прямо, мрачно.

– Стряслось чего? – встревоженно уточнил друг.

Войник огляделся. Они были в тихом переулке. Без туристов, без местных, без лишних ушей и глаз.

– Твоя выходка? – зло бросил Якоб и протянул кулак.

На разжатой ладони блеснуло кольцо. Борька округлил глаза и машинально поправил очки пальцем.

– Ты, спрашиваю, нанял того мальчишку?

– Какого мальчишку?

– Да хорош, хватит уже, – Якоб повысил голос. – Знаешь, это совсем не смешно.

Последние три слова он выделил особенно, а в интонациях звучал не свойственный ему обычно металл.

– Я никого не нанимал, – замотал головой Борька. – Я не понимаю, что стряслось. Я и не знал, что ты забрал кольцо из кабинета...

– Я не забирал! – заорал Якоб так, что его голос, казалось, раскатился громом по тихой улочке, отразился о камни и утонул в чёрном небе Кемет. – Я не забирал, – уже тише повторил он и устало потёр переносицу.

Войник обхватил руками голову, выдохнул и зашагал туда-сюда бесцельно, точно зверь в клетке.

– Это какое-то проклятие! Мало того что оно ко мне попало непонятно как, непонятно от кого. Так теперь я ещё и избавиться от него не могу! И из-за этого влипаю в какое-то... Вернее, я уже по уши в нём и чувствую – ещё немного, и потону.

– Дружище, ты, похоже, совсем устал или перегрелся, – Борька хотел взять Якоба за плечо, но тот резко отстранился. – Пошли домой? Там поговорим.

– Мне надоели разговоры, Борька! Просто забери его, – Войник вложил в руку друга кольцо. – Делай с ним что хочешь, а я утром домой. Буду писать про полтергейсты в сталинках и крокодилов в канализациях. Меня уже Сан Саныч заждался. В саркофаге я видел ваших мумий.

Не успел Борька и слова сказать, как Якоб развернулся и зашагал прочь.

Ему было всё равно куда идти, главное, подальше от этой дьявольской реликвии. С каждым шагом он чувствовал уже не только пустоту, но и лёгкость – будто огромный груз, давящий на хребет, кусками откалывался и развеивался в пыль. Чернильная ночь смешивалась с мёдом тусклых ламп, тени длинными лозами оплетали поверхности, а маленький человек всё шел. Он бежал прочь от неведомого, которое прежде всегда старался поймать. Прочь из чужой страны. Из чужого мира. С территории иных, более могущественных существ.

Змейки улиц, стены домов. Он уже не знал, где находится, но это его не волновало. Поворот, дорога, шаг за шагом. Вот новый виток. Тут

прямо под ноги метнулась чёрная тень. Якоб еле удержал равновесие, взмахнул руками, выдернув из карманов, и увидел, как в воздух взлетела маленькая янтарная пчела. Поймав свет окна, она блеснула искрой и, описав дугу, понеслась вниз.

Якоб поймал её у самой земли. Брошь, раскрывшись, больно кольнула ладонь жалом-застежкой. Поднявшись, Войник посмотрел на набухший карбункул крови. Алая капля росла и манила глянец. Яшка заворожённо смотрел на неё, и мир вокруг отступил. В ушах загудело, затылок запекло, а по шее опять пробежали мурашки. Может, и правда перегрелся? Или всё ещё сказывается отравление?

– Ты просто вот так возьмёшь и сбежишь? – услышал он чей-то голос. – Разве тебе не интересно, что будет дальше?

Якоб мотнул головой и оглянулся. На ящике у стены сидела чёрная кошка и деловито умывала мордочку лапкой. В стороне два бродячих пса вдумчиво ковырялись в куче мусора. В отблесках света их шерсть казалась красно-рыжей. Когда Войник посмотрел на них, собаки дружно подняли морды и – он готов был поспорить! – ощерили пасти в ухмылке. Но, когда журналист сморгнул, псы уже вернулись к своему главному делу – добыче сомнительного пропитания.

– Вы всего лишь галлюцинации, – сквозь зубы процедил Якоб, потёр виски, забыв о ранке и размазав кровь по волосам. – Строго говоря, это всё последствия травмы...

Кошка замерла, опустила лапку, подняла голову и посмотрела на Якоба алебастровыми глазами проклятой царевны. Войник скептически хмыкнул. Он слишком устал от игр своего разума.

– Я вижу то, что хочу видеть. Тебя не существует.

– А ты существуешь? – раздался всё тот же голос.

Яша напрягся. Он ведь даже не пил сегодня, однако ж ведёт экзистенциальный трёп с блохастым глюком. А тут ещё собаки эти снова щерятся... Вдруг бешеные? Вот это уже более реальная опасность.

– Верни её имя, – промурлыкала алебастровоглазая кошка в голове журналиста. – И будешь свободен. Она ведь тебя неспроста выбрала. Да и лорд Карнаган...

– А он тут при чём?

– Ну а кто тебе отдал кольцо?

Войник вдруг вспомнил тот кошмарный сон.

– Дорогой друг, может, вам стакан воды или глоток свежего воздуха? – спросили его сзади по-английски.

Якоб круто развернулся.

– Вы... Вы же мертвы?.. – растерянно проговорил он.

Артур Стоун успокаивающе похлопал его по плечу.

– Проклятие – вещь упрямая, – со вздохом напомнил он и сунул что-то Яше в карман, а когда поднял голову – на Войника смотрели пустая кровавая глазница и Око Уаджет, отпечатанное в золотистом воске. – И я зря дразнил змей... А это – её, да.

Мёртвый лорд сунул кольцо ему в карман. Но ведь Карнаган действительно мог сделать это при жизни... и именно поэтому тогда толком не выдвигал обвинений. Знал, что по его следу идут?..

– Кровью договор забыли подписать... – усмехнулся Яша и потёр ладонь.

– Вот ты где! – Из переулка вынырнул запыхавшийся Борька. – Ну ты и истерик, Яшка! Что ты тут делаешь?

– Заключаю сделку с кошкой, – Войник небрежно кивнул на Лидку.

Кошка мяукнула, прыгнула на землю и, выгнув дугой спину, потёрлась о ногу Борьки. Псы уже успели куда-то ретироваться, словно и не было их. Может, и правда приглючились.

– Хорошая киса! Спасибо, что присмотрела за этим сумасшедшим.

Кошка зажмурилась, муркнула и растворилась в подворотне.

– Ты что, тоже её видишь? – удивился Яшка.

– Слушай, достаточно оскорблений, – надулся Борька. – Я хоть и очкарик, но не слепой. Даже мышь у ноги увижу, не то что кошку!

– Даже малютку?

– Что?

– Даже мышь-малютку или обычную серую?

– Не беси меня, Якоб! Пошли домой!

– Ты просто пойми, мышь-малютка и обычная мышь – это две большие разницы! – хохотал Якоб. – Или ты про компьютерную?

Борька закатил глаза:

– Я и говорю – перегрелся. А может, из-за отравления у тебя конкретно поехал крышак...

– Лучше?

– Лучше!

Якоб осушил третий стакан холодного лимонада и откинулся на диван. Рядом мирно посапывал сэр Говард Картер, он же Пластик, – оплот спокойствия и безмятежности в этом море хаоса.

– Прости, не знаю, что на меня нашло, – признался он.

За то, что накинулся на друга, было действительно очень стыдно. А уж мысль отправиться домой, не решив проблем, и вовсе уже казалась бредом контуженного очевидца.

– Египет умеет поражать, – засмеялся Борька. – Сегодня он поразил твой желудок и голову, осталось добраться до сердца.

– Теперь выражение «любовь до гроба» приобрело для меня новое значение.

– Ну так что там у тебя приключилось? Просто так с кошками не разговаривают.

– Там ещё и собаки были. Вообще, мне казалось, где-где, а на этой земле поговорить с любой тварью норма. От ибиса до павиана, от бегемота до льва. Я начал с малого.

– Ну хорошо, что не со змей, – крикнул Борька и плеснул лимонада себе в стакан.

– Кстати, о змеях, – Якоб отставил стакан, вытащил из кармана смартфон, покопался в нём и протянул Борьке. – Что за змейка?

Борька посмотрел на фото.

– Котяра ты, Яшка, знал, что не пропустишь. Хотя такую, как госпожа Ясмина, только слепой не заметит.

– Я её видел в Москве, на выставке почившего вскоре лорда. И вот сейчас вновь вижу, уже на фотке с тобой. Совпадение? Не думаю...

– Ничего удивительного, – пожал плечами Борька. – Сообщество египтологов не такое уж и большое. Похоже на маленькую деревню, где все друг друга знают. Но она больше не в науку, а как бы это

сказать, в меценатство, в политику. Выступает за сохранение национального наследия, за свободу женщин... Ну ты понял.

– Думаешь, она хотела все вещички Карнагана вернуть в пески?

– Так они и так вернутся. После смерти он их все завещал Египту. Лорд Карнаган, упокой пески его душу, тоже меценат. Был...

«Завещал после смерти... и, возможно, невольно приблизил её...» – пронеслась мысль, но озвучивать её Войник не стал.

– А госпожа Ясмина, – продолжал Борька, – она такая, такая...

– Как Жасмин из «Аладдина» – всё ради народа? – улыбнулся Яша. – Ой-ой, Борька, чую, у нашей Машки появилась конкурентка.

Уши Борьки стали как свеклой натёртые, и он залпом осушил стакан.

– Нет! Я просто восхищаюсь сильными женщинами!

– Да кто ж ими не восхищается? Даже если и не признаётся. Сильный человек достоин восхищения, независимо от пола, а согласно делам его.

– Госпожа Ясмина действительно очень много сделала для сохранения египетских древностей.

– Я даже не сомневаюсь. Комсомолка, спортсменка и просто красавица, – улыбнулся Якоб. – Просто так уж получилось, что эта выставка, на которой мы увиделись, имела чертовски дурные последствия. И мои рёбра всё ещё помнят ботинки восточных гостей.

– Ты, кстати, так и не рассказал толком, что с тобой произошло... – напомнил Борька.

Якоб помрачнел, вспомнил их короткий разговор в Скайпе и то, как побледнел его друг при упоминании об Оке Уаджет. Приступив к рассказу, он понизил голос. Хотя кто тут мог их услышать? Пластик – и тот храпел. Борька кивал и охал, но не перебивал.

– Итак, у лорда был выжжен один глаз, залит воском. Что характерно – левый. Какой там глаз Сет выбил Хору в ходе их древней потасовки?

– Левый, – глухо ответил Борька.

– Хм-м... ну хоть причинное место никто никому не отрезал – и на том спасибо. А вот это я тебе уже показывал... – Якоб встал, прошёл в угол, где бросил свою сумку и, порывшись, вернулся обратно. Он протянул Борьке визитку с золотым тиснением.

– Око Уаджет, – подтвердил египтолог, нехотя беря белый прямоугольник. – Этот символ едва ли не так же популярен, как Анх. Древние египтяне использовали его как мощный защитный амулет. Ну и современные эзотерики – вслед за ними. Да чего там, все кому не лень нынче талисманы носят, татухи бьют.

Войник прекрасно видел: Борька не хотел говорить о том, что его действительно беспокоило.

– Ты сказал – тогда в Скайпе, – что видел этот же символ в дневниках Карнагана.

– Завтра покажу, – кивнул египтолог, снимая очки и утирая глаза. – И с кольцом разберёмся. Не верится мне, что вещи исчезают из закрытых ящиков. Уж по крайней мере точно не сами по себе.

Он выложил злосчастное кольцо на стол, перед Яшей. И так хотелось верить, что это была просто высокоточная копия, чей-то злой розыгрыш.

Всплеск адреналина уже сходил на нет. Усталость брала своё. За разговорами никто из друзей не обратил внимания, что смартфон Войника в углу стола подозрительно мигнул.

– Блин, на работу скоро, – хмуро отметил Борька, подавляя зевок, потянулся за очередной порцией лимонада, но уронил пустой стакан.

Стекло глухо ударилось об пол, но выдержало – не разбилось.

– Та-а-ак, – протянул Якоб, – хранителям истории больше не наливать.

Друзья рассмеялись. На смех им ответил злобный настойчивый стук в пол.

– Комендант Хоттабыч буйнит? – удивился Яшка и, получив кивок от Борьки, спросил: – Ответить?

– Не стоит, а то он своей шваброй к нам люк пробьёт. – Теперь уже Борька зевал во весь рот.

Якоб взглянул на часы и хмыкнул.

– Сочувствую тебе, друг. Мы с Картером поспим за тебя. Сладенько-о-о-о.

– Всё бы тебе издеваться, – укоризненно ответил египтолог. – Ладно, я спать. А ты можешь с Пластиком продолжить посиделки хоть до утреннего намаза.

Яшка взглянуть на сопящего в обе дырочки пса, который залегал в фазе глубокого сна с момента их возвращения. Воистину пласт

культуры!

– Видимо, для этого мне придется освоить осознанные сновидения и поймать псину на Той Стороне.

– Ох, Яшка-Яшка, поменьше бы ты лазил на Ту Сторону.

Войник развел руками:

– Это не я в ней, а она во мне. Иди уже упокаиваться в свой саркофаг, не мешай гостям отдыхать.

– Какой же ты гость?

– Дорогой!

– Хы, первые сутки гость, а потом уже свой, так что завтра с тебя ужин, – буркнул Борька и скрылся в коридоре.

Войник, конечно, не стал продолжать застолье и последовал примеру друга – погасил свет и завалился на диван, подвинув бульдога. Некоторое время он рассматривал тёмный потолок и думал о Москве – про редакцию и контрабандную шотландскую нечисть, немного про страшную тайну Сан Саныча, и даже чуть-чуть про шаурму и псов. Фрагменты кружили роем жужжащих пчел и всё никак не складывались в целое полотно. Он словно вертел калейдоскоп, где и узор менялся при каждом повороте, перетекал из одного в другой. Миллионы вариантов! И, чтобы увидеть повтор, нужно вращать цилиндр полвека, не останавливаясь.

Постепенно мысли и образы таяли, осыпались искрами в бархат ночи, и наконец тьма накрыла сознание Яшки, унеся в сон. Глубокий, спокойный, без сновидений.

Когда Якоб проснулся, на часах уже было одиннадцать. Он спал так глубоко, что даже азан^[50] не слышал. Солнце назойливо прорывалось в комнату через тонкий зазор в шторах и лимонным лучом падало на спину Пластика, потешно деля упитанное тельце на штанишки и

майку. Шерсть у бульдога золотилась ярко-рыжим... рыжим, как у тех собак у помойки. Как у двуххвостого пса из сна.

– Сон разума рождает бредятину, – пробормотал Войник и поплёлся в ванную.

Он бы с удовольствием поспал ещё, но мудрый белый павиан в голове стучал молоточком и требовал решения обрушившихся проблем. Немедленно. Всех.

– Что-то ты, дружок, вчера истернул, – обратился к отражению в зеркале Якоб. – Не вышло с первого раза, выйдет со второго. Отнесу кольцо повторно сегодня. Но в этот раз без шаурмы! – Войник погрозил пальцем зеркальному двойнику. – Смотри мне. Никакой шаурмы!

Сзади послышалось сопение и ворчание. Войник обернулся и увидел бульдога, который внимательно смотрел и, скорее всего, даже слушал. Пёс нахмурил и без того морщинистый лоб, склонил голову набок, высунул кончик языка, от чего нижние зубы стали казаться ещё более... выдающимися.

– Не пристало английским джентльменам подслушивать, сэра Картер.

Освежившийся после душа, полный новых идей Войник вернулся в комнату и взял смартфон.

– Вот же ж, боггарт дери, батарея почти сдохла. Ты, что ли, пёс, всю ночь кнопки жал? – доставая шнур и включая зарядку, ворчал Яшка. – Повезло тебе, складчатый, сходим прогуляться.

Картошка-хвост забила в припадке радости, и Пластик брыкнулся на спину: раз прогулка уже обещана, может, и пузо почешут?

Вернув Картера в прохладу квартиры после краткой прогулки – солнце палило нещадно даже в тени, – Войник, довольный и полный решимости, направился в музей. Кольцо надёжно лежало в кармане, готовясь вернуться куда положено – по крайней мере Яше хотелось в это верить.

В этот раз ноги сами несли его, дорога была знакомой, а путь пролетел незаметно. Увидев фасад музея, Войник привычно набрал номер друга и подождал три гудка. Несколько машин местной полиции

на площади Тахрир привлекли его внимание, хотя суматохи больше обычного не наблюдалось.

– Привет, Борька! У вас что, какая-то важная персона на экскурсии? Целый кортеж мигалок. Я тут принёс...

– Ох, Яшка, неудачное время ты выбрал, – перебил его Борька. – Тут у нас такое случилось! Лучше тебе пока не заходить... – Египтолог зашептал, явно желая, чтобы другие его не слышали – вдруг кто по-русски понимает? – Иди домой или погуляй где. Я тебе потом всё расскажу.

– Да что произошло-то? – не выдержал Яшка. – Не нагнетай! Говори уже.

– Кто-то вломился в музей, перерыл наш кабинет, убил охранника...

– Что?! – Сердце Войника ухнуло вниз, а ладони похолодели, хотя на улице и была жара.

На заднем плане зазвучала арабская речь, Борька что-то ответил и быстро сказал в трубку:

– Мне пора. Всё потом.

Якоб услышал сигнал отбоя, а потом ещё долго слушал тишину и, лишь поняв, что напрасно прижимает трубку к уху, опустил смартфон в карман.

Мысль о том, чтоб вернуться домой и поспать, Войник сразу отбросил – не до сна было с такими новостями. Он коротал время в книжном при Американском университете – тот как раз находился недалеко от музея, – потом поел, выбрав старое доброе KFC и уже не экспериментируя с уличными торговцами. Правда, сэндвичи подали острыми настолько, что аж глаза слезились – при том что на кассе вроде спросили, острое или нормальное. Ну а если это было нормальное – то какое ж тогда было острым? Но желудок не бунтовал, и на том спасибо.

Через пару часов Якоб вернулся к музею. Полиция к тому моменту уже разъехалась. Судя по всему, преступление произошло вне выставочных площадок, так как течение туристического потока не прерывали, разве что поставили больше охранников. Вполне в интересах египетских властей было бы вовсе умолчать об убийстве. Люди и так любили преувеличивать несчастья, а сокращение и без того

оскудевшего количества приезжих могло сильно ударить по местной экономике.

В голову лезли разные мысли. Но хуже всего Яша чувствовал смутную вину за смерть неизвестного охранника. В две тысячи одиннадцатом, когда в ходе революций громилось и грабилось всё, взлом музея почти не удивлял общественность. Но сейчас-то всё успокоилось! Зачем?.. Ответ напрашивался сам собой – ведь не сокровища Тутанхамона пошли красть, а вломились в кабинет музейных работников. Очень хотелось думать, что целью были какие-нибудь документы... но вдруг кто-то искал кольцо? А вдруг этот кто-то выкрал его ночью, чтобы вернуть Войнику? Эта версия, конечно, звучала реалистичнее, чем джинны, но о мотиве можно было только догадываться. Яша мог понять кражу кольца – древний артефакт явно стоил денег среди обычных коллекционеров и был бесценен среди помешанных на древних эпохах и магии. Но выкрасть, чтобы вернуть неизвестному журналисту из России? Может быть, это новая форма извращённых игр для богатых психов? С живыми участниками. Отнеси кольцо в Ородруин. А в мохноногие хоббиты был избран он, Войник, пока некая другая сторона играет за тёмных.

– Красную или синюю? Red pill, blue pill... – бубнил Яша, вспоминая любимый фильм и мешая русский с английским.

– Я предпочитаю не принимать то, в чем не уверена.

Войник оглянулся. Голос с акцентом показался ему смутно знакомым, и он не ошибся. Справа от него стояла красавица Ясмينا, загадочная змейка с фотографии.

Глава 12. Знание умножает печали

Год 2019, Каур

Якоб даже сморгнул от удивления, не привиделось ли. Но нет, восточная красавица с выставки была вполне реальна. С их первой встречи он помнил её в тёмно-синем вечернем платье, с золотыми гребнями и лёгким платком. Сейчас блестящие тёмные волосы были убраны в строгий пучок; платок был обёрнут вокруг головы на манер чалмы. Она явно носила этот аксессуар не из религиозных соображений, а просто в дань своей культуре и для красоты.

Одета девушка была скромнее, чем на фуршете в Пушкинском, но всё так же со вкусом – светло-бирюзовые брюки, тонкая туника до середины бедра в тон. Никаких тебе глубоких декольте, и даже рукава длинные, но с такой красотой и в балахоне можно выглядеть королевой. Дизайнерские солнечные очки в тонкой оправе скрывали глаза.

За спиной восточной красавицы маячил уже знакомый Яше крепыш, похожий на ротвейлера Жорика. Девушка сняла очки и тепло улыбнулась Войнику, точно старому знакомому.

– Добрый день, мистер...

– Войник, – подсказал Якоб, улыбнувшись в ответ, сетуя, что фингал, всё ещё не подживший, значительно снижает градус его обаяния. – Якоб Войник.

Пока он раздумывал, не обидит ли даму рукопожатие, она сама протянула ему ладонь, на западный манер. На запястье звякнули золотые браслеты.

– Ясмина бинт-Карим, – произнесла она с певучим акцентом. – Мы, кажется, так и не были друг другу представлены.

– Очень рад знакомству, – учтиво проговорил Войник, чуть сжав её тонкие, унизанные кольцами пальцы.

– Взаимно. Вы ведь друг профессора Тронтона, я правильно помню? Он очень много сделал для сохранения нашего наследия.

Якоб не успел уточнить, что он друг не самого профессора, а ассистента профессора. К Ясмине уже подлетел один из музейных охранников и что-то негромко затараторил по-арабски. Она нахмурила тонкие брови, несколько раз кивнула, бросила пару тихих слов.

– Сегодня произошло несчастье, – объяснила она, оборачиваясь к Войнику. Он не стал говорить, что уже знает, только напустил на себя обеспокоенный вид. – Но ни к чему тревожить туристов, обо всём уже позаботились. Здесь безопасно. Лишняя паника ведь никому не принесёт добра, вы не находите?

– Безусловно, – закивал Яша. – Знание умножает печали. Это ещё царь Соломон говорил. Мудрейший был человек. То есть говорил он не совсем так, но суть я вроде верно ухватил.

Девушка тихо рассмеялась, пряча очки в сумочку, которая стоила, кажется, дороже, чем весь Яшин гардероб, включая тот, что остался в Москве.

– Я могу провести вас в музей. Вы ведь туда направлялись? – Она кивнула на длинную очередь у входа. – Моими тропами быстрее.

– Кто ж от такого откажется! Благодарю.

Ясмина изящным жестом пригласила его следовать за ней и направилась вперёд. Войник невольно залюбовался. Не каждая женщина умела себя так подать. «М-да, вот по таким изящным жестам в древности и прыгали в ров к крокодилам. Или ещё куда-нибудь...» – подумал Якоб, коря себя за не к месту разгоревшийся интерес к прекрасному полу. Впрочем, когда дела мешали ему оценить красоту по достоинству?

Охранники чуть ли не почётным караулом выстроились. Госпожа Ясмина явно была здесь особой влиятельной, хоть и не спешила привлекать к себе излишнее внимание. У неё даже пропуск не спросили и не стали светить вещи через «рамку». Войника кстати тоже не просили и даже про камеру не заикнулись – видимо, приняли как дорогого гостя, раз уж он сопровождал такую особу.

В залах музея было прохладнее. «Ротвейлер» Ясины ненавязчиво оттеснял туристов – люди, похоже, просто побаивались приближаться. Даже вездесущие китайцы посматривали на здоровяка с опаской и обтекали аккуратным потоком. Войник удовлетворённо хмыкнул, стараясь держаться поближе к своей прекрасной сопровождающей. Пожалуй, древнеегипетским красавицам она правда ничем не уступала – хоть в кино снимай, если в роли не Нефертити, то Анхесенамон^[51] точно. Хотя нет, Анхесенамон не славилась твёрдостью характера, а вот царица Яххотеп, чей саркофаг он разглядывал вчера... Да, такая роль змейке бы подошла – было в ней что-то, особая стать или стержень, который Якоб чуял нутром.

При воспоминании о вчерашнем Войник невольно вздрогнул. Память услужливо подкинула образ оживающего фараона Секененра. Вот же напасть!

Кольцо прожигало нагрудный карман, как будто став тяжелее. Якоб чертыхнулся про себя. Конечно, он помнил, зачем пришёл сюда, прежде всего: ознакомиться с наследием Карнагана и вернуть проклятый перстень на место. И никакие джинны ему не помеха!

– Вы ведь уже были в зале царских мумий? – спросила вдруг Ясмина, следуя к лестнице на второй этаж.

– Д-да, – с небольшой заминкой ответил Яша, отгоняя слишком уж яркие воспоминания.

– Вам рассказывали увлекательную историю об их открытии? – улыбнулась девушка.

Якоб порадовался, что выудил из памяти эту часть рассказов Борьки ещё вчера – как раз когда рассматривал золочёный саркофаг царицы Яххотеп.

– Тайник в Дейр-эль-Бахри? – просиял он.

Повторять историю про предприимчивых арабов он не решился, чтобы не обижать сопровождающую. Мало ли, какую именно часть своего наследия она ценила больше?

– Да-да, – кивнула Ясмина, похоже, приятно удивлённая его познаниями. – Гробница Пинеджема Второго. Исключительная находка. Увы, уцелело далеко не всё... Кстати, нам туда. – Она указала куда-то в сторону и свернула в один из боковых проходов.

Якоб поспешил за ней, когда зазвонил смартфон. «Должно быть, Борька...» – подумал он, вытягивая смартфон из кармана.

Звонила мама. Надо сказать, Нора Войник была чрезвычайно лояльной, личное пространство ценила – и своё, и чужое – и не доставала его назойливыми звонками. Тем приятнее были душевные разговоры и искренняя радость встреч. Но сейчас ситуация была иной. Она явно звонила не потому, что соскучилась – узнала, что с ним что-то случилось. Интуиция её и так-то никогда не подводила, но тут причиной мог стать и звонок с работы. Скорее всего, Сан Саныч потерял надежду достучаться до своего взбунтовавшегося работника и кинулся обзванивать родственников. А из родственников у Якоба были только мать и отчим, да и те в Чехии.

Буравя взглядом экран, игнорируя шикающих на него посетителей музея, Яша лихорадочно соображал, как быть. Втягивать мать в свои проблемы не хотелось совершенно. Если уж ребята, связанные с этой историей, даже до Артура Стоуна дотянулись, то найти Нору Войник, пусть и проживающую в Чехии, им тоже не составит труда. Там её и отчим не защитит, даром что всю жизнь в полиции проработал. Что мог полицейский из маленького городка противопоставить людям, практикующим ритуальное заливание глаз воском?..

Но мать нужно было как-то успокоить... Звонок отыграл свою трель, и Нора набрала ещё раз. Якоб нажал сброс, черкнул: «В командировке, перезвоню». Подумал, добавил: «Люблю» – и отключил телефон. Подняв взгляд, он увидел, что Ясмина терпеливо дожидается его в нескольких шагах.

– Простите, с работы звонили, – Войник выдавил из себя извиняющуюся улыбку. – Потом перезвоню.

– В кабинете будет тише, можно там, – кивнула девушка.

Яша сомневался, что и там будет «можно». В конце концов, в Египет он приехал как раз для того, чтобы затеряться.

В кабинет, в котором убили охранника, Яшу не повели. Ясмина проводила его в небольшую приёмную, где уже собрались дежурные сотрудники музея. Бледный, то и дело утирающий пот Борька был тут

же. При виде Войника он округлил глаза, потом бочком приблизился к другу, взял за локоть и утащил в сторонку.

– Ты что тут делаешь? – прошипел он.

– Да вот, пригласили... а отказаться показалось невежливым, – усмехнулся Якоб, чуть кивнув на Ясмину: – Как думаешь, у неё много братьев? А то надоело битым ходить.

– Нашёл время, – буркнул Борька. Уши у него стали клюквенно-красные.

Ясмина заговорила на арабском, серьёзно, с участием, обращаясь сразу ко всем и к каждому в отдельности. Её голос оказывал почти гипнотическое воздействие. Войник не понимал ни слова, но даже его пробрало. Опомившись, он всё-таки спросил шёпотом Борьку, который сосредоточенно кивал рядом:

– А что она говорит?

– Успокаивает остальных, – чуть слышно пояснил египтолог. – И попутно объясняет, как важно сейчас для Египта иметь хорошую репутацию и почему дело нельзя предавать огласке.

Якоб на всякий случай тоже кивнул. Он, в общем-то, так и думал изначально. Было даже по-своему приятно – думать в одном направлении с госпожой бинт-Карим.

– Сегодня всех отпустят пораньше, – шепнул Борька.

– Дневники, – напомнил Войник, стряхивая чары змейки. – Ты же понимаешь, что это всё...

– Да тихо ты... Не сейчас.

Якоб вздохнул, решил понаблюдать за присутствующими. Выглядели все немного нервно, но, кажется, мысль о том, что Египет сейчас не может позволить себе снова потерять турпоток, дошла до всех. Вполне здравая идея, поскольку турпоток обеспечивал рабочие места.

На охранников было жалко смотреть – погибший ведь был им не только коллегой, кому-то приходился и другом. О семье «погибшего при исполнении» даже думать не хотелось. Музейный охранник – безопасная, непыльная должность. Знай себе пей чай да фонариком по углам свети. Что, в самом деле, могло случиться теперь, когда революция уже отгремела?!

– Она говорит, обо всём уже позаботились уважаемые люди, – тихо добавил Борька, поправляя очки. – Компенсация семье. Виновного

найдут.

– Хорошо... Что-то пропало? – чуть слышно спросил Яша.

– Не знаю. – Египтолог мрачно покачал головой. – Теперь мы туда не попадём – всё опечатано.

Улучив момент, когда Ясмينا уже закончила свою речь и отпустила всех заниматься делами или приходиться в себя, Борька настойчиво подтолкнул Войника к дверям. Яша не стал сопротивляться и даже с вопросами решил повременить.

Египтолог отвёл его в запасники. Сейчас у запертых дверей никого не было, не считая одного скучающего на посту охранника, который отдувался за остальных – тех, кто сейчас общался с Ясминой наверху. Борька обменялся с ним парой приветливых слов, сказал что-то, от чего араб просветлел – видимо, о сокращённом рабочем дне, – кивнул на Яшу, поясняя «этот, мол, со мной». Охранник перевёл на Войника подозрительный взгляд. Журналист изобразил смущённую улыбку и поднял руку в «Вулканском салюте»^[52]. Араб хмыкнул и отпер дверь. Борька закатил глаза и потащил Яшу в недра запасников.

Здесь царили пыль и полумрак – электричество работало с перебоями. Значительную часть пылившихся здесь экспонатов вывезли в Большой Египетский музей^[53], вот уже который год готовившийся к открытию. Как говорил Борька, Каирский музей уже и сам по себе был экспонатом. К тому же в нём уже просто физически не умещалось всё то, что сюда свозили. Раз уж даже для полного собрания артефактов из гробницы Тутанхамона места в экспозиции не нашлось, то что говорить о предметах с более скромной историей. Музей Гизы на площади помещений не жаловался, строился сразу с размахом и на века – прям как у древних египтян. Только вот окончание строительства постоянно откладывалось – тут и революция сказалась, и то, что денег вечно не хватало. Ну а где их хватает? Особенно когда то и дело заглядывают чиновники с инспекцией. Все же живые люди, все всё понимают...

Мысли Войника резко прервались нарастающим гудением, шёпотом тысяч голосов, окативших его сокрушающим прибоем. Словно десятки, сотни чужих взглядов вдруг обратились к нему. Он ощутил это даже ярче, чем вчера, когда только перешагнул порог Каирского музея. Историй... тысячи тысяч историй, жаждущих быть рассказанными. И он был единственным, кто мог услышать их...

Перед глазами потемнело, и Якоб невольно придержался рукой за стену. Не хватало ещё в обморок грохнуть. Стресс стрессом, но совсем уж терять лицо не хотелось.

– Эй, ты в порядке? – потряс его за плечо Борька, возвращая к реальности.

Войник с усилием сфокусировал взгляд. Образы из калейдоскопа эпох наплывали друг на друга, но наконец из цветных пятен сложилось лицо друга.

– Душновато, – хрипло пояснил Яша, попытавшись улыбнуться. – И пыльно.

Он откашлялся для верности.

Голоса никуда не делись, но хоть немного отступили. Борька с сомнением покачал головой и двинулся куда-то вперёд, в полутьму между стеллажами. Сегодня он был непривычно молчалив, даже не рассказывал ничего. В другое время Яша мог бы как-то поднять другу настроение, но сейчас разум как будто онемел. Он уже даже не нервничал. Почти. Нервная система явно предпочла уйти в анабиоз, чтобы не скатиться к новым приступам панических атак. Умный организм, в отличие от хозяина, обладал чрезвычайно развитым инстинктом самосохранения. Психика у Яши, конечно, крепко пошатнулась после травмы, но пока ещё держалась. «Нет, нас шепотками не возмёшь», – решительно сказал себе Войник и, избегая касаться чего бы то ни было в этих залах, пошёл за Борькой.

Якоб едва различал звук собственных шагов сквозь потусторонний шум в ушах, и сейчас ох как требовалось как следует заземлиться. Но он прекрасно понимал – никогда не знаешь, что послужит толчком. Иногда – вот как вчера – достаточно было сожрать некачественную шаурму, чтобы словить вполне качественный «приход» прямиком из эпохи фараонов. А вечером так и вовсе без шаурмы общался с кошкой в подворотне.

– Слушай, – начал Якоб, невольно вздрогнув от звука своего голоса, вторгнувшегося в голоса чьей-то чужой памяти. – Борь. Тут даже детektivом не надо быть, чтоб понимать: Артур Стоун и ваш охранник – извини, не знаю, как его звали... Всё это – звенья одной цепочки.

– Око Хора Ахмеду не отпечатали, – покачал головой Борька.

– Не заслужил, видимо. Но ведь не случайно же он погиб. Сомневаюсь, что головой об угол стола ударился.

Друг резко остановился, поворачиваясь к нему.

– Я уже всё на свете передумал, – резко проговорил он. – И за тебя весь издёргался уже. Думал, ты тут в безопасности будешь. Никто ж не догадается тебя искать в Каире! У тебя и поближе друзья есть. Родственники вон, в конце концов. И вот же... – Он расстроено пнул ближайший стеллаж.

Тот протестуяще закричал. Одна из полок сорвалась с крепления и накренилась, грозя рухнуть на те, что пониже. Египтолог выругался:

– Да что ж такое-то!

Яша положил руку ему на плечо.

– Спокойно. Нас пока не нашли. Я, чёрт возьми, надеюсь найти хоть какие-то ответы в дневниках. Даже если мне тут у вас поселиться придётся, среди скучающих на полках мумий, я готов. Ты меня, главное, подкармливай, чтоб я не сохся раньше времени.

Перспектива остаться здесь в одиночестве его как раз совсем не радовала, но не показывать же товарищу, у которого и так явно нервы сдавали.

– Ага, всё-таки я был прав, – хихикнул Борька. – Ну, про героя Хаггарда.

– Прав-прав. Ты вообще из нас двоих всегда был поумнее...

Войник прервался, заметив за плечом друга знакомую тень. Кошка вынырнула из-под ближайшего стеллажа и, махнув хвостом, метнулась в густую темноту слева. Яша устремился следом.

– Эй, ты куда! – крикнул вслед Борька. – Шею себе свернёшь!

Но Якоб ясно чувствовал, куда ему идти. Его как будто за ниточку тянули куда нужно, и, несмотря на темноту, он ни на что не налетел, даже не споткнулся. Голоса смолкли – на миг показалось даже, что он оглох. Шелестящая тишина окутала плотным одеялом. Войник остановился, потеряв ориентир.

Запоздало мигнул свет. Якоб стоял перед ящиками с маркировкой каирского музея, накрытыми прозрачной пластиковой плёнкой.

Эти ящики он уже где-то видел, совершенно точно. Вот только где?..

Подбежал запыхавшийся Борька.

– Ну даёшь! – выдохнул он. – Откуда знал, что нам сюда?

Войник шагнул вперёд, сдёрнул плёнку и коснулся края одного из ящиков, сделал несколько «шагов» пальцами. Мумифицированная рука царевны танцевала по краю ящика во сне – теперь он вспомнил.

– Она здесь лежит? – тихо спросил Якоб, не оборачиваясь. – «Ведьма Сета».

– Д-да... – подтвердил потрясённый египтолог.

– А здесь... – Якоб опустил на одно колено, проводя ладонью ниже, к ящику, на котором стоял первый.

«Анх-Джесер!» – взорвалось в его сознании, и калейдоскоп образов утянул его в многоцветный омут.

– *Отвратительно.*

– *Должно быть, грабитель?.. Вот же не повезло парню.*

– *Ха, не иначе как прирезали свои же подельники.*

– *Какой мерзкий оскал.*

– *Не представляет собой никакой ценности.*

– *Его ведь тоже можно пустить на целебный порошок?..*

– *Нет, в его плоти нет древних бальзамов. Это просто иссушенный труп.*

– *Ну, тогда разве что в коллекцию Королевского Исторического Общества.*

Якоб отчётливо слышал голоса, видел мелькание лиц в каком-то старинном зале. Гостиной? Он словно оказался среди теней, непрощенный гость на чужом званом ужине. Или нет... Он сам был тенью среди людей, гораздо более реальных, чем он сам. Стоял за плечом бледного молодого мужчины в старомодном сюртуке. Мужчина сцепил пальцы, унимая дрожь в руках, и неотрывно следил за тем, как по гостиной проносят длинный открытый ящик. Смех и слова слились в единую ленту. Лица исказились, обращаясь гротескными масками.

...не представляет...

...собой...

...никакой ценности...

Стало трудно дышать, и горло засадило так, словно он вдохнул едкого дыма.

А потом пламя поглотило всё, опалив Войника, выталкивая прочь обжигающим жаром.

В гудении огня он ярко различил... нет, не слова – некое понимание смысла:

«Он единственный, кто был по-настоящему ценен...»

Глава 13. Анх-Джесер

Год 15xx до н. э., Уасет

Повинуясь воле кормчего и умелых гребцов, ладья рассекала расплавленное золото вод, уходила вверх по течению. Торговое судно покинуло порт с первыми лучами, унося свой тайный драгоценный груз. Решение было принято, и все слова были сказаны прежде, осыпались бессильно, бессмысленно.

Под удивлёнными взглядами рыбаков, собиравших улов, он бежал вдоль берега, пока хватало дыхания – спотыкался, увязал в топкой почве заводей, спугивая стаи речных птиц. Бежал до самой излучины, не глядя под ноги, удерживая взглядом ладью так долго, как только мог, – словно это могло принести ей удачу, уберечь.

В какой-то момент ноги подогнулись, и он уже не поднялся – слепо вглядывался в ослепительный горизонт, дыша хрипло, отрывисто, иступлённо повторяя обрывочные слова благословений. Внутри было пусто, больно, словно кто-то рассёк грудь, вынул сердце. Нечего будет взвешивать в Зале Двух Истин^[54]... От этой мысли стало смешно.

Над Великой Рекой кружила одинокая птица. Сокол, божественный покровитель семьи Владык. Хороший знак? Благословение её

решения?

Он опустил голову, посмотрел на свои руки сквозь мутную воду. Пальцы, впившиеся в ил, казались чужими. Тускло блеснуло кольцо, напоминая о том, что осталось. Так невыносимо... Пойти в бой под знамёнами царицы-освободительницы, найти смерть не пустую, для общей цели – даже этого было не дано. Как не дано было отправиться в Нижнюю Землю, быть рядом с *ней* в каком угодно качестве, только бы уберечь.

Он подавил трусливый порыв сорвать перстень, бросить подальше в реку, глубоко похоронить свой гнев, муку, с которой теперь придётся жить. Не этого ждала *она*, нет. И не труса, не предателя она когда-то выбрала сердцем.

Только бы Боги дали сил вынести, сохранить... не тронуться умом, пока дело толком не закончено и даже едва начато... А может статься, что им всё же будет подарена новая встреча. Пусть хотя бы издалека. Пусть мучительно будет увидеть её рядом с другим – рядом с врагом, который однажды...

– Ты заблудился, господин? – окликнул его кто-то.

В паре шагов от него по колено в грязной воде стоял мальчишка – видимо, из рыбаков – и протягивал руку.

Он чуть улыбнулся ребёнку, покачал головой.

– Нет, я... кажется... как раз вспомнил, куда должен идти.

Медленно он поднялся, расправил плечи. Он верил – его царевна окажется сильнее, хитрее. *Она* сделает всё, как задумала, и всё ей будет по силам. А силы эти *она* черпала в нём, в уверенности, что будет кому сохранить память и истину. Он должен подпитывать эту уверенность, защитить её так, как мог.

– А выглядишь совсем худо. Болеешь, да? – Мальчишка окинул его неодобрительным взглядом и хмыкнул. – Ты б помылся хоть.

Он хрипло рассмеялся, утёр лицо ладонью, размазывая по щеке остатки речного ила. Мальчик прищурился и вдруг просиял:

– погоди, я тебя вспомнил, господин. Ты же тот жрец, который по деду молитву читал!

– Ну...

– Да, точно ты! Нам нечем было отплатить, а ты не отказался, провёл ритуал! Мать тебе потом рыбу велела отнести, а ты всё равно

не взял... У тебя беда какая приключилась? Пойдём, пойдём! – Юный рыбак уже вцепился ему в руку, потащил куда-то.

Шаг, другой, и вязкая топь заводи под ногами сменилась твёрдой землёй. Мальчишка продолжал тараторить:

– Сегодня хороший улов. Поешь с нами! Вместе же всегда всё легче, да?

Хороший знак. Поистине, Боги выражали своё благословение в самых разных проявлениях.

В день, когда новость из Хут-Уарет достигла дворца, он не хотел покидать свою мастерскую. Не хотел слушать ядовитые шепотки вельмож, ругань солдат, обвинения. Ему ещё предстояло столько работы! Но Владычица пожелала видеть его. Должно быть, в этот день ей тоже нужна была поддержка, нужен был рядом кто-то, кто знал правду.

Он держался в стороне от остальных – тень у трона Яххотеп. Благо и к нему с беседами не лезли – слава о нём шла как о человеке нелюдимом и даже опасном. Мало ли, какие тайные поручения доверяла ему царица? Жаль, не приказала укоротить языки тем, кто теперь порочил любимое имя. Они опасались говорить громко, но он слышал.

- Сетовское семя, поганое... Колдунья, под стать Апопи...
- Кто же мог знать, что такая уродится у великих Владык...
- Проклятие Обеих Земель. Змея...
- Всех нас погубит теперь...

Владычица держалась, как всегда, невозмутимо, величественно – ни взглядом, ни жестом не показала, как взволновали её эти новости. А уж повелитель хека-хасут постарался, чтобы вся Та-Кемет узнала о новой царице – о той, кого он счёл достойной своего трона.

Значит, *ей* всё удалось... Сумела убедить, завоевать доверие. Дала передышку своему измождённому бесконечными стычками народу.

Она снилась ему накануне, словно предупреждала о чём-то, просила молчать. Конечно же, он будет молчать, пусть хотелось быть раненым зверем. Украдкой он наблюдал за Яххотеп. Владычица Тетишери не пришла на это собрание – нашла дела поважнее, чем слушать клевету. А царица Яххотеп сдержанно кивала, находила слова успокоения для своих взволнованных военачальников, для скупощающих яд чиновников. Каких сил стоило ей быть здесь сегодня, принимать их ненависть, презрение, обращённое к царевне? Они были в отчаянии, но в его глазах это их не оправдывало. Как легко они поверили, отвернулись от неё!..

И этого она тоже ждала. На это тоже надеялась, когда только начала плести свой замысел...

– Мы вынуждены сделать вид, что принимаем условия, – бесстрастно произнесла Яххотеп. – Наше войско пока не готово к открытому противостоянию, и вам это хорошо известно.

– Но как же твоя дочь, Владычица?

– Ты повелишь склониться перед ней и перед врагом?

– Она по-прежнему наследница твоя и Владыки Таа Секененра, да хранят его Боги?

– Какова твоя воля?

Он видел, как потемнели глаза Яххотеп, видел, как едва уловимо её изящная рука сжала подлокотник трона. Зал гудел на разные голоса, и десятки взглядов были обращены к ней. И он тоже ждал её слов – ждал, как приговора... потому что знал то единственное, что она скажет сегодня.

Царица поднялась с трона, и в наступившей тишине глухо звякнули кинжалы на её поясе. С оружием она не расставалась, задав новые правила при дворе. Она уже не была только матерью народа Обеих Земель – она была защитницей, освободительницей, с чьим именем на устах умирали лучшие из воинов Та-Кемет.

– Мы не склонимся ни перед Апопи, ни перед Сетовой жрицей, чьим именем он лишает наш народ мужества. – Голос Яххотеп был холоднее ночной пустыни. – Это имя впредь не будет воплощено ни словом, ни знаком, не будет стоять подле славных имён наших предков. У меня нет и не было дочери. Запомните этот день. И, когда придёт время, я снова поведу вас в бой, и пусть сомнения не коснутся сердца ни одного из вас. Такова моя воля.

Слова Владычицы были острее её клинков. Он стиснул зубы, глухой к крикам ликования, наполнившим зал. Почти физически он чувствовал отчаяние, исходившее от царицы тёмными волнами, – отражение его собственного. Но она выстояла и эту битву, как смогла выстоять все предыдущие, как сможет и все последующие.

Позже Яххотеп призвала его к себе. Даже наедине она не обнажала свою боль, изнеможение этого дня, как не обнажала своё горе после смерти Владыки. Царица стояла у окна вполоборота, хрупкая, невысокая, таящая в себе удивительную волю. Ночные тени и отблески светильников скрадывали её черты, и так легко было обмануться. Его царевна и впрямь была очень похожа на мать – этого было не скрыть ни за какими запретами.

Яххотеп отослала служанок и стражей, жестом велела ему приблизиться, а когда он преклонил колени – стиснула вдруг его плечо сильно, до боли.

– Ты многое обещал *ей*, но сегодня дай слово мне, – тихо, жёстко заговорила царица. – Дай слово, что будешь помнить мою Таа Нефертари. Это приказ.

Как будто ему нужен был приказ...

– Всегда, – просто ответил он, встречая взгляд Владычицы.

– Твоё дело?

– Пока далеко до завершения.

– Мне нужно, чтобы ты отправился в Нижнюю Землю. Чтобы передал *ей* моё послание.

Сердце пропустило пару ударов. Увидеть *её*, приблизиться...

– Выдашь себя – и всё погребло, – продолжала царица. – *Она* погибла. Но больше мне некому доверить это. *Она* одна там... и *она* пойдёт до конца. Я должна дать ей знать, что на самом деле мы никогда не отказывались от *неё*... иначе как ей выстоять?.. Когда наш народ возненавидит её...

Яххотеп смотрела в самую душу, пристально, тяжело. Он не отвёл взгляд.

– Ей повезло, что у неё есть ты, – вдруг проговорила царица. – Верный. В самую тёмную ночь только этот свет спасает. Хотела бы я, чтоб всё для вас было иначе... Но эта война не пощадит никого из нас. Мы можем лишь постараться сделать так, чтобы ни одна из жертв не была напрасной.

Эти слова он вспоминал ещё не раз после...

Год 15xx до н. э., окрестности Кебеху-Нетчеру^[55]

Лунная ладья царственно плыла над некрополем среди ярких самоцветов звёзд. Ветер шуршал песком, гуляя среди величественных погребений, безмолвных памятников великих древних. Вдалеке возвышался, прорезая тело Нут светлыми ступенями, Дом Вечности Владыки Нетчерихета^[56]. Отсюда до него, казалось, было рукой подать.

Они сидели в тени камней, плечом к плечу, любуясь безмятежной ночью. Нефертари опустила руку, переплетя пальцы с его. Её дыхание, её прикосновения были живыми, настоящими – такими как он помнил. Всё, что было отнято когда-то, возвращалось к нему теперь в этих снах, в неизменном ощущении её родного присутствия. Её Ка обрело покой здесь, в некрополе древних Владык Та-Кемет. Он чувствовал её, пока проводил бесконечные дни, месяцы, совершенствуя её тайный Дом Вечности. А ночами она приходила так явно и ощутимо, что хрупкая граница видений и яви размыкалась. Она была жива, его царевна... пусть жива уже в совсем ином качестве. И здесь, рядом с ней, он был молод и силён, как когда-то – когда всё время ещё принадлежало им, а долгая война была ещё так далека от завершения.

В словах не было нужды – Таа Нефертари знала всё, что происходило с ним. Она сама указала это место, грань зримого мира, разрушенную древнюю гробницу, в которой он воплотил свой замысел. И она знала, что даже теперь, когда дело всей его жизни было закончено, он не уйдёт отсюда, предпочтя уединение славе. Пока жив, он будет чествовать её память ритуалами у её гробницы, с благословения Владычицы Яххотеп и Владыки Яхмоса^[57], воцарившегося в Обеих Землях, возвращающего народ Та-Кемет к процветанию. Они хранили тайну и знали, какой ценой победа обошлась всем им. Но если имена Таа Секененра и Камоса^[58] будут сохранены для вечности и для потомков, то имя Таа Нефертари хранил только он. И всё же, насколько было ему позволено, он оставил память о ней в своём творении – в гробнице, в которой он был и зодчим и начальником работ. Теперь он мог доживать свои дни в покое, чтобы однажды воссоединиться с ней в Полях Иалу...

Нефертари сжала его руку крепче, чуть подалась вперёд, словно прислушиваясь, и вдруг тряхнула его за плечи, воскликнула:

– Проснись. Проснись!

Знакомый голос прозвучал близко, над самым ухом – он подскочил от неожиданности, инстинктивно нащупал под циновкой кинжал. Было тихо и темно, даже собаки не взлаивали.

Он тряхнул головой, прогоняя остатки сна. Хотелось остаться там, рядом с ней, но что-то нарушило безмятежность ночи. И внутри было тревожно, неправильно. Она приходила во сне – это всегда было для него благословением, утешением. Но проснулся он от её приказа, почти крика. Что-то было не так...

Он поднялся. Ногу прошило болью – старая травма давала о себе знать всё чаще. Кость когда-то срослась не совсем правильно, а теперь и годы понемногу брали своё. Приглушённо выругавшись, он быстро оделся, нацепил пояс, пристегнув кинжал. Подумав, подхватил стоявшее в углу копьё – не так уж часто оно пригождалось в последнее время, разве что для охоты.

Выйдя за порог, он кликнул верного пса, но тот почему-то не отозвался. Странно, всегда ведь прибегал.

Ночь была тихой, но сейчас эта тишина казалась зыбкой, ненастоящей. Всё так же шуршал песком ветер, и серебряная лодка скользила по тёмно-фиолетовым самоцветным водам. И возвышался вдалеке Дом Вечности. Знакомая картина успокаивала.

Его жилище, лежавшее далеко в стороне от восстановленного после войны города, было уединённым. Некоторое время назад здесь ещё жили те немногие мастера, которых Владыка отрядил ему в помощь, но, когда строительство гробницы было закончено, все разъехались. Владыка предлагал ему вернуться – во дворце Уасет он всегда будет желанным гостем. Но кому, как не ему, было приносить подношения, совершать необходимые обряды? Вместе с ней охранять подступы к Месту Силы, которое она так хотела защитить при жизни... Жаль только, сил в руках становилось с каждым годом всё меньше, и не было уже прежней ясности зрения...

Он прислушался, крепче сжал копьё. Показалось или в самом деле он услышал чьи-то шаги? Пёс так и не отзывался.

Во дворе за домом никого не было, но тревога внутри нарастала. Тихо ступая между мастабами, он двинулся к потайному месту. На тропе, которую знал только он и рабочие, трудившиеся в гробнице, он обнаружил следы крови. А потом нашёл труп своего пса, ещё тёплый... Опустившись на одно колено, он погладил рыжеватую шерсть старого друга, осмотрел колотую рану. Острая печаль быстро сменилась яростью. Пёс словно и не сопротивлялся. Словно знал своего убийцу.

Сжав копьё крепче, он устремился к гробнице. Гнев придавал сил – он бежал так быстро, словно и не было старых ран. Впереди раздавались приглушённые голоса.

Тёмная тень преградила ему дорогу. В неверном лунном свете он узнал это лицо, и всё же не удержался от удивлённого возгласа.

– Амени?

Художник, работавший под его началом в гробнице, поднял руку с открытой ладонью. Вот только в другой руке он сжимал короткий меч.

– Уходи, – тихо проговорил он. – Я скажу, что не видел тебя. Запрись у себя, пережди.

– Ты привёл сюда чужаков. Ты дал слово хранить тайну этого места, как и все мы!

– Не глупи, – прошипел Амени. – Я не хочу убивать тебя. Тебе с нами не справиться.

Быстрым неуловимым движением он ударил художника в грудь древком копья – с такой силой, что тот отлетел на пару шагов, выронил меч.

– Коли её гнева не боишься, бойся моего.

Амени вскинул руки, защищая голову, испуганно глядя на него. В последний момент он удержал себя, не убил человека, убившего его пса.

– Кого ты привёл сюда? – прошипел он. – Осквернителей гробниц? Как ты посмел?

– Тебя считают предателем. Одержимым. Рабом умершей колдуньи, – забормотал художник. – Я проболтался, что знаю тебя, что ты не...

– Глупец.

– Осторожно!

Возглас запоздал. Он успел уклониться от атаки, но второй удар чем-то тяжёлым пришёлся на плечо. Хрустнула кость. Перехватив копьё, он ударил почти вслепую, с разворота. Наконечник нашёл податливую плоть.

Выдернув копьё, он хрипло выкрикнул заклинание, призывая божеств, стражей некрополей. И прежде всего – Упуата, Открывающего пути. Собачьего бога, жрецом которого он был.

Нападавших было четверо. В одиночку не отбиться. Но он должен был защитить...

Ночь оживала зловещими тенями. Эхо среди камней отозвалось далёкому лаю псов, и чужие голоса ответили из песков. Амени вскрикнул, побежал прочь по тропе. Четверо его товарищей оказались смелее, хоть и медлили пока приближаться.

– Мёртвые видят всё, – тихо предупредил он, обводя их взглядом. – Здесь вы не найдёте наживу. Только смерть и забвение.

Кто-то нервно рассмеялся. Двое испуганно переглянулись. Тот, кто стоял ближе – видимо, предводитель, – крепко выругался.

– Если разmozжить колдуну голову – то можно не бояться проклятий.

Они бросились почти одновременно. Он успел метнуть кинжал. Крутанулся на месте, отбил удар топора, толкнул одного древком в рёбра, сбил с ног второго. Чья-то тяжёлая булава настигла его – хрустнули рёбра, и нога всё же сдала, подогнулась. Припав на одно колено, он успел заслониться, принять удар на копьё, и древко треснуло, разрубленное. Последнее, что ему удалось сделать, – вонзить наконечник в ногу человека с топором. А потом удары обрушились на него, и в какой-то миг он провалился куда-то в темноту, уже ничего не чувствуя.

Он пришёл в себя от боли и нехватки воздуха – грудь расколото, как хрупкий кувшин. Кто-то встряхнул его, окончательно приводя в чувство. Перед глазами плыло.

– Где вход, колдун? Мы потеряли вход!

Он тихо рассмеялся.

– Вы уже не уйдёте отсюда... как и я...

Ночь содрогнулась от их криков. Ожившие тени ночи терзали их. Упуат всё же отозвался ему, дал немного времени...

Он едва сумел подняться, удерживаясь за каменный уступ, равнодушно глянул на осквернителей, отбивавшихся от тёмных теней-псов. Только бы успеть...

Знакомая тропа словно сама ложилась под ноги, и чужая воля мягко подгоняла его, торопила к укрытию. Он знал, что заклинания не хватит надолго, что по его следу придут. Почему *она* вела его в свою последнюю обитель? Может, потому что больше было некуда идти...

Старое святилище маскировало потайной вход в туннели. Спотыкаясь, он спустился в скрытые переходы, вслепую прошёл по пути, который знал даже лучше, чем своё жилище, и бессильно опустился у дверей.

Печати были сорваны. Двери – распахнуты. Кто-то успел сюда раньше, чем он.

В умирающем теле уже не было сил. Он попытался приподняться, опираясь на руки... За спиной он слышал приближающиеся голоса. Нужно было засыпать проход, но тело не слушалось... Боги, неужели он так и не исполнит свой долг до конца!..

Знакомая лёгкая рука коснулась его плеча. Вскинув голову, он встретился взглядом с той, что уже не ходила тропами живых. Её мягкий голос он скорее ощутил, чем услышал.

– Ты сделал всё, что мог... Войди. Дай себе отдых... Мы будем вместе...

Её светлый силуэт истаял. Полыхнуло жаром. Показалось или он в самом деле увидел двуххвостого пламенного пса, устремившегося в тёмный коридор? Чей это был дикий крик – разве такой могла исторгнуть человеческая гортань?..

Несколько шагов от входа до погребения показались длиннее, чем весь его путь сюда. Обессиленный, он обнял её саркофаг, коснулся губами высеченного в дереве лица. Кольцо тускло блеснуло в полумраке, и он чуть улыбнулся, вспоминая...

Истошные крики смолкли. Как во сне, он слышал её шаги. Она вошла жарким порывом ветра, обжигающим дыханием пустыни, и двери захлопнулись с тихим скрежетом. В темноте гробницы своим меркнущим взором он едва различал её зыбкий светящийся силуэт.

Боли не было, когда дыхание пустыни иссушило плоть на его костях, сохраняя его умирающее тело для вечности. Его имя было музыкой в её устах, сладостным зовом из-за грани.

– Анх-Джесер...

Глава 14. Власть имён

Год 2019, Каир

– Эта женщина была могущественной колдуньей, повелевающей пламенем и песками... И чудовища пустыни ходили за ней по пятам, пожирая её врагов... И зверем ластился к её ногам огонь...

– А этот! Кем был этот?..

– Великая жертва... во имя царской дочери... Страшная смерть... И огонь пустыни... ласкал изнутри его кости...

– Яшка! Да что с тобой такое!

Голос Борьки прорезался сквозь жаркое марево, сквозь хор далёких голосов. Войник не помнил, как оттолкнул друга, как снял один ящик с другого. Он сдирал плёнку, сбивал пальцы в кровь, пытаясь отодрать злополучную крышку.

– Нам же голову за это снимут! – воскликнул Борька, мечась рядом.

– Это важно, – отрезал Якоб. – Лучше помоги.

Голос был чужим, хриплым. Борька испуганно отшатнулся, как будто во взгляде Яши сейчас отражался кто-то другой. Друг не решился спорить – молча ушёл куда-то в темноту запасников. Войник

остался у ящичков, буравя взглядом маркировку. Перед внутренним взором проносились образы – залитый серебром луны некрополь. Тёмные проходы. Пожар в особняке. Кости ныли чьей-то чужой болью, и не хватало воздуха.

Борька вернулся с инструментами, сложил их перед Яшей.

– Зачем тебе эти ящички? – обречённо спросил он, садясь рядом. – Ты же и так знаешь, что там. И это не дневники.

Якоб и сам не мог объяснить эту насущную необходимость взглянуть на содержимое контейнеров. Знал только, что всё это было чертовски важно и к тому же – как-то связано с его видениями. Обрывочные фрагменты пока не складывались в единую картину. Да и как объяснить другу, пусть и давнему, *что* он увидел? Борька скажет, что ему мозг с жары замкнуло – и будет в чём-то прав.

Со вздохом он поднялся и пошёл расковыривать крышку.

– Так. Отойди, тут нужно работать аккуратно, – строго сказал Борька, оттеснил его и с видом заправского взломщика приступил к вскрытию. – Надо же по науке, в маске, в перчатках, а у нас ничего при себе... В останках бывает грибок или ещё что специфическое...

– Спасибо тебе, – искренне проговорил Яша.

– Да ну, – отмахнулся друг. – Но напугал ты меня крепко. Ты б себя видел – даже не отзывался! Сидел, глазами вращал, бормотал что-то...

Войник прикусил язык, не спеша делиться новыми открытиями. Крышка наконец подалась, и они посветили внутрь.

«В общем, оба этих тела для выставки совершенно не подходят, разве что для анатомической. Чрезвычайно плохо сохранились, и к тому же, как бы это объяснить... дошли по частям», – Яша вспомнил слова ныне покойного Артура Стоуна, лорда Карнагана.

Перед глазами вспыхнул другой образ – низкий тёмный зал гробницы, руки, обнимавшие деревянный саркофаг. Инстинктивно Войник потянулся, взял одну из обломанных иссушенных временем рук – Борька даже остановить его не успел – и поднёс к свету. На ней не хватало пальца.

– Здесь же было кольцо, – растерянно произнёс он. – Печать из электрума. Такая же, как этот чёртов перстень Карнаганов.

– Ну, друг мой... – Борька вздохнул, развёл руками. – Знаешь сколько до нас грабителей постарались?

– Но гробницу вскрыли предки лорда Карнагана. И она была нетронутая, так?

– Ага.

– И этого второго кольца в коллекции не значится. Или кто-то плохо провёл инвентаризацию, – Яша нервно усмехнулся, поспешно положил руку обратно.

– Да с чего ты вообще взял, что там было второе кольцо? – удивился Борька. – Я видел списки. Ничего подобного. Ну а что палец у него обломан – так это не редкость.

– Давай второй тоже вскроем, раз уж мы здесь.

– Блин, Яшка...

– Ну а что? Всё равно же дневники искать.

Бормоча что-то не очень приятное в адрес друга, Борька принялся аккуратно вскрывать второй ящик. В груди нехорошо кольнуло, и вспомнился сон, когда из ящика вылезала, собирая себя по кускам, мумия царевны. Теперь Яша знал её имя – если, конечно, мог доверять своему воспалённому разуму.

Таа Нефертари.

И если верить всё тому же воспалённому разуму, «Анх-Джесер» тоже не было просто мороком, случайным набором звуков. Так звали этого человека, в чью жизнь он случайно заглянул. Жреца? Стража? Архитектора гробницы?..

Голова шла кругом – иссушенные останки настойчиво нашёптывали историю их обладателя. Если бы Яша умел рисовать, он бы даже изобразил его лицо – так отчётливо увидел. И лицо царевны. Да, теперь он с уверенностью мог сказать, что реконструкция профессора Тронтона практически полностью соответствовала действительности. Вот только Войник видел царевну глазами Анх-Джесера, а чувства, которыми были окрашены воспоминания, не под силу было запечатлеть ни в одной реконструкции. Для архитектора – или кем он там был – Таа Нефертари была чудом. Воплощённой богиней. Такое не зарисуешь...

– Ну, доволен? – спросил Борька, кивнув на ящик с частями мумии. – Тут вот руки не хватает и головы – они ещё не вернулись из Москвы с выставки. Ждём со дня на день, если таможня и Служба Древностей не задуркуют. Помнишь же, по завещанию лорда Карнагана коллекция передаётся в музей, полностью.

– Ага... – Якоб рассеянно кивнул, глядя на иссушённые конечности, вспоминая свои кошмары. – А ступни у неё почему не хватает? Мумию же вроде целой нашли, нет?

– Может, при переезде потерялась. А может, на целебные порошки пустили, – Борька нахмурился, покачал головой. – Дикие люди.

Войник невольно вздрогнул, когда вспышкой пронеслись обрывки чужого воспоминания. Званный вечер, салон. Снятие покровов. Расчленение мумии. Эти люди что, прямо там же жрали порошок из тела царевны?! К горлу подкатила тошнота. Он откашлялся, схватился за край ящика, потом, подчинившись неведомому порыву всё той же чужой памяти, коснулся мёртвых сухих пальцев. Разум сыграл странную шутку – он словно коснулся тёплой живой ладони... и быстро отдернул руку. Вдруг уцелевшей кистью царевна сейчас возьмёт да и утянет его?.. Ну, не в ящик к себе, конечно, но куда-то в очень неприятное место...

Вопросов было всё больше. Во что бы то ни стало он должен был взглянуть на дневники. Интересно, кстати, а чьими глазами он видел тот вечер в особняке?..

– Слушай, Борька. Помнишь, ты рассказывал, что в раскопках участвовали художники. Зарисовывали находки. У Карнаганов же сохранилось что-то такое?

– Да. Профессор Тронтон изучал зарисовки. Чертовски хорошие, надо сказать, хотя этим рисовальщикам явно не хватало знаний древнеегипетского, – Борька потёр переносицу, поправил очки. – По идее, всё должно быть здесь, вместе с погребальной утварью. По маркировке не вспомню сейчас – давай искать.

Египтолог не позволил ему трогать утварь – сам аккуратно перебирал стопки пожелтевшего льняного полотна, глиняные сосуды, бережно упакованные в стружке, деревянные ларцы. Вслух по памяти перечислял какие-то инвентарные имена и названия предметов на смеси русского и английского. Они провозились чёрт-те сколько времени, но, увы, ни дневников, ни зарисовок конца девятнадцатого века нигде не оказалось.

Якоб крепко выругался от досады, заслужив укоризненный взгляд Борьки.

– Ну и как теперь быть? – спросил Войник то ли у друга, то ли у пары мумий, упокоенных в музейных ящиках.

Египтолог поскрёб в затылке, вздохнул.

– Ладно, помоги мне тут прибраться. А потом пойдём злоупотреблять моим служебным положением...

– В каком смысле?

– Вломимся в кабинет профессора. Потому что если где ещё и могут быть эти заветные бумажки – то только у Тронтона. При условии, что он их с собой не увёз. Но, чёрт возьми, я готов был поспорить, что он всё упаковал как надо... это же чужая собственность. Он же чертовски щепетильный. – Бормоча это, Борька уже бодро запаковывал ящики. – Вот угораздило ввязаться...

– А кабинет-то где? В музее?

– Нет, если бы. Тронтон преподаёт в Американском университете...

– В американском? – перебил Яшка и округлил глаза.

– Так точно, но не переживай – от Америки в нём лишь название и финансирование, – рассмеялся Борька. – Придётся тебе потерпеть ещё одну гонку на местной колеснице. А по дороге руки помой, антрополог-любитель.

Яша и сам не ожидал, что за просмотром документального кино о жизни древних египтян и копанием в запасниках прошло столько времени. Был уже поздний вечер, когда они с Борькой сели в такси. Друг не предлагал отложить всё до завтра – понимал, что дело серьёзное, да и сам, похоже, был озадачен не на шутку. А если ещё и утро вспомнить – обнаружение мёртвого охранника, речь Ясины... В общем, это был очень долгий и тяжёлый день для всех них.

В университет их пустили по Борькиному удостоверению – он быстро объяснил охране что-то по-арабски, и те пропустили, не слишком даже любопытствуя. В конце концов, египтолога тут явно знали.

От экскурсии приятель воздержался и повёл друга заповедными тропами местной профессуры. По пути им почти никто не попадался, а

кто попадался, не удивлялся, как и охрана. Всё-таки Борька был ассистентом профессора, не абы кем.

Бредя по служебным коридорам за другом, Якоб пытался сосредоточиться на задаче. Прочитать дневники мертвеца и разобраться, кто там так сильно невзлюбил семейство Карнаганов и за что. Желательно при этом и самому не попасть под раздачу. Свои собственные глаза Войнику нравились гораздо больше, чем древнеегипетский символ.

А ещё – нужно было каким-то образом заключить «пакт о ненападении» с мёртвой колдуньей не первой свежести, пока она не спалила незадачливого журналиста к чертям собачьим, как гостей того праздника в особняке... «С Таа Нефертари», – инстинктивно поправил себя Яша. У мумии было имя, и теперь думать о ней как о человеке, а не о каком-то безликом ужасе было всё-таки легче. Сроднились они, что ли? Или это всё древний архитектор виноват? Войник ловил себя на том, что эта история, обрастающая всё новыми подробностями, уже не была чьей-то чужой. И у него, Якоба, было в этих событиях какое-то своё место. Это по-своему завораживало... и вместе с тем пугало – пугало даже сильнее, чем ожившие мумии.

Другая часть его, более разумная, уже скучала по обычной жизни, по мерзкой, но родной весне – по лужам, простуде, горячему кофе на ходу. Даже по суровому взгляду начальства, не к ночи оно будет упомянуто. Разве ж Якоб мог подумать ещё пару недель назад, во что превратится интересный материал для статьи?..

– Не волнуйся, сейчас всё устроим в лучшем виде, – подал голос Борька, успокаивая то ли Яшу, то ли себя самого. – Тебя прям не узнать – такой молчаливый...

– Я строю планы на будущее, – отмахнулся Войник.

– Светлое, надеюсь?

– Нефильтрованное, – буркнул Якоб.

– Зато ты только подумай. Это ведь самое настоящее приключение! Как у Хаггарда.

Яша невольно остановился, удержал мрачное: «Если выживем». А то вдруг слова станут пророческими? Недоверчиво он посмотрел в открытое лицо друга. Нет, Борька и правда говорил без всякого сарказма. Он отчаянно бодрился – старался не думать об убийстве охранника Ахмеда, о таинственных врагах Карнагана и тёмной

истории с коллекцией. Борька при всех своих стремлениях к древности всегда мыслил трезво и не мог не осознавать опасности. Но исследовательский интерес для него, похоже, перевешивал всё. Соприкосновение со стариной, защита исторических ценностей от чёрных дельцов. Может, он и впрямь хотел почувствовать себя героем романов Хаггарда. Или первопроходцем египтологии, когда наука была ещё у истоков. И к тому же для него ведь не существовало ни монстров, ни до ужаса реальных голосов из прошлого – только факты. А факты, пусть и пугающие, позволяли удерживаться в здравом уме. Их можно было осмыслить, «пощупать».

– Ты чего, окаменел? – Борька улыбнулся, поправил очки. – Топай давай. Не пугай меня опять вот этим своим остановившимся взглядом.

– Слушай, забыл сказать. Мама звонила, – невпопад ответил Якоб.

– Как она? – вопрос был дежурный – волновало Борьку сейчас явно иное.

– Не знаю. Я не ответил.

Реальность ускользала, разворачиваясь многомерным калейдоскопом. Прежде знакомые вещи казались какой-то далёкой фантазмагорией. Неужели это всё происходило с ним? А сам он – могли считаться более настоящим, чем призраки прошлого? Когда голоса из минувших веков звучали уже явственнее тех, кого он знал по настоящему.

«Так, сосредоточься, Войник, пока кукуха не уехала совсем, – одёрнул себя Якоб. – В следующий раз подойду к телефону... Сан Саныч как гаркнет – куда уж реальнее? Разом вся призрачная дурь из башки повылетает».

Борька посмотрел на часы.

– Времени у нас мало – тут уже всё закрыли. Я, конечно, сослался на позднюю срочную работу, но всё-таки.

– Ну главное, чтоб профессор не запрятал эти бумажные сокровища так, что по карте с поисковой собакой не найдёшь.

Египтолог кивнул, уже отпирая дверь.

– Всё-таки повезло нам, что у тебя и ключи есть, – Яша похлопал приятеля по плечу.

– Конечно, я же ассистент.

– Звучит как-то не очень. Давай тебе чин посolidнее придумаем.

– Заместитель? Так норм?

Дверь открылась, и они шагнули в полумрак. Прежде чем увидеть кабинет профессора, Якоб почувствовал его. Каждое помещение пахнет теми, кто в нём обитает. Воздух в кабинете Тронтона был тягучим, как пустынное марево из недавних видений. Казалось, его не вдыхаешь, а пьёшь. Дыхание вечности, лёгкий привкус пыли веков, прах прошлого и лёгкий бриз безумия. Хотя нет, бриз безумия – это вполне мог принести с собой сам Якоб.

А поверху...

– Шанель «Эгоист»? Серьёзно? Английский учёный в Египте с французским душком?

Борька шумно втянул носом воздух и щёлкнул выключателем. Свет электрических ламп придавал всему обыденности – никаких тебе тёмных уголков. Порядочным призракам прошлого и спрятаться-то негде. По-своему это успокаивало.

– Ага, Тронтон с прошлого века им поливается. Мы иногда шутим, что мумии благодаря профессору пропахли современностью.

– Ну, та ещё современность. Тридцать лет в обед запашку-то. У меня им отчим поливается, но он вообще консерватор.

– Запах – это ведь тоже история...

– Ага, иногда история обеда, – перебил Якоб вдохновенную речь друга.

– Конкретно эта история – о загадочной любви Тронтона к неизвестной особе. Но я пока его не расколел. Так, только ничего тут не трогай – я сам.

– Да понял уже, понял. – Якоб уселся в кресло за идеально убранном столом.

В середине стоял глобус, явно коллекционный, инкрустированный полудрагоценными камнями, изображавшими океаны и материки. Яша хотел было крутануть, но Борька развернулся и погрозил пальцем. И как только почуял? Стоял же вроде спиной, рылся в ящиках с бумагами. Войник поднял руки, показывая, что ничего не тронул. Взгляд зацепился за пресс-папье в виде английского бульдога.

– Видал? У Пластика-то уже памятник есть, прижизненный.

– Завидуешь, что ли? – рассмеялся Борька, не отрываясь от бумаг.

– Не, я уже смирился, что мой профиль никто не отольёт в бронзе. Тут главное же что – чтоб другого чего не отлили... Воск в глазницу там... Око Уаджет... – Якоб невольно содрогнулся, вспомнив

фотографии Светланы, патологоанатома. – Ну, где там твои «Записки охотника»? Пора ставить точку в этом деле!

– Или три, – улыбнулся Борька, извлекая из архива большую кожаную папку. – Вот они. Эксклюзивные зарисовки гробницы. Изучай пока, а я поколдую над тайником... Профессор Тронтон никогда не доверял сейфам – всё по старинке...

– Настоящая детективная история, – хмыкнул Войник.

– Ты только аккуратно листай. Это настоящий раритет!

– Слушай, ну мог бы листать глазами – вообще бы не трогал, – усмехнулся Яша. – Я ж не варвар какой.

Бережно он открыл папку, рассматривая листы с зарисовками. Борька был прав – выполнены они были и правда отлично, по крайней мере на непрофессиональный взгляд Войника. Детали росписей, лица... Жаль, не в цвете.

Борька тем временем рылся в книжном шкафу, ища то ли потайную полку, то ли полую книгу... или где там англичане хранили ценности.

– Ура! Тронтон, на наше счастье, тоже консерватор. Нашёл!

Якоб рассеянно кивнул. Он был слишком увлечён разглядыванием рисунков, пытаясь представить, как выглядела гробница, когда её только открыли. С изумлением – хотя пора уже было перестать удивляться! – он ловил себя на некоем... узнавании. Словно уже видел эти сцены с росписями, видел саркофаг... А, ну да – саркофаг и правда видел. Тогда, в Пушкинском.

Дойдя до одного из рисунков, он не удержался от возгласа.

– Вот, смотри! А я что тебе говорил! – Забывшись, он подхватил лист, ткнул его Борьке в лицо.

– Да тихо ты, не порви! Что ты тут увидел?

– Тело на саркофаге! Смотри, прямо как я... – он осёк себя, не договорил «увидел», – представлял себе по твоим рассказам. Ты же говорил про второй труп.

– Ну, был второй труп, да. Ты с ним чуть ли не обнимался сегодня в запасниках.

– Посмотри, здесь у него нарисованы все пять пальцев. И кольцо!

Борька пристально всмотрелся в рисунок. Якоб торжествуя улыбнулся. Между тем, чтобы ужаснуться подтверждению своего видения и радостью от собственной правоты, он предпочёл

сосредоточиться на втором. Разуму и так досталось от переизбытка впечатлений.

– Может, это то же самое кольцо? – недоверчиво протянул египтолог. – Которое сейчас у тебя.

– погоди, то же вроде сняли с мумии. И тут не двуххвостая собака, а какая-то хрень нарисована.

Войник заколебался, дотронулся до кармана – перстень был там. Отбросив сомнения, он достал артефакт и показал другу.

– Вот, смотри! – Якоб чуть очки Борьке не разбил, тыкая древностью ему в лицо. – На моём – собака-мутант!

– Ричард О'Райли был отличным художником, но не владел древнеегипетским, – снисходительно пояснил Борька, отстраняясь. – Мог что-то напутать.

– Ричард О'Райли?

– Ну да. В гробнице работали несколько художников, но его работы самые качественные и достоверные. А ты бы смотрел повнимательнее – и увидел, что он подписал каждый свой рисунок. Художники, как и учёные, честлюбивы.

– Ладно, что б там ни напутал твой талантливый ирландец – это кольцо он изобразил на трупе мужчины. А моё кольцо... в смысле, кольцо Карнаганов... сняли с царевны. Значит, кольца всё-таки было два?

Борька щурился, шевелил губами, силясь что-то прочитать.

– Плохо, что они и стены срисовывая, не особо уделяли внимание письменности... так, закорючек невнятных понаставили между фигурами. Но вот это, тут... смутно похоже на имя. Титулатуру я разглядеть не могу – это ж стилизация. Мистеру О'Райли было безразлично, что там написано. Завитушек наставил.

– На имя? – оживился Якоб.

– Вот тут, видишь... это тянет на иероглиф «Нефер».

– Нефертари. Похоже?

– Нефертари. Нефертити. Нефру-Себек. Кто угодно.

– Таа Нефертари, – Войник постарался произнести это имя так, как слышал внутри.

Борька озадаченно уставился на него, как будто видел впервые. Прикусывать язык было уже поздно, и Якоб молча развёл руками.

Египтолог предпочёл не расспрашивать – аккуратно поставил контейнер с бумагами на стол Тронтона, не менее аккуратно забрал у Яши рисунок и сложил все эскизы в папку. Войник потянулся к контейнеру, наугад вытянул небольшую тетрадь в жёстком переплёте. К счастью, никаких голосов в голове он не услышал – только далёкое перешёптывание, похожее на шелест множества свитков.

«Ну, посмотрим, сработает ли старое гадание, – подумал он с мрачноватой иронией. – Чего мне ждать от этого вынужденного расследования?»

Он открыл тетрадь, не глядя ткнул пальцем в одну из пожелтевших страниц. Там по-английски было выведено аккуратным убористым почерком:

«В день, когда она открыла мне своё имя, я лишь утвердился в своём намерении. А выбор мой был сделан ещё прежде. Таа Нефертари, царская дочь, жрица Сета, вела меня...»

Глава 15. Сквозь время

Год 2019, Каир

Якоб захлопнул книжку, положил в контейнер и тяжело опёрся о стол. Целая жизнь, заключённая в пожелтевших страницах, лежала перед ним. Чужая судьба, перекликавшаяся с его собственной. Ответы на вопросы, которых ему так не хватало, которые прежде просто неоткуда было получить.

Дневники были разной степени сохранности, учитывая, сколько им было лет и сколько они повидали ещё при жизни владельца – потёртые, где-то обгоревшие, где-то подгнившие, где-то надорванные. Он должен был прочесть их все! Вот только с чего начать...

– Пары часов тут явно не хватит, – задумчиво проговорил Войник, глядя на богатство Тронтона, которое профессор по какой-то причине решил вынести из музея. – Даже пары дней может не хватить. А заночевать нам тут явно не разрешат.

– И Пластик негулянный, – заметил Борька и вздохнул. – Ладно, если уж пользоваться служебным положением, так по полной программе... Я и не рассчитывал, что ты ознакомишься со всем за час, – добавил он, деловито закрывая контейнер. – Возьмём работу на дом.

– Серьёзно? – обрадовался Яша.

– А куда деваться? – вздохнул египтолог. – Тронтон пока в отъезде. Успеем всё вернуть на место. Что он тут спрятал – никто, кроме нас с ним, не знает. По крайней мере, я на это надеюсь... Ну ещё вот ты теперь знаешь, но тебе нет резона выдавать «военную тайну».

Контейнер они выносили с нехитрой маскировкой из пакетов, каких-то книг и записей с лекциями. Борька напустил на себя важный вид, задержался у поста охраны, серьёзно что-то объяснил. Охранник позёвывал и вяло кивал – ему было абсолютно всё равно, тем более что репутация у Николая Боркина, ассистента профессора, была безупречная. Бдительный страж университета даже вызвал для египтолога такси, на котором друзья и вернулись домой уже глубокой ночью.

Сэр Говард Картер был не слишком рад тому, что его потревожили в неурочный час, и на прогулку не спешил, но за кусок сыра всё-таки соизволил выйти. На обратном пути они столкнулись с комендантом, который был рад им ещё меньше, чем Пластик – ночной прогулке. После минувшего дня Борька, уставший и взвинченный, уже не стал ничего объяснять, а только вяло огрызнулся и потащил за собой Якоба и пса. Комендант что-то бурчал им вслед – может, джиннов насылал, может, грозил всеми египетскими карами. В любом случае сейчас уже было не до него.

Якоб чувствовал, что валится с ног, но его буквально распирало от любопытства. Борька клевал носом, но мужественно искал в контейнере, в каком именно из дневников он видел изображение Ока Уаджет. В итоге Войник сжалился над ним и отправил спать, а сам приступил к исследованиям. Правда, скис он так же быстро – буквы плыли перед глазами, извиваясь вензелями, точно щупальцами. Зарисовки на страницах – а давно почивший лорд Карнаган весьма неплохо умел рисовать, понимать бы ещё, что именно он зарисовывал, – превращались в чьи-то недружелюбно оскаленные морды. Где-то на границе между сном и явью Яша уже перестал разбирать, что ему мерещилось, а что было правдой. Он отключился там же на диване, рядом с храпящим Пластиком, в обнимку со старинной тетрадью.

То ли божества сновидений сегодня были к нему милосердны, то ли мозг устал настолько, что уже не сумел ничего спроецировать, но спал Войник как убитый. И не приходили к нему ни члены благородных английских семейств, ни мёртвые зодчие, ни иссохшие царевны. Утренний азан он даже не слышал и не уловил, когда Борька собрался и ушёл на работу.

Проснулся Якоб после полудня. Пластик всё так же храпел рядом, а вот дневник, с которым Войник уснул, лежал в аккуратной стопке с остальными. На столе Борька оставил записку: «Рано вызвали на работу. Пёс не выгулян. Еда в холодильнике. Твой черёд готовить».

Умывшись, Войник заглянул в холодильник. Пластик материализовался рядом, призывно хрюкнул – пришлось поделиться с ним сыром, который Якоб собирался настрогать себе в яичницу. К предложению погулять Говард Картер отнёсся без энтузиазма – как, впрочем, и сам Яша, – но кружок вокруг дома они всё-таки сделали и вернулись в прохладу Борькиной квартиры. Под укоризненное бульдожье похрюкивание Яша прикончил яичницу и вернулся к дневникам.

Он даже не знал, с чего начать. Может быть, надо было искать по датам?.. Но даты значились не везде... Да и кто знает, насколько тщательно лорд записывал все события и что из всего архива дожило до сегодняшнего дня?

Дело двигалось совсем не быстро, и не спасало даже отличное знание английского. Где-то приходилось разбирать размытые стёртые временем буквы – чернила поплыли. Что-то лорд записывал явно в спешке, сокращая и изменяя собственной привычке писать красиво-аккуратно. Часть записей оказалась и вовсе зашифрована, и Войник, чертыхаясь, отложил их в сторону. Потом, правда, всё-таки полистал – посмотрел картинки. Где-то среди записей значились символы, при взгляде на которые Якобу становилось не по себе. Словно что-то скреблось изнутри его, силясь вырваться наружу из подполов подсознания. Может, лорд был адептом какого-нибудь зловещего культа? В то время ведь была целая куча эзотерических кружков разной направленности. Может, поэтому всё и пошло вкривь и вкось в славном семействе Карнаганов?

А ещё у Яши складывалось отчётливое ощущение, будто эти дневники – или их хозяин – сами решали, что ему надлежит прочесть,

а что – нет. В итоге он просто листал страницы в случайном порядке, выхватывая взглядом строки, и перед внутренним взором проносились сцены той, другой жизни – чужой, но как будто знакомой. И теперь он знал имя этого человека, встреченное несколько раз в подписи: Джонатан Стоун, лорд Карнаган.

«...Моя дорогая Беатрис, как объяснить тебе мою алчбу, стремление, ведущее меня вот уже не один год. Я написал тебе несколько писем, тщетно пытаюсь рассказать то, на что мне не хватает слов. В итоге все их я предал огню. Так будет лучше. И всё же слова, единожды написанные, вызывают в моём сердце облегчение, словно однажды ты всё же сумеешь услышать, понять меня...»

Всё это время меня ведёт совсем иная страсть, чем ты в печали своей предполагаешь. Ты списываешь всё на чары прелестниц, разрушающие наш брак. Но у женщины, чей голос я слышу отчётливее, чем собственные мысли, нет плоти. И всё же она реальнее, чем даже ты... И моё сердце болит о ней – совсем иначе, чем ты можешь представить...»

Я был верен тебе всегда, что бы ты ни думала обо мне. Но тайны, разделяющие нас, останутся моими – для твоего же блага... пусть это и означает, что я потеряю тебя...»

«...Мне долго не хватало смелости, чтобы разобраться с отцовским наследством, со всеми делами, которые он вёл и к которым я не желал иметь никакого касательства. Мне хотелось уехать так далеко, как я только мог, забыть обо всём, что случилось в ту ночь в Стоун Крик, но ноги сами принесли меня в поместье. Я вернулся к порогу, словно бродячий пёс в поисках убежища. И клянусь, этот дом был рад мне, хотя тайны, скрытые в его обгоревших недрах, ужасали меня...»

«...Понимание пришло не сразу. Образы преследовали меня как тени, исчезая в полдень и сгущаясь с закатом солнца. А ночью я был полностью в их власти. Когда приходили видения, я больше не принадлежал себе. Казалось, душа вырывается из тела, а тело сковывает липкий страх. Каждый вздох был испытанием. Я, как ребенок, делающий первые шаги, заново учился дышать. И не мог.

Не мог наполнить легкие кислородом, не мог вскрикнуть, не мог проснуться... Никогда прежде я не чувствовал себя таким беспомощным и незащищённым... как в собственном доме.

Я почти не спал. Но даже в краткие моменты забвения Тени раздирали мой разум. Порою мне казалось, они не уходят и вовсе. Тихий шёпот в звенящей тишине, лёгкое касание ужаса к сердцу...

Я полюбил полдень. Я ждал мгновения, когда «гости», шипя под солнцем, исчезнут на мгновение. И это мгновение было прекрасно, я вдыхал полной грудью... чтобы затем согнуться в новом спазме ужаса...»

Якоб выронил очередную тетрадь. То, о чём он читал, было слишком близко, слишком понятно ему, и оттого ужасало. Он бродил по комнате, пытаясь восстановить дыхание, отогнать зарождающуюся паническую атаку. Старая травма, перемкнувшая что-то в его разуме, открывшая двери, которые он не хотел бы открывать, напомнила о себе. Неужели и Джонатан видел, чувствовал так же?.. Но разве такое было возможно?.. Войник привык думать, что он такой один. Что ему не с кем толком обсудить увиденное. И всё же этот человек – старый хранитель кольца – пытался поделиться с ним чем-то сквозь разделявший их век.

Яша достал перстень, выложил на стол, поверх дневников. Он не ошибся – зарисовки кольца встречались ему на страницах. Двуххвостый пёс, иногда – как на печати, иногда один или в обществе другого пса, обычного.

«...Я почти привык к тому, что старина Трасти иногда смотрит на меня пристально глазами-углями, рычит глухо, вглядывается в тени за спиной. Охраняет или предупреждает?.. Впервые увидев демона, я был уверен, что он сожрёт меня. Форма его текучая – он вселяется в других. Псы приходили в мои сны. Я видел псов подле себя, когда рядом не было никого, кроме крадущихся теней. Я видел, как бездомные шавки смотрели на меня из глубины вечности, когда демон из моих снов вселялся в них.

А однажды он перегрыз горло тому бедолаге, бросившемуся ко мне с бутылкой... Нет, это не был простой пёс, испуганно жавшийся в подворотне... Я никогда не забуду, какой яростью полыхали его глаза...»

Якоб сглотнул, вспомнив собаку, каким-то образом пробравшуюся на выставку в Пушкинском. И другого пса – в «Метрополе». Но на последних строках он вспомнил и другой эпизод – то, как изменился Жорик в парке, когда на Войника напали. Ротвейлер буквально осатанел, словно... словно в него вселился кто-то... или что-то...

«...Этот голос гнал меня, и я не понимал, что Ей угодно. Она открывала двери, за которые я не хотел заглядывать. Она взывала к чему-то во мне, древнему, знающему, но моему разуму не хватало сил осмыслить... Я слышу Её шелестящую поступь, чувствую её лёгкие пальцы. Она ужасает меня... и манит непреодолимо...

Владычица песков... Хозяйка пламени... Её гнев страшный, всепоглощающий...

Господи, как же выдержать?! Как мне искупить вину? Сколько же мне нести ответ за преступления отца?.. Зачем они открыли гробницу, зачем разбудили их?.. Ведь это не я, не я пожирал её благоухающий труп! Все, кто испробовал её иссохшей плоти, мертвы... сгорели, точно старый пергамент... Но Она приходит за мной, и я не в силах противостоять Ей...

Молитвы?.. Нет спасения ни в молитвах, ни в проклятиях... У меня нет ключа, способного закрыть эти двери...

Как изгнать Её, пока Она не утянула меня в свои пески вечности?..

И хочу ли я изгнать Её?..»

Войник перевернул страницу и резко выдохнул. Карнаган сделал несколько зарисовок женского силуэта, сопровождавшего некоторые из его записей. Женщина в огне. Женщина на фоне ступенчатой пирамиды. Женщина во мраке, протягивающая руку. Женщина в окружении псов. Но этот рисунок, отчётливый, лишь чуть смазанный неумолимым временем, был портретом. И это лицо Якоб хорошо знал.

– Таа Нефертари... – невольно повторил он вслух, скользя кончиком пальца по вязи букв.

Что Джонатан знал о ней? Он бежал от мёртвой колдуньи или всё же пытался договориться с ней?..

«...Разобравшись с первоочередными делами, я покинул Англию. Я пустился в путь в надежде отыскать средство, что излечит мой недуг. На врачей я не мог положиться. Тело мое было здорово, а

болезни души врачуют способами не гуманнее тех, что описывали Крамер и Шпренгер^[59]. Возможно, я б и внял паре их советов, но я не был болен так же гарантированно, как и не был «малефик»^[60].

Я прочитал все труды Кардека^[61]. Но, увы, не почувствовал своей избранности и не увидел божественного или дьявольского в своей вынужденной ноше. Я чувствую иномирную природу сущностей, преследующих меня. Но в них нет морали, нет догм, нет христианского антуража. Тени не приходят по зову магического шара, не говорят через уиджа^[62] и, конечно же, не трясут столы и не играют в ладошки. Боюсь, дамам и сэрам модных салонов не понять их сути. И сам я, волей судьбы ставший частым гостем этих собраний, пришёл, увы, лишь к разочарованию...

Я представляю, как бы посмеялась надо мной мадам Анабель. Как подшучивала она когда-то над моим просвещённым неверием! А теперь я живо вижу, как саркастичная улыбка змеёй извивается на её лице, как чёрными камнями горят глаза. Да, она уж бы точно знала, что мне делать! Но пожар уничтожил её кости и мысли. Пламя поглотило всех. Иногда я думаю, что и я сам сгорел в том пожаре и лишь мой неприкаянный дух скитается по миру, не признавая конца и шарахаясь от липких объятий смерти.

Возможно, в Новом Свете я найду ответы на вопросы...»

Яша грустно усмехнулся.

– А чего б не в дореволюционную Россию поехать? У нас тут тоже увлекались всякой чертовщиной. Хотя кто вас знает, лорд Джонатан, может, и к нам вас приводила нелёгкая. Но вот в России сегодняшней ответов на наши с вами вопросы точно нет.

Если про «Молот ведьм» Войник ещё смутно помнил, то кто такой Кардек, не знал и решил загуглить через смартфон. Выяснилось, что это был весьма амбициозный француз, который считал своей миссией привести человечество к какому-то принципиально новому образу жизни. Этот самый Кардек создал своё собственное Священное Писание, а ответы получал непосредственно от духов, с помощью спиритической доски и сигнальной системы хлопков и стуков. Ему даже удалось создать, как он сам считал, «совершенно новую теорию существования человечества, его судьбы и предназначения», которые он и изложил в своих книгах^[63]. Сами книги Яша искать в Интернете не стал – ему и без того хватало спиритуалистического чтива.

«...Тремя днями ранее я отбыл из Роттердама в Нью-Йорк. Погибнуть на море было бы изысканной шуткой Фатума: тот, кто уцелел при пожаре, нашел бы конец в бездне океана.

Я лелеял надежду, что океан усмирит мои кошмары. Но нет. Тени не боятся большой воды. Они вернулись, следовали за мной, звали и ждали. Но я был так слаб. Я устал бояться. За всё это время я смирился. Я почти утратил вкус жизни.

На корабле я свел знакомство с удивительным человеком. Уиппл^[64] был заядлым путешественником и коллекционером. Разговоры с ним скрасили весь этот унылый и долгий путь. Я со стыдом поймал себя на мысли, что вот так мог говорить с отцом. Если бы я пытался узнать, понять всё лучше – я знал бы, с чем имею дело теперь! Но увы, прошлое не изменить...»

«...Филлипс пригласил погостить меня в своем поместье в Провиденсе. Его истории завораживают. Грань между реальностью и выдумкой столь тонка, что я испытываю мистический трепет перед этим человеком. Он наделяет тьму сознанием, а во мраке видит скрытые пути. Я хочу рассказать ему о своих Тенях. Но не решаюсь.

Что-то меняется во мне. Я становлюсь чем-то большим, чем был, чем мог предположить... Как странно понимать, что я не одинок. И на самом деле никогда не был одинок.

Теперь я точно знаю, что могу встретиться с Ней, шагнуть навстречу без страха...

Теперь я почти понимаю, почему Она зовёт меня...»

Яша перечитал несколько раз, жалея, что часть строк была размыта. Внутри вспыхнула совершенно безумная надежда. Возможно, всё не так плохо? Возможно, он понимал всё не так?.. Отложив тетрадь, он потёр виски, собираясь с мыслями. Данные были слишком скудными, и история пока не складывалась. Часть его хотела довериться Карнагану, единственному источнику сведений о проклятии египетской царевны. Но слишком уж всё было смутно... и чего уж там – жутковато.

– Вот явились бы вы мне, ваше высочество, и рассказали за чашкой чая, что вам на самом деле надобно. – Он хмыкнул, возвращаясь к портрету, разглядывая. – Или за стаканом чего покрепче. А то всё загадки, страшилки.

Он потянулся за другой небольшой книжечкой, состоявшей больше из расшифровок, чем из связных фраз. Какие-то даты, расчёты, сведения о корабельных погрузках. Джонатан фиксировал это явно только для себя, чтобы не забыть, и потому записывал не полностью – ровно так, чтобы понять самому. Теперь, спустя век, поди разберись!

А потом Яша увидел Око Уаджет и чуть не выронил дневник. Пальцы обожгло, как будто он наткнулся сразу на несколько калёных игл. По позвоночнику пробежала дрожь, и тут же бросило в жар.

Око Уаджет было изображено не единожды, с зашифрованными пояснениями. Пришлось продирааться через криптограммы, постигая смысл не написанного, а нарисованного. Но благодаря Борьке Войник хотя бы узнал богов, которых Карнаган нарисовал со всей чёткостью на одной из страниц.

Хор, сокологоловый покровитель власти фараонов.

Сет с головой собакоподобного чудовища, божество войны и песков, его соперник. Или товарищ?.. Яша помнил известную легенду, но по рисунку они не враждовали, а стягивали вместе какой-то канат. Увы, пояснения прилагались на древнеегипетском – нужно будет уточнить у Борьки.

А вот следующая зарисовка была вполне очевидна. Яша узнал расколотый череп Таа Секененра, ожившего в Каирском музее и изрядно его напугавшего. А следом шло несколько странных, корявых портретов, быстрых набросков – измученные лица с искажёнными в крике ртами.

Войник вспомнил фотографии, которые у него украли позднее. Вспомнил лицо Артура Стоуна, лорда Карнагана, искажённое в такой же гримасе... И точно так же левый глаз был залит воском с печатью Ока, а на месте правого зиял провал.

«...Меретсегер^[65], ослепи моих врагов...» значилось рядом с одним из портретов, переписанное несколько раз.

«...Правый глаз Его – Солнце, и левый – Луна. И когда ослеплён Он, то карает друзей своих, принимая их за врагов... И в глухой ночи оживают Тени, и творятся дела лжи и истины. Ложь подменяет истину, и истина – ложь, пока дыхание пустыни не изгонит тех, кто...»

Фраза была не закончена и не складывалась. Якоб предполагал, что вообще понял что-то не так. Да и мало ли – в трезвом уме вообще был Джонатан, когда писал всё это? Войник-то не понаслышке знал, как легко «съехать крышей», когда видишь и слышишь то, чего для других просто нет.

Некоторое время он просто сидел на диване, почёсывая Пластика. Пёс проснулся, явно чем-то встревоженный. То и дело он бросал взгляд в коридор, глухо бурча.

– Давай только в тебя никто не будет вселяться, пусть ты и из семейства собачьих. – Якоб нервно усмехнулся. – Одержимый бульдог – это даже не сценарий фильма ужасов, а какой-то совсем уж сюр.

Говард Картер глубоко вздохнул и положил морду ему на колено. Немного успокоившись, Войник вернулся к исследованиям.

Один из наиболее сохранившихся дневников привлёк Яшино внимание. Наверное, он был заполнен в более поздние годы жизни лорда и потому выглядел лучше прочих. На первой странице красиво, с фигурными вензелями была вписана фраза: Out of space – out of time.

– Вне пространства и вне времени... Вне времени и вне пространства^[66], – пробормотал Яша. Слова отзывались внутри, и он снова потянулся было за смартфоном, но помедлил, перевернул страницу.

Дневник начинался с эпитафии. Строки тянулись вязью, повторялись на полях других страниц, никак не желая складываться в единое целое, как и вообще всё в этой истории.

Вне времени и вне пространства...

Шёпотом повторяя строки, Войник вбил их в поисковую строку и обнаружил стихотворение По.

– О, так вы были ценителем американской литературы, лорд Карнаган? Или просто тянуло на всякий мрачняк? – хмыкнул Яша.

Строки по-прежнему отзывались, резонировали в нём смутным узнаванием. В них словно был какой-то смысл, который, очевидно, понимал сам Джонатан, но не мог уловить Войник. Слишком много символизма, слишком туманно...

Дорогой тёмной, нелюдимой,
Лишь злыми духами хранимой,
Где некий чёрный трон стоит,
Где некий Идол, Ночь царит,
До этих мест, в недавний миг,
Из крайней Фуле я достиг,
Из той страны, где вечно сны,
где чар высоких постоянство,
Вне Времени – и вне Пространства... [\[67\]](#)

Войник зачитал текст вслух. Снова стало не по себе, но он всё же закончил, как будто читал какое-то заклинание, которое не потеряло своей силы и в переводе:

...Дорогой тёмной, нелюдимой,
Лишь злыми духами хранимой,
Где некий чёрный трон стоит,
Где некий Идол, Ночь царит,
Из крайних мест, в недавний миг,
Я дома своего достиг...

Краем глаза он видел смутное движение, но, когда обернулся, рядом, разумеется, никого не оказалось. Впрочем, к таким финтам своего восприятия он уже был привычен. А вот то, что Картер весь подобрался и снова слишком внимательно стал вглядываться в коридор – это и впрямь несколько пугало.

– Вот что, Пластик, сделай лицо попроще. И так стрёмно, – буркнул Якоб.

Пёс даже ухом не повёл – и вдруг разразился громким тьявканьем. Голос у него был какой-то нелепый, не подходящий солидному виду, и в другой момент Яша бы даже посмеялся – но сейчас было не до смеха. Даже заспанный бульдог понимал, что кругом творилась какая-то чертовщина.

А на столе поверх потрёпанных старых тетрадей зловеще поблёскивало кольцо.

– Знаешь что, дружок, пожалуй, хватит нам на сегодня мрачного чтива, – заявил Яша, откладывая записи лорда и пакуя их обратно в контейнер. – Пойдём лучше ужин готовить – что скажешь?

Пластик некоторое время вглядывался в коридор, тихо рыча. Войник осторожно потрепал его по голове. Вдруг и правда зажгутся на морде добродушного пса глаза-угли? К счастью, обошлось.

Вечерело. Борька задерживался.

Яша настроил плеер, включил музыку пободрее, зажёг во всей квартире свет и, насвистывая нехитрый мотив, пошёл готовить. «Некие Идолы» и царящая Ночь в компании злых духов в его планы на вечер не вписывались – ни на этот вечер, ни на какой другой.

Глава 16. Псы и пчёлы

Год 2019, Каир

Борька быстро дожёвывал свою порцию курицы. Ознакомиться с находками Яши ему очень не терпелось, но совесть не позволяла ужинать прямо над реликвиями. Им и так досталось.

Наконец друзья расположились на диване, и Войник показал египтологу свои заметки, сопровождая рассказ живыми иллюстрациями авторства уже самого Карнагана.

– Слушай, а я ведь помню, Тронтон тоже про это говорил, – возбуждённо сказал Борька. – Лорд Джонатан был оккультистом, да. Тогда многие в его кругах этим увлекались, но дело не в том... Понимаешь, он *знал* древнеегипетский. Мы с профессором даже думали, что часть его дневников сфабрикована, написана позднее. Он ведь жил ещё до того, как Гардинер^[68] опубликовал свой труд. А по Гардинеру до сих пор язык изучают.

– Или у него был доступ к таким источникам, которыми он не пожелал делиться, – задумчиво протянул Яша.

– Это ты о чём?

– Да пёс его знает. Так к чему ты про древнеегипетский? У него тут не просто красивые картинки, а цельный связный текст?

– Да-а! Я именно об этом. Посмотри, вот тут он пишет о богине Меретсегер. Формула с гробниц. Меретсегер, согласно верованиям египтян, и правда могла насылать слепоту на осквернителей. Это – ритуальная формула. Может, переписал откуда-то. А вот здесь... Такое изображение Хора и Сета мы видим в эпоху Среднего Царства на тронах статуй Сенусерта Первого^[69]. Да, ещё до Рамессидов некоторые фараоны считали своим покровителем не только Хора и Амона, но и Сета.

– Я помню, ты говорил, – Яша мягко остановил готового пуститься в пространные объяснения друга.

– Нет, ты послушай, если уж спросил, – обиделся Борька. – Вот потвоему тут Хор и Сет канат тянут, а они совершают ритуал объединения Египта, понимаешь? Потому что Сенусерт сыграл огромнейшую роль в объединении разрозненных регионов после Первого Переходного Периода.

– Ещё один египетский король Артур, ага.

– Это изображение было найдено в Лиште^[70]. Раскопки велись в конце девятнадцатого века, значит, лорд Карнаган уже мог видеть эти изображения. Иначе я ничем не могу это объяснить.

– Так, значит, Сенусерт ничего против Сета не имел, а семья царевны...

– Сет был божеством чужестранцев, и ему поклонялись гиксосы. Конечно же, фиванские правители считали его враждебным! Но потом пришли Рамессиды, и...

– Да-да, я помню. Сети Первый не скрывал своих привязанностей, так и назвался человеком Сета.

– А всё ж не прошли даром мои уроки – хоть что-то в твоей голове осело, – удовлетворённо улыбнулся Борька.

– В общем, раз уж египтяне так чтили своих предков, то она тоже вполне могла взять с них пример. С Сенусерта. И вот ещё, посмотри... Лорд Джонатан называл её Таа Нефертари. Посмотри на иероглифическую запись – похоже?

Борька поправил очки, присмотрелся. Его губы беззвучно шевелились.

– Первая часть имени – одно из имён Секененра. Та же запись. Вторая часть – как у жены Рамсеса Великого, – подтвердил Борька. – Но Тронтон никогда не использовал её имя – говорил, недостаточно доказательств. И я тоже скажу, что эти дневники ещё ничего не подтверждают. Мы не нашли гробницу повторно, не изучили археологический контекст... а на её саркофаге имени нет. Либо хоронили тайком, либо саркофаг был изначально сделан для кого-то другого.

– Ладно, Джонатан её так называл. Может, на спиритическом сеансе услышал, – не стал спорить Войник. Борька скептически хмыкнул. – Он был ею буквально одержим.

– Да, это мы знаем, – со вздохом подтвердил египтолог. – Артур Стоун рассказал в частной беседе, что его предок даже в гроб лёг с её кольцом. Вот с этим самым.

Якоб поморщился:

– А сам Артур носить его не брезговал. Постой, а достал из склепа тоже сам? Или родня помогла?

– Фамильная память, что тут скажешь. Так вот, кольцо было утеряно, да и часть дневников тоже. Их позже по тайникам потомки собирали, что-то в личной библиотеке, что-то в подполе. А самое интересное нашли уже в фамильном склепе при реставрации. Там какая-то тёмная история с эксгумацией была – то ли саркофаг лорда Джонатана треснул, то ли что, и его перезахоронили. Уже, правда, без кольца. И без последних дневников.

– Кольцо его последний потомок забрал себе. Носил на виду, – добавил Якоб и невольно вспомнил слова самого Стоуна: *«Проклятие – вещь упрямая... и я зря дразнил змей...»*

Кому и что хотел доказать Артур Стоун? С какими демонами боролся?

– Так, – потёр руки Войник. – Теперь давай перейдём к самому интересному – к участи вот этих несчастных, к которым я совсем не хочу присоединиться.

Борька помрачнел, вздохнул:

– Ещё одна тёмная история. Это была секта, культ, связанный с чёрным рынком древностей. Всех подробностей я не знаю, но они наказывали тех, кто перешёл им дорогу, вот таким способом. Ослепляли заживо...

– Как Меретсегер? – уточнил Яшка.

– Типа того, – кивнул Борька. – Но как могли. И оставляли печать. Знак, который на самом деле имеет прежде всего защитную функцию. Око Хора – не символ зла.

– Я не могу понять. Сет выбил Хору левый глаз, что бы это ни значило...

– Да, и так египтяне объясняли фазы луны. Луна – левый глаз Хора. Когда её нет на небе в новолуние – божество слепо.

– «...*Правый глаз Его – Солнце, и левый – Луна. И когда ослеплён Он, то карает друзей своих, принимая их за врагов...*» – процитировал Яша по-английски.

– Это ты тут же вычитал?

– Ага. Так вот, значит, эти сектанты или кто они там – они последователи Сета, что ли? Потому что, по логике той же легенды, будь они за Хора, калечили б своих жертв иначе.

Борька поморщился.

– Я не знаю, может, причинные места им тоже отрезали – тут, как видишь, зарисовок нет.

– Не могу понять, как наш лорд Джонни связан с культом. Умер-то он хоть своей смертью?

– Про его глаза Артур Стоун ничего не говорил.

– «...*Меретсегер, ослепи моих врагов...*» Что, если он сам стоял за этими убийствами? Неясно, по какой причине... но мало ли?..

– Даже если так... сейчас-то его судить уже поздно.

– Но тогда почему его потомок погиб так же?

– Да откуда я знаю! – взорвался Борька. – Что знаю – то говорю. Эти разборки все – не нашего с тобой калибра, Яшка. Я хочу разобраться во всём, но ещё больше я хочу, чтоб мы с тобой остались целы и невредимы. С двумя глазами, руками, ногами и... В полном комплекте, одним словом!

– Полегче, дружище! Я тоже всеми руками, ногами, глазами – за!

Борька вздохнул:

– Может, кто-то хотел сыграть со Стоуном злую шутку, узнал про дневники, скопировал такую смерть...

– Либо культ всё ещё существует, – задумчиво произнёс Войник, глядя на записи. – И мы просто не знаем о других подобных убийствах. Ведь чёрный рынок древностей всё ещё процветает...

– Увы, да. Но даже некоторые музейные экспонаты мировых коллекций попадали в музей совсем не с раскопок, – Борька развёл руками. – Дело прибыльное и мутное. Всё как всегда.

Некоторое время они молчали, каждый в своих мрачных мыслях. Египтолог перебирал старинные тетради, но ничего не комментировал. Яша листал свой блокнот, где пытался хоть как-то систематизировать полученные скудные знания. Тишина затягивалась и, если б не мирное похрапывание Пластика, казалась бы зловещей.

– Во я ещё чего нашёл, – сказал Войник. – Ну, помимо собак... до собак лорд Джонатан тоже больной был.

– Собачьих божеств в Египте хватало, да, – подхватил Борька, которому явно тоже уже надоело гнетущее молчание. – Помимо популярного Анубиса, ну и Сета добавим к псовым... есть ещё Упуат, Открывающий пути... и Дуамутеф... и...

– Как ты сказал? Упуат? – переспросил Яшка.

Память услужливо подбросила ему обрывок чужой жизни. Последний бой с осквернителями гробницы. Молитва собачьему богу... Этим богом ведь был Упуат!

– Ага, Упуат. Воинственное божество, известное ещё с раннединастического периода. Покровитель одного из регионов. Он, строго говоря, не совсем пёс, а чаще волк, чёрный. Но тоже из семейства собачьих. В эпоху Птолемеев его город назывался Ликополь. В Верхнем Египте.

– Ликополь. Ликополис. Волкоград же! – Яша не выдержал, рассмеялся. – В Верхнем Египте у нас Волкоград, а в Нижнем – Нижний Кошгород! Ну этот, как его...

– Бубастис, – подсказал Борька. – Хватит ржать. В общем, Упуат – один из богов загробного мира. И он открывает *все* пути – пути к победе... пути в другие пространства. Должность у него такая.

– Извини, нервы, – Войник попытался быть серьёзным, но веселиться было проще – и полезнее для психики. Он добавил несколько заметок в блокнот и нарисовал рядом косматого пса. Рисовал он, конечно, не так здорово, как Джонатан, но зверюга получилась симпатичная. – Как много в этой истории псов... Но спросить я хотел не про них, – добавил он, задумчиво дорисовывая рядом второго пса, двуххвостого. – Про пчёл расскажи. Пчёлы тут тоже встречались в немалом количестве.

Якоб вспомнил тот невообразимо уже далёкий весенний день в Москве, когда ждал патологоанатома Светочку в кафе. Пчела билось в стекло, а потом всё-таки нашла лазейку внутрь и зачем-то укусила Войника. Хочешь не хочешь, а сложно не принять знак во внимание – все знают, пчёлы не врут.

А потом ещё и Фарук, добродушный торговец, рассказывавший ему про джиннов и фараонов, подарил пчелу из золотисто-медового стекла.

– О, пчёлы в Египте – священные. Символ рождения и смерти, подательница жизни.

– Ну почему я не удивлён, а? Всё священное.

– Потому что египтяне, дуралей, не отделяли религию от науки, и для них все божественные названия и обозначения были связаны с разными проявлениями мира. И даже в царской титулатуре есть пчела. Несу-бити – «Тот, кто от тростника и пчелы». Неб-тауи, «Владыка Обеих Земель». Пчёлы принадлежали одной из древнейших богинь Египта, Нейт, которая тоже покровительствовала царской власти, между прочим. И до объединения была символом тамошних царей. Нижнеегипетских.

– А я думал, им больше тростник подходит, Дельта же. Ты же вроде говорил – папирус в Нижнем, лотос – в Верхнем! А теперь ещё пчела...

Борька страдальчески возвёл взгляд к потолку.

– Просто запомни, Яша. Потом книжек умных дам почитать.

– Не надо – мне бы с этими разобраться, – Войник многозначительно кивнул на дневники Карнагана. – Так. Если пчела – из Нижнего Египта, а царевна – из Верхнего, то что-то у нас не складывается опять.

«Но она стала царицей Нижнего Египта, – напомнил внутренний голос. – Когда царицей Верхнего была её мать, Яххотеп».

Яша устало вздохнул и обхватил голову ладонями.

– Я сегодня уже не могу на всё это смотреть... Вчера ещё весь день провозился... Когда там, говоришь, Тронтон вернётся?

– Я пока ничего об этом не знаю. У него симпозиум в Англии, а потом командировка в Штаты. Учитывая скорбные вести о лорде Карнагане, в Англии он мог и задержаться.

– Ну, значит, ещё какое-то время у нас с тобой есть. Ещё б в шифре разобраться... Слушай, а если я отсниму всё это на смартфон, а бумаги мы вернём? Или это совсем плохая идея?

– Плохая, – нахмурился Борька. – Если хоть где-то всплывёт...

– Да где оно всплывёт-то?

– Большой брат следит, – наставительно заметил египтолог. – В наш век технологий даже в сортир уже приватно не сходишь.

Яша с тоской посмотрел на дневники, примиряясь с мыслью, что весь архив отснять всё равно долго и мучительно. И в конце концов необязательно же говорить Борьке всё? Если б он каждый раз не фотографировал там, где было запрещено фотографировать, – он бы не преуспел в своей карьере журналиста.

Так и быть, отснимет не на смартфон, а на свой верный фотоаппарат. И только самое важное. Посмотрит на ноуте и быстренько удалит.

Хотелось не открывать глаза до самого полудня, но Якобу не спалось. Да и снился какой-то бред – чёрные псы обмахивались опахалами из тростника и бегали наперегонки с пчёлами. Какая-то женщина в высоком венце и с луком наперевес, скрытая в тенях, объясняла, почему пчёлы – её священные избранники. Видимо, богиня Нейт пожаловала – Войник бы уже ничему не удивился. Она вроде как раз хорошо стреляла из лука.

Старенький кондиционер справлялся на славу, и даже на миг показалось, что он откроет глаза и окажется в грязной, вонючей, но родной Москве. А дальше фантазия разветвлялась. С одной стороны маячил стол в редакции и физиономия «на лицо ужасного, но доброго внутри» Сан Саныча. С другой – тянуло ароматным кофе из кофеварки, которую когда-то дарила Нил. С третьей – в зеркалах серванта отражалась улыбка бабы Глаши и нестерпимо пахло её фирменными пирожками.

– Блудный витязь на распутье, – проворчал Яшка, нехотя продирая глаза, потом сел и свесил ноги с дивана.

Запоздало он понял, что тапочек нет, перестал ощупывать пол и побрёл на кухню. Ведь всем известно, что из трёх путей настоящий витязь выберет тот, что ведёт к холодильнику.

Свет бил в глаза даже сквозь жалюзи. Якоб открыл дверцу, вытащил вожделенную банку с колой и дёрнул за кольцо. Знакомый щелчок, шипение, и в воздух взвился невесомый лепесток прохлады.

– Ну, джинн, моё первое желание...

Приятный холодок потек по горлу в желудок, а пузырьки газа ударили в нос. Якоб подумал, что вполне мог бы назвать это счастьем, но потом вспомнил свои текущие реалии. Жёсткий диван, раскалённый Каир, сомнительные приключения с культистами и дельцами с чёрного рынка древностей, ожившие мумии... Да, это совсем не та плата, которую хотелось вносить за счастье от унции газировки.

Что-то тронуло его за лодыжку, коснулось босых пальцев ног. Якоб, уже ко многому привычный, опустил взгляд, увидел Лидку. Кошка смотрела чуть укоризненно, как будто хотела сказать, что кое-кому на свете явно приходится хуже, чем ему. А он хотя бы в безопасности. Пока.

– Да-да, красавица, и в Бангладеш люди живут, – вздохнул Войник. – Но у них просто нет выбора. У меня, впрочем, тоже.

Лидка подняла точёную мордочку, чёрную, как ночное небо, насмешливо прищурила раскосые зелёные глаза и, беззвучно мяукнув, побежала в комнату. Не иначе хотела напомнить, что у него ещё поле непаханое... в смысле, архивы нешифрованные всего этого добра.

Спешить было некуда. Утро только началось, а сон как рукой сняло. Можно было б прилечь ещё на полчаса, запланировать следующий день, подумать.

Но, вернувшись, Якоб обнаружил, что его место занято.

– А ты шустрый, когда тебе это выгодно! Вот тебе и Исторический Пласт... Внезапный, как лавина. Может, тебя в Сельчика переименовать?

Текучая складчатая масса песочного цвета вполне могла быть что Пластом, что Селем. Говард Картер деловито угнездился на диване,

как будто там и рос. Один глаз утопал в подушке, второй косился на Якоба.

Лидка прыгнула на спинку дивана, грациозно прошла мимо собачьего недоразумения, являя собой контраст формы и содержания, и остановилась на подлокотнике – прямо напротив плоского носа и выпирающих кривых клыков.

Пластик перевёл взгляд с Якоба на Лидку. Войник так и замер. Неужели пёс видел его личный глюк? А, впрочем, почему нет – лаял же он на днях в коридор, на сгустившиеся тени...

Лидка выгнула дугой спину и прижала уши, зашипела. Не сводя с неё глаз, Яша отхлебнул из банки. Он мог поклясться, что слышал это шипение. Бульдог скептически фыркнул в ответ, обдав Лидку брызгами слюны.

Призрачная кошка рассеялась лёгкой тенью и материализовалась уже рядом с Якобом. Она умывалась быстро и раздражённо, словно старалась поскорее смыть следы бульдожьего скепсиса.

– Совсем не джентльмен, даром что англичанин, – рассмеялся Якоб.

Банка понемногу нагревалась в руке, и кола медленно, но верно, становилась противной на вкус. Вместе с этим таяло и ощущение простого счастья, пойманное у холодильника.

– Ну, пора – нас ждут великие дела. Да, лорд Карнаган?

Войник достал блокнот с записями, сделал несколько пометок, пока не забыл, и потянулся к дневникам. Впереди был ещё один долгий день исследований, совсем не такой плодотворный, как хотелось бы. История ускользала и никак не хотела раскручиваться, как ни пытался Яша поймать её за хвост. Он как будто шёл по ложному следу, но отступать уже не хотел. Желал докопаться до правды, какой бы она ни была.

Сделав небольшой перерыв на прогулку с псом, душ и завтрак, Якоб вернулся к компании мёртвого лорда... и потерял счёт времени. Очнулся он, только когда телефон начал настойчиво трезвонить с незнакомого, но вроде бы каирского номера. Войник помедлил, но всё-таки подошёл.

– Яшка, это я! С работы звоню. Слушай, тут такое! – затараторили в трубке. – Нас приглашают! Это прям я не знаю... Я буду лекцию

читать вместо Тронтона, понимаешь? На фуршете! Про гробницу! Яшка, я, блин, о таком мечтал знаешь сколько!

– Погоди, погоди, Борька. На каком фуршете?

– Нас приглашают! Это через неделю, но я уже звонил Тронтому – он не успевает приехать. И поручил мне рассказать о коллекции! Госпожа Ясмينا! Коллекция! Её же скоро привозят – помнишь? И тебя тоже позвали!

Яша кивал, вырисовывая очередного пса в блокноте. Он толком так и не понял, куда их звали и зачем, но, судя по восторгу в голосе друга, это было что-то чрезвычайно крутое и значимое.

– Вечером расскажу подробнее. Всё, пока. И надо найти тебе что-то поприличнее надеть!

Борька нажал отбой. Войник задумчиво посмотрел на бульдога.

– М-да, к торжественному приёму я не готовился... как-то не до того было, – заявил он безучастному к его проблемам Пластику. – Но хоть фингал окончательно заживёт. Тем более раз там будет госпожа Ясмينا...

Глава 17. Новые перспективы

Год 2019, Каир

– Ты только представь, а! Я сам буду рассказывать собранию о коллекции – обо всех наших с Тронтоном находках! Он мне доверяет!.. Ну всё, Яшка, я почти звезда египтологии! Я ж с самим Захи Хавассом^[7] буду выступать с одной трибуны!

Борька сиял, как будто «Оскар» получил. Он волновался, повторялся, сам себя перебивал – всё никак не в силах поверить, что и на его улице наконец-то перевернулась колесница с пахлавой. Якоб был за него искренне рад. Не каждый день исполняются мечты детства. И хотя мечта у Борьки получилась долгоиграющая – он строил карьеру в Каире, – приятно было видеть, что она продолжает исполняться.

Из сбивчивых рассказов друга Войник понял, что фуршет будет закрытый, строго по приглашениям, и посвящён вроде бы возвращению древнеегипетских ценностей на родину. Главной темой вечера была не коллекция Карнаганов, а прежде всего возврат каких-то артефактов из гробницы Тутанхамона. Бесценные предметы исчезли в ходе недавно отшумевших беспорядков и погромов, а потом

волшебным образом всплыли на частном аукционе. Да, чёрный рынок древностей продолжал процветать, как они и обсуждали накануне.

Тутанхамон был звездой вечера – туристы на него шли валом вот уже целый век, бесперебойно, и, соответственно, Министерство Древностей молодой фараон интересовал в первую очередь. Но и предметы других собраний должны были «засветиться» в ходе серии презентаций, поэтому коллекция Карнаганов, торжественно завещанная музею, не осталась в стороне.

Фуршет был назначен в банкетном зале отеля Hilton Ramses^[72], башня которого была отчётливо видна уже с моста на подступах к Каирскому музею. Когда-то Яша даже останавливался в этом отеле с окнами на Нил, но с тех пор отель отреставрировали, и цены явно тоже не стояли на месте.

Госпожа Ясмينا бинт-Карим, чья семья активно спонсировала работу историков и археологов, была одним из организаторов вечера. И когда Борька упомянул, что она передала личное приглашение на них обоим, – Яша почувствовал, что его колесница с пахлавой если пока не перевернулась, то явно поскрипывала колёсами неподалёку. Войник, конечно, понимал, что пригласили его исключительно за компанию, чтоб поддержал египтолога, а может, и сам Борька словечко замолвил – но всё равно было чертовски приятно.

– Я сделаю тебе серию фотографий. Считаю, что целый частный репортаж. Хочешь, ещё и интервью возьмём, – с улыбкой предложил Яша, похлопывая по корпусу свой верный фотоаппарат.

– А то ж, конечно, давай! Может, твои материалы потом и в публикациях засветятся – кто знает? Но ты уж постарайся там меня в хорошем ракурсе взять. Вдруг на первую полосу пойду. Как думаешь, какая у меня сторона рабочая? Права или левая? – Борька рассмеялся, потом деловито добавил: – Так, только никаких шорт. И никаких джинсов. Костюм ты, конечно же, с собой не взял.

– Я *сбегал*, – насмешливо напомнил Войник. – Последнее, о чём я думал, это о смокинге и вечеринках, где он может сгодиться, уж прости.

– Надо будет купить... или арендовать. Короче, есть время, займёмся.

– У тебя у самого-то есть? Или ты с дресс-кодом по-прежнему не в ладах?

– Ну чего ты, – запыхтел Борька. – Я ж с приличными людьми тут встречаюсь. Есть, конечно! Даже два! Только тебе не по размеру.

– Ладно, давай прикинем, что можно с этим сделать. Поедем на бал если не шейхами, то хоть мелкопоместными принцами, – фыркнул Яша, доставая смартфон и проверяя баланс своих сбережений.

Неделя тянулась медленно, как всегда, когда чего-то очень ждёшь. Борька носился по делам, всюду готовился к презентации и репетировал речь – то перед зеркалом в ванной, то перед своими верными слушателями в лице Якоба и Говарда Картера. Сам Яша продолжал неравную борьбу с наследием таинственного лорда-окультиста, но продвигалось всё очень медленно. К тому же мысли у него сейчас были совершенно о другом, что тоже не добавляло очков к успеху. Тайком от друга Войник всё же отснял дневники и залил на ноутбук, как следует запаролив. Ему было немного стыдно перед простодушным Борькой, но ведь не будет с этого беды – подробнее изучить «материалы дела» в хорошем разрешении? Да и испытывать удачу не хотелось – профессор Тронтон, конечно, неизвестно ещё когда придет, но вдруг приспичит сесть на срочный рейс.

Кольцо Яша спрятал и с тех пор не доставал. Мысли о том, что перстень побывал на руке не только мёртвой царевны, но и мёртвого лорда Джонатана, не добавляли желания лишний раз его трогать. И всё же артефакт по-прежнему манил его непреодолимо – как когда-то, судя по дневникам, манил и самого Карнагана. И не только его, потому что по обрывочным записям, которые удалось понять, у Якоба сложилось чёткое ощущение: кольцо лорда Джонатана кто-то очень хотел присвоить ещё тогда, больше века назад.

Меж тем долгожданный день наступил.

– Да мы с тобой прям Джеймсы Бонды, – улыбнулся Якоб, глядя на себя и друга в зеркало.

Чёрный прокатный смокинг сел идеально. Сорочка без ворота спасала от галстука и придавала всему образу лёгкую нотку бунтарства. Новые туфли блестели: ни одна песчинка ещё не коснулась их. Войник поймал себя на мысли, что думает о том, как поразит Ямину.

– Вот что ты лыбишься, как сытый кот? – заглянул в зеркало Борька, поправляя бабочку. – Только фингал сошёл, а твой зад опять зудит желанием приключений.

– Фу, как грубо, – засмеялся Войник. – Вовсе это не зад. И, кстати, друг, по старой примете не следует смотреться в одно зеркало – влюбимся в одну барышню.

Борька презрительно фыркнул, но из зеркала скрылся.

– Давай вызовем «Убер» попримечнее? – предложил Якоб. – Чтобы он нас не помял, пока довезёт до места. И с кондеем желательно.

– Экий франт, – Борька уже уставился в папку, в миллионный раз просматривая тезисы доклада.

– Я заплачú, – подмигнул Войник.

– Экий пан, – буркнул друг. – Такси я заказал ещё вчера, через полчаса будет. Хорошо, что выбрал подороже, раз уж ты за нас платишь.

– Перестань уже прожигать взглядом свой доклад – ты его даже ночью со сна наизусть прочтёшь!

– Со-сна, берёза! – перекивлял друга Борька. – Там же сам Захи Хавасс будет! Я себе никогда не прощу, если перед ним в лужу сяду!

– Да брось, – Яшка положил руку на плечо друга. – Ты легко захавашь этого Захи.

– А если я от волнения пятнами пойду? – оттягивая бабочку, спросил Борька. – А очки эти мне норм или лучше вот эти надеть?

– Пятна мы замажем в фотошопе, а очки у тебя отличные. Ты словно на свидание в первый раз собираешься, как тогда с Машкой в двенадцать лет.

– Тогда было проще...

Якоб удивлённо вскинул брови.

– Машка же тогда не пришла, – с улыбкой пояснил Борька.

– Ну Захи-то уж точно придёт!

Оба рассмеялись. Был ли смех истерический, вызванный волнением, или же шутка попала в самое яблочко, но в любом случае

это пошло обоим на пользу.

Якоб хорошо скрывал, но тоже несколько волновался. С одной стороны, ему страсть как хотелось снова увидеть Ясмину. Было в этой женщине что-то магически привлекательное. А с другой – он почти физически ощущал, как на его спине рисуется мишень, если те, кто охотился за ним в Москве, добрались до Каира... Да и охранник этот погибший... А хотя, откуда им знать, что кольцо у Войника? Память услужливо подкинула совсем уж странную историю с мальчишкой на базаре.

Нет, Яша совсем не хотел об этом думать. Если те ребята идут путём коллекции – она осталась в Москве и пока не успела вернуться на родину. Да и Борька ведь сказал: основная повестка дня – Тутанхамон.

Первоклассное такси разительно отличалось от тех адских колесниц, на которых Борька катал Якоба ранее.

– Впервые с тех пор, как ступил на песок, я почувствовал себя белым человеком, – шепнул Яшка другу, наслаждаясь прохладой салона и мягкостью сидений.

– Ты ещё сильнее проникнешься этим чувством, когда будешь оплачивать счёт... О, почти приехали!

Отель Hilton Ramses колонной возвышался на самом берегу Нила. Что-то было в нём от обелисков древности, пытающихся дотянуться до неба, да и обстановка внутри радовала глаз – Хилтон есть Хилтон. Может, и великому фараону, гонявшему хеттов^[73] у Кадеша, не зазорно было бы остановиться здесь переночевать.

Рассматривать фасад на каирском зное не было никакого желания, даром что отель выходил прямо на Нил. Друзья поспешно нырнули в фойе, где их встретила пара внушительного вида арабских охранников, ничем не уступавших «доберманам» у Пушкинского. Рядом материализовалась хрупкая миловидная девушка – проверила приглашения по списку, поприветствовала и пригласила пройти за ней в конференц-зал.

– Простите, я не вижу вашей аккредитации на фотосъемку, – на английском произнесла девушка и указала на фотоаппарат. – Вам придется сдать это в камеру хранения. Мы гарантируем сохранность имущества наших гостей...

Верзила потянул свои ручищи к камере. Якоб напрягся, глянул на Борьку, но тот лишь беспомощно развёл руками.

– Всё в порядке, Аиша, – зашелестел знакомый голос. – Должно быть, какая-то ошибка. Эти господа – мои гости.

Якоб вскинул голову, встретился взглядом с Ясминой. Казалось, в её присутствии всё смолкло, ритм замедлился. Персонал отеля встал по стойке смирно – даже верзила сделал шаг в сторону, а малышка Аиша так и вовсе ступсевалась и чуть не уронила свой планшет со списками. Такой стати и силе позавидовала бы сама Клеопатра. Ясмина сияла и знала об этом. И уже запоздало, за блеском этой внутренней силы взгляд выхватил её безупречный наряд – тёмно-синее, почти чёрное платье до колен с рассыпанными по плечам мелкой крошкой кристаллами. Как будто богиня Нут^[74] укрыла свою избранницу. Ничего лишнего, кричащего. В руке она сжимала изящный клатч в тон платью. Лёгкий платок удерживали золотистые змейки заколок – снова только аксессуар, дань культуре, но не ограничению.

Борька рядом пробормотал невнятное приветствие. Якоб улыбнулся, чуть поклонился. Она приветливо кивнула, пригласила их за собой.

– Благодарю за помощь, госпожа Ясмина, – сказал Войник, поравнявшись с ней. – Ваше влияние здесь неоспоримо.

– Вас это удивляет? – Она говорила всё так же приветливо, но Яшу буквально обдало волной холода.

– Простите, это было нетактично с моей стороны.

– Не смущайтесь, – Ясмина обезоруживающе улыбнулась. – Некоторые мужчины не любят разделять свою власть. Некоторые готовы видеть равнозначных партнёров. Некоторые – пугаются этого. Надеюсь, вы в целом не из последних.

Яша улыбнулся в ответ.

– С моей стороны бояться было бы глупо – я перед вами в долгу. Вы спасли не только мою камеру, но и мою честь: я обещал другу запечатлеть его оscarоносное выступление.

Ясмина чуть склонила голову – золотые змейки-заколки блеснули в её гладко зачёсанных иссиня-чёрных волосах. Якоб подловил себя на совершенно неуместном желании прикоснуться, освободить её причёску, увидеть, как волосы рассыплются каскадом.

«М-да, дружок, слишком долго просидел над документами, но всё ж попридержи коней», – подначил себя Войник.

– Чем я могу вас отблагодарить?

– Вы ведь хороший фотограф?

– Ну... мои клиенты и редакция никогда не жаловались, – усмехнулся Яша.

– В таком случае я не откажусь от фотографий с мероприятия. У нас будет свой фотограф, но... – она сделала неопределённый жест изящной рукой. – Я видела ваши работы. Вам удаётся поймать душу.

Якоб опешил. Слова эхом отозвались внутри, и сердце пропустило пару ударов.

– Иначе я рискую остаться с пачкой фотографий господина Захи Хавасса, – Ясмينا мелодично рассмеялась и шепнула: – Только прошу вас, не передавайте моих слов Захи. Он, безусловно, звезда вечера, и не только сегодняшнего.

– Это будет наш маленький секрет, – заверил её Войник.

Они дошли до зала, и тут же госпожу Ясмину похитили другие гости. Яша посмотрел ей вслед, попытался собраться с мыслями, но эффект она и правда оказывала буквально гипнотический.

Борька спрашивал что-то, теребил за рукав, но вскоре его отвлекли коллеги-египтологи. Повинуясь броуновскому движению гостей, Войник немного побродил по залу, прицеливаясь, делая пробные кадры общих планов. Скучать в целом было некогда – превосходное шампанское, которым открывался фуршет, помогло настроиться на нужный лад. Якоб смутно помнил, что мусульмане не очень-то почитают алкоголь, но здесь собрались в основном люди светские.

– Устаза^[75] Ясмينا велела вам передать. – Перед Якобом мелькнула девушка с регистрации. Она быстро протянула значок аккредитации и исчезла так же внезапно, как и появилась.

Покрутив в руках заламинированный прямоугольник, Якоб пристегнул его к карману и погладил камеру.

– Пора поработать, дружок.

Оказавшись по ту сторону объектива, Войник в тот же миг почувствовал знакомый зуд и предвкушение. Он и не представлял, как соскучился по работе!

Якоб отыскал Борьку, фотографировал друга с коллегами и особо важными персонами. Сам Войник никого из этих персон не знал, но об

их важности можно было судить по цвету ушей Николая Боркина – те лучше лакмусовых бумажек выдавали волнение обладателя.

Понемногу гости потянулись из банкетного зала в конференц-зал, занимали места. Ясмину Войник увидел уже там, ближе к трибуне, и проскользнул следом, щёлкая обитые дорогим деревом стены и заполнявшиеся ряды стульев.

Открывал торжественное собрание лично Захи Хавасс, светило местной египтологии, которого даже Яша знал – смотрел с ним не одну программу на Ютьюбе. Вживую впечатление было ещё мощнее – Войник уже чувствовал какое-то родство с этим человеком, а увидев, проникся его харизмой. Египетский Индиана Джонс сегодня был без своей знаменитой шляпы, но живая мимика и тот жар, с которым господин Хавасс говорил о наследии Древнего Египта, отдавался в сердцах каждого из присутствующих. Просто невозможно было не заразиться этим энтузиазмом!

«Да за ним бы все мумии пошли стройными рядами!» – подумал Якоб, делая снимки, отмечая про себя реакцию остальных.

Захи говорил не только о Тутанхамоне, упомянув и Большой Египетский музей в Гизе – впечатляющее собрание артефактов колыбели человечества. *Будущее* собрание, ведь музей пока не был достроен. Хавасс говорил прежде всего о прошлом и настоящем, об эволюции египтологии и международных отношений. Захи напрямую не называл европейцев колонизаторами, но сделал пару слишком явных намеков на прошлое и то, как чужаки расхищали древнеегипетское наследие. Но тут же профессор отметил, что заграничные коллеги стали настоящими друзьями современных египтян. Что не только помогали сохранить египетское наследие – наследие, принадлежащее всей человеческой цивилизации, – но и помогали репатриировать его. Этот хитрый пустынный лис осторожно прошёлся по острию ножа и сумел угодить обеим сторонам!

Мысленно Якоб посочувствовал Борьке, чей звёздный час пройдёт в тени такой фигуры. Но организаторы позаботились об этом, включив в паузу между докладчиками несколько унылых статистических хроник достижений. Никто не зевал, но Боркина с его речью зал встретил тепло. Начав неуверенно, друг всё больше загорался темой своего доклада, а уж в своём энтузиазме он не уступал и Захи Хавассу.

Когда на экране за спиной египтолога отразились кадры презентации, Яша почувствовал странную ностальгию. И лицо царевны казалось уже чуть ли не родным, так хорошо он запомнил его. Под мерный голос Борьки внутри проносились совсем другие кадры – жизнь, которую он успел мельком разглядеть. Наверняка Таа Нефертари будет приятно вернуться домой после всех этих приключений... Опомнившись, Войник вернулся к фотографированию – Борька не простит ему, если Яша что-то упустит.

Потом пришёл черёд других докладчиков, и ностальгическое наваждение сменилось обыденностью. Их лекции не были и вполнину так интересны. Но вскоре официальная часть мероприятия перешла в непринуждённый фуршет. Гости перетекли обратно в уютный зал, где разбились на группы по интересам и предались общению. Якоб скользил между собравшимися, выбирая выгодные ракурсы. С Борькой он успел перекинуться лишь парой фраз – искренне поздравил с прекрасным выступлением, после чего друга увели поклонники Тронтона и почитатели мёртвых древних царей и цариц.

В видеоискатель Якоб увидел Ямину, сперва подумал, что ошибся... Нет, она и правда шла прямо к нему. Опустив камеру, Войник улыбнулся.

– Вы явно отлично поработали, мне не терпится взглянуть, – Ясмينا чуть улыбнулась.

– Я могу показать, хотите? – с готовностью предложил Яша.

– Не откажусь, конечно. Давайте только переберёмся в более спокойное место, – она чуть кивнула в сторону ближайшей группы людей, громко о чём-то споривших. – Тем более что ваш репортаж будет неполным. Я покажу вам истинное сокровище Египта.

«Я уже смотрю на него», – подумал Войник, стараясь не разглядывать прекрасную собеседницу слишком пристально, а вслух сказал:

– Почту за честь.

Ясмينا поманила его за собой, попутно отдала какие-то короткие распоряжения одному из охранников и девушке-ассистенту. Удивительно, но зал им удалось покинуть незамеченными – все были слишком увлечены дискуссиями и сдержанным празднованием. Ясмينا провела Якоба к лифту, и они поднялись на самый верх отеля.

Здесь девушка извлекла из клатча пропуск, чиркнула, открывая последнюю дверь, и в лицо ударил тёплый ветер.

Они оказались на крыше. Над головой раскинулось закатное небо, кажущееся бесконечным. Фантазмагорические облака смешивались со смогом, окутывая весь город вуалью. А внизу, рассекая город, как и тысячи лет назад, неспешно нёс свои воды великий Нил. И казалось, что пространство и время преломлялись, унося сознание куда-то прочь, заставляя скользить по хрупкой границе между настоящим и вечным.

– Правда прекрасно? – Ясмина не смотрела на него – её взгляд был прикован к Нилу. Лёгкий ветерок развеивал полупрозрачную ткань платка, и пара прядей выбились из идеальной причёски.

Якоб не удержался, сделал несколько кадров. Впервые он подумал, что технике было просто не под силу передать эту красоту, эту магию, что окружала женщину. Невольно он вспомнил Фарука, его рассказы о прекрасных джинниях.

– Восхитительно, – тихо подтвердил он, переводя объектив на город и реку.

– Наше наследие – это наша память, – Ясмина всё так же смотрела вдаль. – Память о былом величии нашей цивилизации. Надежда на будущее, на вечность...

Якоб едва разбирал слова. Она говорила о своей стране скупно, но искренне, с настоящей любовью. Её речь была тихой, но твёрдой. В её словах не было жара Захи Хавасса, не было и ребяческого романтизма Борьки, но они достигали самого сердца. В какой-то момент Якоб подумал, что эта прекрасная женщина отдала бы своё благополучие, всю свою жизнь на благо своей страны. Она была так похожа на цариц прошлого, и силой духа, завораживающей силой притяжения, что напоминала Войнику гостью из снов – пугающую и манящую...

– Наша гордость и наше наследие – вот всё, что у нас осталось, – грустно улыбнулась Ясмина и обернулась к Якобу.

В догорающих лучах заката она казалась хрупкой и вместе с тем такой величественной. Налетевший порыв ветра разметал её волосы, сорвал лёгкий платок – Якоб едва успел поймать тонкую вуаль. Золотая змейка звякнула, ударившись о пол.

Якоб поднял заколку и протянул ей вместе с платком, невольно коснувшись её пальцев. Собственные воспоминания наложились на

воспоминания другого – молодого архитектора, явившегося накануне в обрывках морока. Чёрные драгоценности глаз женщины, чья красота была подобна вечерней заре, манили, размывая границы прошлого и настоящего.

Войник был восхищён ею, очарован. Прежде чем подумать, что он вообще делает, Якоб потянулся, бережно убрал волосы с её прекрасного лица, словно выточенного одним из древних скульпторов.

Ясмина не отпрянула, и взгляд её, напротив, словно смягчился. Якоб не удержался, наклонился к ней, поцеловал точёные губы...

Трель звонка ворвалась в магию спустившихся на город сумерек. Войник подавил порыв как следует выругаться. Ясмина улыбнулась чуть сочувственно, пока он рылся в кармане в поисках телефона. «Придунок, вот что тебе стоило выключить, а!» – зло думал Яша.

Звонил Борька. Ещё никогда Якобу не хотелось послать хорошего друга куда подальше. Он сбросил звонок, извинился, но Борька набрал снова. Пришлось снова сбросить.

Протянувшаяся между ними хрупкая нить неумолимо таяла.

– Я обещал показать вам фото, – проговорил Войник, сбрасывая очередной звонок и, не глядя, поставил телефон на вибрацию. – Вы чудесно получились, даже без всякой ретуши.

– Я не против лёгкой ретуши, – с улыбкой возразила Ясмина. – В наше время это почти как древнее соответствие канону изображений – в вечности хочется остаться как можно более прекрасными. Совершенными.

– Вы позволите? Так будет проще – чтоб не уронить. Наденьте.

Их взгляды встретились, и девушка кивнула. Якоб снял с шеи фотоаппарат, передал в руки Ясмине, воспользовавшись моментом, чтобы ненадолго удержать её руки в своих. Она надела фотоаппарат, и Войник показал, куда нажать, чтобы посмотреть, увеличить, пролистать. Телефон в кармане продолжал неистово вибрировать.

– Я сейчас, извините.

Он отошёл на несколько шагов, зло вытащил телефон, нажал кнопку вызова, намереваясь высказать другу всё, что он думал... и только потом понял, что звонил уже не Борька – Сан Саныч.

– Войник, я коротко, – тихо, серьёзно предупредил начальник и быстро заговорил: – Где бы ты ни был, оставайся пока там. История не из приятных, и ты влип по самое некуда. С отпуском проблем не будет.

Если деньги нужны – пиши, потом сочтёмся. Только не высовывайся. Понял меня?

– Я... Да... Извините, я не подходил, и...

– Я понял. Сиди, где сидишь. Скоро все эти древние пожитки перевезут домой – может, хоть тогда всё станет поспокойнее. Всё, отбой.

Ошалело Якоб смотрел в потемневший экран смартфона. Внутри стало нехорошо уже даже не от предчувствия – от осознания, насколько глубоко он на самом деле влип.

– О, простите, я, кажется, пролистала слишком далеко.

Голос Ясины заставил его невольно вздрогнуть, обернуться. Девушка улыбалась ему тепло, немного смущённо. Увидев, что он закончил разговор, Ясмина сделала шаг, протянула ему фотоаппарат.

– Да что вы, там же ничего такого нет – разве что бульдог, – ободряюще улыбнулся Войник, пряча волнение. А потом его взгляд упал на фотоаппарат. Чёрт побери, он удалил с карты не все фотографии архива Карнаганов! Впрочем, нашёлся Яша довольно быстро. – Профессор Тронтон просил отснять для презентации, но в итоге этот материал туда не вошёл. Куда вам переслать фотографии мероприятия?

– Я пришлю личный имейл вам на вотсап, если вы не против. Вот туда и направите, – предложила Ясмина, и Войник понял, что улыбается, как идиот, – только что эта прекрасная женщина сама предложила ему свой номер телефона.

– Конечно! Часть прямо сегодня пришлю.

– Что вы, я не заставлю вас сидеть над фотографиями всю ночь, – мягко рассмеялась Ясмина. – Но номер всё-таки запишите.

Войник записал заветный номер и продиктовал свой. В этот момент трель звонка прозвучала уже не у него – у Ясины. Девушка отошла, проговорила что-то коротко по-арабски – серьёзно, собранно, одновременно с этим улыбнувшись Якобу, словно бы извиняясь.

– Похоже, дела не ждут нас обоих, – вздохнула она, убирая телефон. – Увы, мне пора.

– Я могу надеяться увидеть вас снова?

– Что нам мешает? – отозвалась Ясмина уже через плечо, проходя к двери. – Мне кажется, нам есть что обсудить, и объединяет нас куда больше, чем кажется на первый взгляд.

Глава 18. Друг познаётся в беде... или в радости?

Год 2019, Каур

Когда они вернулись в зал, Ясмينا как будто растворилась. Гости понемногу начинали расходиться, но толпа пока поредела не слишком заметно.

Яша посмотрел в экран смартфона, проверил контакты. До сих пор не верилось! Он усмехнулся сам себе: «Радуюсь, как школьник, а ведь ещё недавно Борьку этим подкалывал». Отбросив прочь все нехорошие предчувствия и особенно – тревожные слова Сан Саныча, – Войник уверенно направился к столу с шампанским и почти залпом осушил бокал. Портить себе этот вечер ещё больше, чем уже испортили неуместные звонки, не хотелось. Мысли внутри, напротив, витали самые что ни на есть приятные, пусть и совсем нерабочие.

Не удержавшись, Якоб снова открыл смартфон, развернул окошко вотсапа, нашёл заветный номер. На иконке фото был портрет женщины сзади, вполоборота – так, что почти не видно лица. Сине-

фиолетовая вуаль скрывала волосы лёгкой дымкой, словно подчёркивая ореол тайны.

– Тебе что, заблокировали номер? – хмуро спросил появившийся из ниоткуда Борька. – Что за глупые приколы?

– Я был занят, – невозмутимо ответил Яша, потянувшись за вторым бокалом. – И ты вроде тоже.

– И чем таким ты был занят? – Друг пошёл в наступление. – Судя по твоей довольной роже, чем-то очень приятным.

Борька говорил тихо, чтоб другие не услышали, но несколько невольных свидетелей удивлённо кинули взгляд, прежде чем пройти мимо.

– Тебе прям при всех сказать? – усмехнулся Войник, еле сдерживая раздражение. Мало того что названивал не вовремя, так ещё и с глупыми вопросами теперь заседаешь!

– Не дури, нам надо серьёзно поговорить, – прошипел Борька. – И какие у тебя тут могут быть дела? Ты и знать-то никого не знаешь.

– Зато у тебя знакомых много – есть перед кем улыбаться и краснеть от волнения, – огрызнулся Якоб.

Борька развернулся и направился к выходу. Был огромный соблазн остаться в отеле, найти Ямину, ну и... Однако прагматизм взял верх – может, друг и правда что-то стоящее скажет?

Яша закатил глаза, отхлебнул ещё полбокала и безо всякого энтузиазма пошёл за египтологом. Тот пёр через холл как носорог: буквально излучая недовольство и что-то ещё такое, в чём Войник даже не хотел сейчас разбираться. На ресепшене Борька заказал такси и, насупившись, ждал.

– Что, Золушка, бал окончен, часы бьют полночь? – подначил его Якоб. – Уже сваливаем?.. Слушай, да что на тебя нашло?

– Начальство на меня нашло, – хмуро пояснил друг. – За этим тебе и звонил.

– Твоё начальство – не моё. Может, профессор тебя поздравить хотел. Сегодня же твой звёздный час, как-никак. А выглядишь так, словно тебе скараabei всё нутро своими шариками забили.

Борька нахмурился ещё сильнее, став похожим на Пластика. Молча они дождались такси – Якоб не стал расспрашивать друга, тем более что сейчас совершенно не горел желанием общаться. Он допил прихваченное шампанское и всучил бокал изрядно опешившему

верзиле-охраннику. Прежде чем тот успел что-либо сделать, Якоб уже вышел на улицу.

– Ха, а вот и тыква пожаловала! – икнул Яшка, залезая в такси классом раз этак в ...дцать ниже того, что машина, которая примчала их на бал. – Судя по транспорту, платишь ты?

– Заткнись, пьянь, – парировал Борька.

– Да и тебе б следовало накатить, а то ворчишь, как старый пердун, – Якоб уставился в окно, но нашёл это достаточно скучным и переключил внимание на экран фотоаппарата.

Кадры мелькали, сменяя друг друга и прокручивая время вспять. Войник специально, стоило лишь показаться в фокусе Борьке, пролистывал кадр мгновенно. Боковым зрением он видел, что друг наблюдает. Но если гордость не позволяет египтологу попросить взглянуть – что ж, его проблемы.

И пусть это было ребячеством уровня младшей школы, Якоб находил в этом своеобразное удовольствие.

Только когда они вернулись домой, Борька наконец соизволил объяснить:

– Тронтон звонил сказать, что коллекцию привезут уже на этой неделе, дня через два-три. Уже обо всём оговорено. Я буду принимать.

– Ну и хорошо.

– Он предупредил про дневники. И не только про дневники. Я не говорил, конечно, что мы их забрали, но он велел оставить их в кабинете. Не передавать вместе с коллекцией. Намекнул, что нам всем нужно быть очень осторожными... И говорил он так, знаешь... взволнованно, что ли. Совсем на него не похоже. Отменил командировку в Штаты – остаётся на похороны в Англии.

Борька ходил кругами, нервничая, жестикулируя. Пузырьки шампанского всё ещё приятно щекотали мозг, и Якоб слушал вполуха. Какое ему дело до возврата дневников? Он уже пару дней как отснял их все. Не зря, значит! То, что Тронтон волновался и Сан Саныч тоже – странное совпадение. И совпадение ли? Чем больше Яша крутил эту мысль внутри, тем быстрее лопались последние пузырьки радости и восторженного очарования в голове. Атмосфера приятного, полного надежд вечера плавно скатывалась *ша* под хвост. Да и раздражение на друга никуда не делось. Если всё так плохо, не мог этот олух хоть сегодня ему не портить вечер!

В кармане завибрировал телефон – звук-то Яша так и не успел включить. Войник посмотрел на экран, улыбнулся. Слова Борьки теперь были не важнее назойливого жужжания мухи. Они остались где-то там, в другой реальности. А в маленьком прекрасном мирке, что умещался на ладони, Ясмينا пожелала приятного вечера и прислала свой имейл. Уже даже не показалось странным, что частью адреса было слово «нефер» – «красота» и всякая прочая «благодать» по-египетски.

Не откладывая, Якоб ответил, пожелав не менее приятного вечера.

– Я спрашиваю, кто это? – остановившись, спросил Борька.

– Тебе-то что?

Яша прошёл в комнату, положил камеру рядом с ноутбуком, избавился от смокинга. Борька не отставал:

– Ну не эсэмэске от мамы же ты так радуешься?

– А ты мне жена, что ли, чтоб перед тобой отчитываться? – ответил Яша. Вышло резко и даже зло.

Борька так и замер, открыв рот.

Пластик, до этого возлежавший на диване, проснулся, соизволил даже встать и изобразить традиционный ритуал собачьего приветствия. Это немного развеяло обстановку.

Войник аккуратно повесил арендованный смокинг в шкаф, натянул привычные майку и джинсы, отнёс сорочку в грязное бельё и пошёл в кухню.

– Шампанское допить не дал, и у тебя вряд ли такое найдётся. У тебя даже пива приличного тут не сыщешь. Может, хоть кефир есть? – поинтересовался он, открывая и закрывая холодильник.

Пластик, нашедший силы оторвать породистые брылы от дивана, уже хрюкал рядом, заинтересованно приподняв уши.

– Ты мне даже поесть толком на фуршете не дал, сорвал зачем-то. Всё это можно было сообщить и попозже. Чего тебе там с товарищами по пескам не сиделось?.. Эх, сейчас бы пирожков бабы Глаши вернуть... Или картошечки со шкварками...

– Какая картошка, я ж тебе серьёзно! – Борька всё ещё был ошарашен.

– Серьёзнее некуда. Как ты тут выживаешь без кефира? Вообще, как ты тут живёшь?

Ошалелый Борька заглянул в холодильник, на автомате сунул другу холодную бутылочку. Яша попытался прочитать этикетку, скривился:

– Это не кефир, а малиновый йогурт. С клопами ещё небось. А в «Хилтоне», между прочим, подавали отличные канапе и фрукты... Ты б хоть почаще в магазин ходил. Или на базар, куда у вас тут ходят.

Борька чертыхнулся, выдернул бутылку, дёрнул крышку и вылил содержимое себе в рот. Пластиковая бутылка с грохотом отлетела в раковину.

– Я тебе что, мальчик с опахалом? – взвился египтолог. – Надоел! Мало того что притащил на хвосте самолёта джиннов и неприятности, так ещё и ведёшь себя хуже араба на базаре! «Дай водички, а то так кушать хочется, что аж переночевать негде!» Не нравится – вали в свой «Хилтон» и живи там.

Пластик скульнул и пересел под стол, предчувствуя неладное.

Якоб недобро прищурился, чувствуя, что начинает закипать.

– Ты меня сейчас что, попрекаешь? Уже жалеешь, что пригласил и вызвался помочь?

– Мы с тобой влипли, ох как влипли! И да, я пытаюсь помочь, потому что мы, джинны б тебя побрали, друзья! Домой вот тебя к себе притащил.

– Притащил?! Да кто тебя просил меня тащить домой? А про отель – отличная идея. Всяко лучше, чем тут твоё бурчание слушать.

– Правила из-за тебя нарушаю, рискую карьерой! – не слушая, продолжал Борька. – А ты ещё нос воротишь! Шампанское, блин! Икры чёрной подвезти ещё, может?

– Я тебя понял. Спасибо, что нарушал правила, но знаешь... может, мы и не друзья вовсе? А? Что у нас общего-то, кроме истлевшего уже прошлого и пары совместных детских воспоминаний?

Борька захолопал глазами. Он был красный до кончиков ушей, открыл было рот, но тут же закрыл. Якоб подумал, что сейчас Николай очень похож на золотую рыбку в зоомагазине.

– Ну и да, прости, что доставил проблем. За джиннов и прочее, – Войник уже не мог остановиться.

– Да, доставил, и, вместо того чтобы их решать, распушил хвост перед Ясиной. – Борька устало потёр переносицу.

– Так вот где собака порылась, – рассмеялся Яша. – С этого и надо было начинать! А то придумал тоже – Тронтон звонил, предупреждал о

чём-то... Ревнуешь? Неужто чистый образ Марии Серебряковой в твоём сердце затмила экзотическая праправнучка Клеопатры?

Борька скрестил руки на груди, но сопел, как разъярённый бык.

– Так бы и двинул тебе сейчас, даже рамессидский нос не пожалел бы, – сквозь зубы процедил египтолог. – Да ты хоть знаешь, кто она?.. Тебя же живьём закопают, если что! Даже не спросят, как звали...

Якоб отмахнулся и вернулся в комнату. Он совсем не хотел слушать эти отговорки. Повинуясь неясному порыву, он порылся в вещах и достал кольцо, а заодно и стеклянную пчелу Фарука.

Перстень лёг в ладонь как родной, сам скользнул на палец. Примерно те же чувства Яша испытал впервые, когда обнаружил кольцо в кармане. Не хотелось выпускать его из рук, и скользящие по краю сознания смутные образы не беспокоили, не пугали. Артефакт как будто тянулся к нему, словно надеялся начать знакомство с начала, на хорошей ноте.

Войник закинул ноутбук в сумку, распихал вещи. Перекинув смокинг через руку, он покопался в кармане, достал запасной ключ, выданный Борькой, и бросил на стол.

– Ты что творишь? – Египтолог был удивлён и рассержен одновременно.

– Ограждаю тебя от проблем, – Якоб взялся за ручку двери.

Перстень блеснул на его пальце, и это не укрылось от взгляда Борьки.

– Ты же хотел избавиться от кольца?

– Ну да, – Якоб поднял взгляд и запоздало понял, что перстень так и не снял и что рука словно сама собой инстинктивно сжалась в кулак.

– Отдай его мне! Я спрячу его с дневниками до возвращения Тронтона. И проблем меньше будет...

Борька говорил что-то ещё, но в ушах вдруг зашумело, и откуда-то со стороны Войник услышал свой голос, кажущийся чужим.

– *Нет.*

– Яшка, ты чего? Ты же сюда за этим и приехал, помнишь? Вернуть. А у меня оно будет...

– Я сказал – нет! – рявкнул Войник, резко подавшись вперёд. – И не лезь ко мне с этим!

Борька отпрянул от занесённого и остановившегося у самого лица кулака друга. Якоб чертыхнулся, развернулся и дёрнул ручку на себя.

Он буквально вылетел в коридор, гулко захлопнув за собой дверь.

Стук крови в висках он слышал чётче, чем звук собственных шагов. Снизу в квартире Борьки кто-то начал стучать по батарее, призывая к порядку и тишине.

Пройдя пару кварталов, чтобы проветрить голову, Якоб наконец-то остановился. Запал кончился, злость схлынула, и остался только горький привкус обиды и назревающего сожаления. Устало повалившись на так удачно оказавшуюся рядом скамейку, Якоб достал смартфон:

– Но хоть ты не подведи, – сказал он, глядя на красный индикатор зарядки.

Быстро, со знанием дела, Войник выбрал соразмерную с его бюджетом крепкую «четвёрку» и вызвал «Убер». Такси пришло быстро, домчало его до отеля по ночному Каиру. Скучающий на ресепшене сонный араб попытался пошутить что-то про неурочный час, но Якоб так зыркнул на него, что вопросы отпали, а регистрация прошла быстрее, чем когда-либо.

Тишина в номере была невыносима. Она звенела в голове, а затем перешла на писк. Одинокий москит, кружащий где-то вне поля зрения, стал последней каплей.

Дёрнув дверцу мини-бара и оценив нестройные малочисленные ряды бутылочек, Якоб взял одну, свернул ей крышку и опрокинул содержимое в рот. Пока «живая вода» обжигала пищевод, взгляд Войника упал на лежащий рядом прайс-лист.

– Кара египетская! – выругался Якоб, отправляя пустую «мелкашку» в корзину.

Войник выдернул из сумки ноутбук, извлёк из фотоаппарата карту памяти и вышел из номера. Спустившись к ресепшен, он уже более спокойно и вежливо уточнил у портье о возможности культурно отдохнуть – то есть выпить и закусить – и получил исчерпывающий ответ в виде перста, указующего на притаившийся с угла фойе бар. К счастью, тот был всё ещё открыт. Несколько редких туристов цедили коктейли, тихо переговаривались и что-то жевали. Полумрак и еле слышная музыка были приятными, а люди сидели достаточно далеко, чтобы не мешать. Якоб расположился в стороне от всех, сделал заказ и погрузился в успокаивающую рабочую атмосферу. На столике светил

квадратом экрана ноутбук. Пальцы привычно бегали по клавишам, изредка отвлекаясь на то, чтобы подхватить холодный стакан с джин-тоником, призывно постукивающий кубиками льда.

Якоб пытался начать работу над черновиками одной из своих статей, но дело не сдвинулось. Потом он рылся в своих египетских заметках, рассматривал фото дневников, но нити мыслей путались и рассыпались. Всё затмевал образ Ясины. Войник не мог перестать думать о ней, и эти мысли перекрывали даже тревогу после звонка и раздражение на друга. Он должен был увидеть эту женщину снова, обязательно! Да и она ведь не просто так, из вежливости, намекнула, что им определённо стоит увидеться. Ну а повод продолжить знакомство напрашивался сам собой...

Якоб дотронулся до перстня Таа Нефертари. Он совсем забыл про артефакт, а тот, в свой черёд, не напоминал о себе – сидел на пальце так естественно, словно Яша его всю жизнь носил. Войник посмотрел на двухвостую собаку и перевернул изображение внутрь ладони. Теперь для любого это – лишь золотистый ободок кольца, каких миллионы. Ничего примечательного.

Подошедший официант ненавязчиво заменил пустой стакан, но не удержался.

– Истинная красота, – кивнул он на ноутбук.

– Угу, – Войник отпил холодный джин-тоник, глядя в экран монитора, где ему через плечо загадочно улыбалась праправнучка египетских цариц.

Камера всё же поймала её красоту, ореол тайны, а память достроила остальное. Запах, тепло тонких пальцев, лёгкое, как её вуаль, прикосновение к губам. Не хотелось вспоминать сказки про ухажёров Клеопатры, которые после единственной ночи с царицей лишались головы. Да и тот же Борька говорил, что это всё байки, как и сто пятьдесят детей Рамсеса Второго...

Мысли о Борьке принесли сожаление. Зря он был так резок с другом, ведь и правда обидел его ни за что! Но кольцо льнуло к руке, отвлекало, нашёптывало что-то. Якоб прошёлся большим пальцем по рельефу рисунка, чувствуя лёгкое покалывание, как от искорок электричества. И почему-то казалось, что сейчас он снимет перстень – сдирать придётся с мясом.

Кольцо как будто стало частью его. Выбрало его. Принадлежало ему. И завтра он обязательно подумает о том, как решить проблемы и тайны, найти ответы и задать себе правильные вопросы.

Но это будет завтра, а сегодня... Сегодня он займётся тем, что умеет лучше всего.

Войник открыл папку фотографий и начал отбирать. Вот уже кадры летели в корзину или редактор, преобразались и занимали свои места в архиве. Настроение понемногу стало налаживаться. Он выбрал несколько самых красивых снимков – с конференции, с фуршета и, конечно, с крыши на фоне Нила – и отправил Ясмине.

«Вы не заставили – я сам не удержался, – написал он, поставив пару смайликов. – На днях пришлю остальное. И ещё раз огромное спасибо за приглашение и чудесный вечер».

Он решил не наглеть прямо сразу и не спрашивать ещё раз про встречу. Ложась спать уже под утро, Яша подумал, что в целом всё в самом деле было не так уж и плохо.

Глава 19. Свидание

Год 2019, Каур

Яша не знал, сколько проспал, и не сразу даже понял, где проснулся. Он протянул руку, чтобы погладить Пластика, к утру перебивавшегося под бок... и никого не обнаружил. Да и не храпел никто.

Память немилосердно подсунула ему воспоминания о вчерашнем во всех неприглядных деталях. Войник застонал и перевернулся на другой бок. Шторы были плотными, и в комнате царил умиротворяющий полумрак, но сон как рукой сняло. Откинув одеяло, Якоб потянулся, уставился в потолок и философски изрёк:

– Ну ты и дебил.

Даже вспоминать не хотелось, что он там наговорил. Вот же резьбу-то сорвало, а. Раздражение на друга осталось, но за то, как сам он психанул, было стыдно. Неприятно. Ещё немного поупражнявшись в красноречии, как следует приложив себя парой слов покрепче, Яша всё-таки потянулся за телефоном. Было далеко за полдень.

Вайфай в номере почти не ловил, так что оставалась надежда, что Борька всё-таки писал. И тогда можно будет помириться. А ещё –

Ясмина ведь уже могла и ответить на ночной имейл! Эта мысль открыляла. Быстро умывшись и приняв душ, Войник собрался, подхватил ноутбук и спустился в лобби. Завтрак он, конечно, уже пропустил, но в баре можно было надеяться на сносный кофе и сандвич.

Ожидания, увы, не оправдались. От Борьки вестей не было, а прекрасная джинния, должно быть, отдыхала после фуршета и, возможно даже, не открывала ящик. Вздохнув, Яша сделал заказ и вернулся к редактированию фотографий. Внутри уже назревал план. Плохой вайфай мог сослужить хорошую службу – чем не повод увидеться? Передать архив флешкой. А там можно и продолжить знакомство.

После кофе дело пошло бодрее, правда, пришлось заказать ещё. Яша полностью погрузился в работу, но то и дело проверял телефон и почту. Вестей ни от кого по-прежнему не было. Подумав, Якоб написал короткое письмо маме, чтоб не волновалась. Портить отношения ещё и с ней не хотелось, да и мало ли, что ей там Сан Саныч наговорил? Почему-то Нора Войник больше не звонила. Яша не стал себя накручивать – с ней всё должно было быть в порядке. А со своими проблемами он уж как-нибудь разберётся.

После позднего завтрака, плавно перетекающего в обед, Якоб вернулся в номер и просидел там до самого вечера. Фотографии Ясины понемногу подошли к концу, но оставались ещё фото Борьки. Тоже ведь хороший, в общем-то, повод помириться... Но как-то было тошно на душе. Якоб спустился в лобби – придумал себе предлог, что пора бы ещё поесть, а заодно и хлебнуть местного пива для разнообразия. На самом деле так и подмывало в очередной за сегодня раз проверить ящик.

Заветная иконка с конвертиком не оправдала ожиданий, но немного его успокоила – мама лишних вопросов никогда не задавала и тёмными намёками не сыпала. Обрадовалась, что у него всё хорошо, рассказала коротко очередные новости маленького чешского городка. При всём желании своими новостями Яша с ней поделиться не мог.

Официант принёс холодного пива – Sakara Gold. Название не обманывало – на логотипе действительно была изображена ступенчатая пирамида Джосера. Борька когда-то говорил, что это, наверное, лучшее местное пиво, и на вкус оно было и правда весьма

неплохим. Хоть Яша и был избалован чешским, а всё же отметил про себя, что недаром египтяне были первыми пивоварами.

Он сделал несколько глотков, потом уставился на бутылку. Что-то смутное шевельнулось внутри – не то предчувствие, не то узнавание, он не сразу понял. Впрочем, понимание не пришло ни со второй, ни с третьей бутылкой, зато настроение немного улучшилось. Не оформившаяся мысль жужжала где-то на задворках сознания назойливой мухой, но была прервана вибрацией ватсапа.

Войник чуть телефон не выронил, так спешил открыть сообщение. Ясмينا учтиво благодарила его за фотографии, даже выразила своё восхищение, а потом осведомлялась, по душе ли ему пришёлся фуршет. Третья бутылка пива давала о себе знать – Яша не стал «тянуть кота в долгий ящик» и сел отвечать. Настроение со сносного быстро пересекло отметку к хорошему. Ясмينا сохраняла дистанцию, но общалась приветливо и отвечала быстро, как будто и сама была не против поболтать. От обсуждения фуршета и презентации находок они плавно перешли к возможной встрече. Якоб, не теряясь, сообщил, что у него готов целый архив и он с удовольствием передаст фотографии. Ясмينا замолчала. Войник уже успел передумать тысячу разных вещей и с десятков раз перечитал своё сообщение, не надавил ли. «Ну как мальчишка, ей-богу», – чертыхался он про себя, перечитывая диалог. Впрочем, верная бутылка Sakara Gold рядом помогала преисполниться позитивными мыслями и общей уверенностью в себе.

Наконец пришёл долгожданный ответ: «Как насчёт завтра в районе двух? У меня есть предложение, которое вас, возможно, заинтересует. А в отеле Le Meridien Pyramids^[76] есть очень симпатичный ресторан с видом на главную гордость нашей страны».

– Yes! – Яша подпрыгнул на стуле, сделав характерный жест. Почему-то вокруг никто не удивился.

Он понятия не имел, где находится этот самый «Меридиан» и во сколько ему обойдётся пригласить Ямину на обед – если она вообще согласится, – но ответ написал сразу же: «Прекрасная идея. Буду ждать».

Уснуть удалось не сразу – сказывалось и позднее пробуждение, и нетерпение перед завтрашней встречей. Яша прокручивал про себя варианты диалога, размышляя о том, как произвести впечатление на

женщину, которую уже вряд ли можно было чем-то удивить. Не то чтобы он сомневался в своём природном обаянии, но в данном случае этого могло оказаться мало. Из глубин подсознания он выуживал обрывки Борькиных рассказов – раз уж Ясмينا так любила историю своей страны, то он просто обязан был показать свой интерес и некоторую осведомлённость. И если в ватсапе можно было блеснуть познаниями с помощью Гугла, верного друга всех знатоков, то в живой беседе придётся импровизировать. Да вот взять хотя бы этикетку пивной бутылки – знал же он, кто такой был этот Джосер Нетче... как-его-там...

Войник и сам не заметил, как перешёл зыбкую границу между мыслями и сновидениями, и мягкая зовущая темнота окутала его.

Его разбудил тихий, но настойчивый звук – шорох где-то на грани восприятия, которому разум не сразу придал значение. Якоб вынырнул из сна, распахнул глаза, прислушиваясь. Темнота в комнате казалась непроглядной, но инстинкты не подводили – в комнате был кто-то, кроме него. И шорох был звуком тихих шагов.

Острые коготки, сжавшиеся вокруг позвоночника, тяжесть в груди – предвестники скорой панической атаки не заставили себя долго ждать. К этому примешивалось осознание вполне реальной опасности: он вспомнил, что его искали, за ним охотились.

Войник напрягся, но не сумел пошевелиться – как будто кости были отлиты из свинца. Он вглядывался в темноту, пытаясь восстановить дыхание, надеясь, что хотя бы в последний момент сумеет оказать сопротивление. Лучше всего было притвориться спящим, чтобы неизвестный не ожидал отпора...

Шорох стал ближе. Кто-то шёл медленно, словно подволакивая одну ногу. Якоб успел зажмуриться, но не удержался – посмотрел сквозь полусомкнутые веки, различил силуэт, вынырнувший из темноты, качнувшийся над ним. Инстинктивно он вскинул руки, перехватил руку нападавшего – тонкое, ломкое запястье. Острые ногти царапнули кожу. И ни звука...

Незванный гость замер, выдохнул... и вздох этот прокатился по всей комнате – словно порыв пустынного ветра. Сухой шёпот безжалостного времени... такой знакомый...

Войник дёрнулся, щёлкнул выключателем. Свет выхватил гостя, мигнул и погас – лампочка взорвалась с приглушённым хлопком. Но

увиденного Якобу хватило – он хрипло вскрикнул, выпустил чужую мёртвую руку, а вот подняться так и не сумел, как ни пытался. Гость, а точнее, гостья, замерла. Сквозь полог темноты он чувствовал её невидящий взгляд, а потом услышал голос, шепчущий, зовущий, выплетающий вязь незнакомых смыслов на древнем забытом языке. И какая-то часть Войника отзывалась этому голосу, сбрасывая пелену забвения, силясь проснуться и осознать.

Он скорее почувствовал, чем увидел, как она села рядом, не переставая говорить что-то. Иссушённая временем ладонь легла поверх его руки, погладила кольцо, и то отозвалось теплом... переходящим в обжигающий жар. Якоб уже не сопротивлялся, когда тонкие пальцы сняли перстень.

– Забирай, я ж не против! – выдавил он, но вырвался только приглушённый шёпот – не громче её собственных слов.

Взгляд привык к темноте, но смотреть не хотелось. Мёртвое лицо казалось красивым только через музейное стекло – вблизи оно вызывало животный страх.

В тот миг, когда мумия склонилась к нему, положила кольцо ему на грудь, накрывая ладонью, словно запечатывая, он вдруг понял, что устал испытывать этот всепоглощающий ужас. Так бывает, когда от слишком сильной боли нервы немеют и отмирают. А потом пришло облегчение... и мёртвая ладонь вдруг стала казаться живой. Темнота наполнилась приглушённым золотистым светом – и вокруг был уже не номер каирского отеля, а шатёр. Ветер пустыни колыхал тяжёлые занавеси. Откуда-то издали доносились голоса ночных хищников, влечение псов или шакалов.

Таа Нефертари, живое воплощение чужой памяти, склонилась над ним, не отнимая ладонь. Волосы цвета алой меди закрыли их обоих тяжёлой завесой, и её голос зазвучал громче, отчётливее – слишком мягко для приказа, слишком жёстко для простой просьбы.

«Я не понимаю тебя...» – с сожалением подумал Якоб, встречая взгляд сердоликовых глаз...

...и проснулся. На этот раз – по-настоящему. От тяжести не осталось и следа, только в голове немного звенело, как будто вчера он перебрал. Впрочем, почему как будто?.. Яша с облегчением вздохнул, потянулся к выключателю.

Что-то скатилось с его груди – инстинктивно он подхватил предмет, сжал в ладони... и почти не удивился – на свету блеснуло кольцо из электрума, которое он, должно быть, снял во сне. Наверное, палец ночью отёк от жары – остался красноватый след – вот он и снял перстень, не просыпаясь.

Руку саднило. В следующий миг Яша похолодел, поняв почему. На коже остались тонкие, чуть кровоточащие бороздки от чужих ногтей...

Он спрыгнул с кровати, раздвинул плотные занавеси. За окном занимался рассвет, и призрачный, кажущийся зловещим свет утренних сумерек просачивался в комнату. Это было всё-таки лучше кромешной темноты в компании с мертвецами.

Яша покрутил кольцо в руке. Отложить его, спрятать он так и не решился – внутри было чёткое чувство, что он должен был носить артефакт при себе. Запоздало его посетила вполне здравая мысль – Ясмينا ведь знала о коллекции Карнагана и могла узнать кольцо. Это породит массу ненужных вопросов. Лучше бы и правда не носить его при людях осведомлённых, даже повернутым печатью внутрь ладони – вдруг что? Войник порылся в вещах, нашёл пару запасных шнурков, надел кольцо на шею – под майкой будет не видно. Мало ли кто какие амулеты носит и из каких соображений? Перстень приятно охлаждал кожу. Внутри стало спокойнее и как-то *правильнее*.

До ланча было ещё очень далеко, но Якоб понимал, что уже не уснёт. Подключив ноут, он влез в свой полулегальный архив фотографий. Не оформившаяся мысль всё так же назойливо гудела внутри. Не вчитываясь в текст рукописей, он просматривал рисунки, наброски лорда Джонатана, пока не докрутил до одной из фото. Пазл в голове сошёлся с почти слышимым щелчком – вот что не давало Яше покоя, когда он смотрел на пивную бутылку.

Ступенчатая пирамида Джосера в Саккаре. Зарисовка разной степени детализации несколько раз встречалась ему в записях Карнагана – лорд-окультист явно придавал этому месту огромное значение. Впрочем, неудивительно – именно в саккарском некрополе когда-то нашли гробницу царевны. Жаль, карту Джонатан нарисовать так и не удосужился, а может, Яша просто не мог пока расшифровать. Или же гробница и правда была похоронена снова под тоннами песка?

Разглядывая наброски пирамиды, обрисовывая мышкой ступени, Якоб думал, что во что бы то ни стало должен всё-таки побывать в

Саккаре. Если покойный лорд Карнаган искал там ответы, то и ему, Яше, стоило бы. Нет, он, конечно, не рассчитывал, что там на него снизойдёт откровение и сияющий путь к гробнице откроется перед ним сам.

– Ага, пески расступятся, как воды Красного моря перед Моисеем, – насмешливо пробормотал он. – А что, было бы эффектно! Главное только, чтоб совсем крышак не уехал.

Смутно он припоминал что-то о волнах песков из фильмов «Мумия». Песчаная буря, насланная мстительным жрецом. Ещё одна буря, насланная уже принцессой. Идея с расступившимися песками как-то сразу потеряла свою привлекательность, но это не отменяло поездки в Саккару, причём желательно не откладывая. И чем больше Войник думал об этом, тем больше его тянуло в это место, словно его приглашали туда. Звали. Ждали.

Яша провозился с записями всё утро, пока в начале двенадцатого не завибрировал вотсап – Ясмينا уточняла, в силе ли их встреча. Мгновенно забыв о древних тайнах и даже ночном визите своей личной мумии, Войник радостно подтвердился и пошёл собираться.

Отель Le Meridien мало чем уступал «Рамсесу» и к тому же в самом деле находился прямо напротив знаменитых пирамид Гизы. Якоб невольно прикинул, во сколько же здесь обходится номер с видом на фараоновское наследие.

В просторном прохладном лобби за невысокими столиками щебетали о чём-то несколько темнокожих туристов, все красотки – хоть в кино снимай.

Сотрудник отеля вырос рядом с Войником, вежливо осведомился, что ему угодно, и даже проводил до ресторана, расположенного там же, на первом этаже. Якоб занял столик с хорошим видом – Ясмине наверняка придётся по душе – и терпеливо ждал. Сочетание эпох поражало – монолит пирамиды Хуфу возвышался, казалось, прямо за

окном, через дорогу, бросая вызов хрупким технологиям через века. Вдалеке Дом Вечности наследника Хуфу, Хафра, прорезал небо снежной шапкой уцелевшей белой облицовки. Какое, наверное, величественное это было зрелище пару тысячелетий назад, до того как облицовку растащили – белоснежные гиганты, возвышавшиеся над песками, и солнечные лучи, играющие на гладких гранях и золочёных вершинах.

Кольцо на шнурке, спрятанное под майкой, потеплело. Образ наслонился на то, что Яша видел перед собой сейчас. На несколько мгновений исчезли дома и дорога, уступая место пустыне, монолитам пирамид, древнему городу вдалеке... Войник сморгнул, и временные пласты реальности «схлопнулись» обратно. Нет, сейчас было не время для экстрасенсорных приступов.

Ясмина пришла чуточку позже назначенного времени – ровно настолько, насколько позволяли приличия. Сегодня рядом с ней не было её ручного «ротвейлера» – наверное, остался отдыхать в лобби.

Персонал ресторана чуть ли не почётным караулом выстроился, к некоторому неудовольствию редких гостей, ожидавших свой заказ.

Якоб поднялся навстречу Ясмине, улыбнулся, невольно залюбовавшись ею. Сегодня на ней было лёгкое голубое платье с короткими рукавами и, как всегда, неглубоким декольте. Тёмные волосы, гладко зачёсанные, были убраны в хвост. Всё стильно и поделовому – она не наряжалась, а шла на бизнес-ланч. Ничего вызывающего, всё подобрано со вкусом. Но эта женщина умела подчёркивать свою красоту и будоражить воображение самой своей манерой держаться. словно настоящая египетская царица, вдруг оказавшаяся в чужой эпохе и сумевшая здесь приспособиться.

Приблизившись, девушка обворожительно улыбнулась в ответ, протянула руку, разом словно сокращая дистанцию между ними. Звякнули тонкие браслеты на её запястье. Войник деликатно пожал хрупкую ладонь, почувствовал вдруг, словно между ними прошёл разряд. Небольшие ранки на коже, оставшиеся после странного ночного приключения, засадили, но он не подал виду.

Египетская царица... Ассоциации усиливали изящное золотое ожерелье с лотосами – Якоб смутно припоминал, что видел похожее украшение в коллекции Каирского музея.

Войник отодвинул перед Ясминой стул, и девушка, поблагодарив, села, положила на стол солнечные очки, пристроила рядом клатч. Якоб, стараясь не пялиться, сел напротив, учтиво осведомился:

– Может быть, хотите вина к обеду? Отметить знакомство.

– Не откажусь, благодарю, – улыбнулась Ясмина, и Войник позвал официанта.

По крайней мере, вина он выбирать умел – зря, что ли, в своё время написал не одну статью о дегустации? По этому случаю подошло бы лёгкое белое – например, итальянское «Пино Гриджио», которое Нора Войник уважала не меньше, чем моравские вина^[77]. Якоб постарался выбрать в винной карте что-то приличное, за что не пришлось бы выложить целое состояние. Официант принял заказ – Войник даже не особо смотрел в меню, да и компания Ясины вдохновляла на какие угодно мысли, только не на насущные, об обеде. Когда араб удалился, Якоб решил, что пора бы ему тоже произвести приятное впечатление. Отодвинув приборы, он жестом профессионального фокусника вынул ноутбук и поставил на стол.

– О, фотографии! – улыбнулась Ясмина, придвинулась немного ближе.

От неё пахло чем-то пряным, чуть сладковатым – приятный манящий запах, который Войник не помнил в уже приевшихся европейских коллекциях, пользовавшихся успехом у его коллег и Машки. Словно этот экзотический аромат был свойственен только Ясмине – зыбкое дыхание иного края, иного века.

Якоб начал с общих планов конференции, чтобы подготовить почву.

– Ага, вот и господин Хавасс, – весело отметила девушка. – Всё правильно, с него у нас начинается любое египтологическое мероприятие.

– Но я помню, что вы сказали о фотографиях, когда давали мне пропуск, – усмехнулся Войник и щёлкнул клавишей, открывая заготовленное.

Ясмина в разных ракурсах мелькала в кадре – портреты и общие планы, сфокусированные вокруг неё, словно под неё настроилось само пространство. Войник немного волновался, понравится ли ей, но постарался на славу – уж что-что, а подобрать хороший ракурс он всегда умел.

– О... – тихо выдохнула она, но во взгляде при всей сдержанности отразилось удовольствие.

Любой женщине нравилось видеть себя прекрасной – даже такой красивой женщине, как Ясмина бинт-Карим, привыкшей притягивать взгляды.

– Как и говорил, ретушь почти не понадобилась, – Якоб перелистнул на кадр заката на крыше – залитый медным светом Нил, прекрасная женщина, обернувшаяся через плечо.

Ясмина долго смотрела на экран, потом подняла голову, встречаясь с ним взглядом. Войник особенно остро ощутил вдруг, что расстояние между ними было меньше вытянутой руки. И так легко было забыть о людях вокруг.

– Спасибо вам, – мягко проговорила она. – Вы с такой любовью передаёте красоту каждого человека.

Он хотел сказать что-то умное о профессионализме хороших фотографов, но официант как раз принёс вино и закуски. Пришлось отодвинуть ноутбук, дожидаться, пока араб наполнит бокалы и снова оставит их в подобии уединения – не считая разговоров туристов на другом конце зала.

– За знакомство, – улыбнулся Якоб, поднимая бокал.

Ясмина задержала на нём взгляд, чуть помедлив, подняла свой бокал.

– За знакомство, – эхом отозвалась она и пригубила вино.

По крайней мере, «Пино Гриджио» своих денег стоило. Взгляд Ясины был тёплым, и мысли никак не хотели фокусироваться. Якоб нечаянно отхлебнул почти полбокала, закашлялся. Девушка посмотрела на него с участием, деликатно коснулась локтя.

– Всё в порядке?

– Более чем, – заверил её Войник, ругая себя за то, что ему чуть ли не впервые отказало природное красноречие.

Ведь никогда проблем не было с тем, чтоб нести всякую жизнерадостную ахинею! А теперь, когда это по-настоящему надо, сидит и молча пялится. Отличное первое – ну ладно, третье – впечатление, ничего не скажешь.

Якоб положил перед Ясиной заготовленную флешку с уже залитыми фотографиями. С улыбкой девушка покачала головой, достала из клатча другую флешку и протянула Войнику.

– У меня своя. Большое спасибо. Сколько я вам должна за работу?

– Сколько... Погодите, что? – Якоб неинтеллигентно приоткрыл рот.

– Сколько стоят ваши услуги фотографа? – уточнила девушка. Её глаза смеялись, но это было не обидно.

– Да что вы, я с вас денег не возьму – вы же пригласили меня на фуршет!

– Труд должен оплачиваться, – серьёзно возразила она. – Тем более труд хорошего профессионала.

– Давайте договоримся, что это подарок, благодарность за возможность побывать на эксклюзивной конференции, – улыбнулся Якоб, вставляя её флешку в ноут. – Ну а если вдруг вам понадобятся мои услуги, тогда и решим.

– Понадобятся, – спокойно подтвердила Ясмينا, сделав ещё глоток, и посмотрела на пирамиды за окном. – У меня есть один проект, который я хотела бы завершить в этом году. Не поймите меня неправильно, мне есть к кому обратиться за помощью. Просто по ряду причин не хотелось бы привлекать к этому делу людей, которые... как бы это сказать точнее... не обладают должной чувствительностью. Вы понимаете меня, мистер Войник?

Она снова перевела взгляд на Якоба, на этот раз глядя внимательно, пристально, словно сквозь все внешние покровы. Но не могла же она иметь в виду... Нет, конечно не могла.

– Не совсем понимаю, – осторожно сказал Яша.

– Для меня это больше, чем просто строения наших древних предков и величие человеческого гения, – девушка кивнула на пирамиды за окном. – Есть места, которые... говорят с вами, когда вы оказываетесь там. Не словами, конечно же. *Иначе*, – она чуть улыбнулась, но взгляд её оставался всё таким же пристальным, пронизательным. – И есть те, кто способен увидеть это и передать. Красоту и истину. Я редко ошибаюсь в людях, мистер Войник. Мне кажется, вы как раз способны *увидеть*, как это вижу я. Не беспокойтесь, я не прошу вас рассказать обо всём сразу. – Она едва ощутимо коснулась его ладони и добавила чуть тише: – Помните, я говорила, что нас, возможно, объединяет больше, чем кажется на первый взгляд?

Якоб медленно кивнул. Неужели эта женщина и в самом деле могла понять?..

– Если решитесь, я приглашаю вас в небольшое путешествие. В Египте куда больше пирамид, чем привыкли считать туристы. – Она тихо рассмеялась. – Я хочу сделать подробный обзор этих мест. Конечно же, всё уже сделано и написано до нас, есть множество статей и репортажей, но мы могли бы внести свежую нотку. Показать всё чуть под иным углом, понимаете? Саккара, Медум, Дахшур, Гиза, конечно же... Абусир... Мы совьём нить, соединяющую эпохи. Попробуем показать другим, как сами древние видели свои культовые места. Это ведь не погребения, мистер Войник, – гораздо, гораздо больше. Не космодромы для звездолётов, конечно же, хотя и такие теории нынче в моде. Гениальные строительные проекты, объединяющие целую нацию! И вместе с тем – святилища, соединяющие пространства земного и божественного...

Яша кивал, заворожённый тем, как она говорила обо всём этом. Имена фараонов, даты, какие-то детали о строительстве – он даже не пытался запомнить всё это. Но то, с какой любовью, с каким жаром рассказывала Ясмينا, не могло не впечатлить. В какой-то момент девушка осекла себя, рассмеялась немного смущённо:

– Как вы уже поняли, мне только дай волю сказать. Но как полагаете, такой проект был бы вам интересен?

– Я в деле, – выпалил Войник прежде, чем она успела бы усомниться, и подлил ещё вина в бокалы, опередив подоспевшего официанта. – Стало быть, за плодотворное сотрудничество?

– Чудесно, – она лучезарно улыбнулась. – И всё-таки не отказывайтесь от оплаты, ведь на это может уйти не так мало времени. Когда вы планируете возвращаться домой?

– Не в ближайшее время, – он пожал плечами. – Кто же откажется от такого предложения? Просто мечта, а не строчка для портфолио.

Его согласие словно окончательно растопило лёд между ними. Ясмينا увлечённо продолжала что-то рассказывать, Якоб периодически вставлял что-то, что помнил, и она подхватывала, развивала. Под конец обеда казалось, что они были не просто недавними знакомыми, а старыми друзьями, так легко и непринуждённо потекла беседа. Наверное, так когда-то было с Нил...

Эту мысль Войник предпочёл отбросить, сосредоточиться на настоящем.

– Куда бы вам хотелось отправиться в первую очередь? – с улыбкой спросила Ясмина. – Хронологически нам следует начать с Саккары, с самой первой пирамиды, принадлежавшей прославленному Джосеру Нетчерихету. Потом перейти к пирамиде в Медуме, которую фараон Снофру^[78] отстроил для своего отца Хуни^[79]. Впрочем, не все историки согласны, что Хуни приходился Снофру отцом, и... Так, опять я начинаю углубляться. – Она мелодично рассмеялась.

– Саккара. Идеально, – кивнул Якоб, невольно вспоминая свои недавние мысли. – Я там бывал однажды. Там вроде бы ещё несколько пирамид?

– О да! Тети^[80]. Пепи^[81]. Унас^[82]. Обязательно нужно побывать там! На стенах пирамиды Унаса высечена древнейшая версия знаменитых «Текстов пирамид»^[83].

Пожалуй, стоило почитать о Саккаре побольше, чтоб не оплошать на месте. Борька ведь теперь уже не поможет... или всё-таки связаться с ним, рассказать о проекте? Нет, точно не сейчас. Может быть, чуть позже.

Следующий вопрос Ясины застал Якоба врасплох:

– Скажите, мистер Войник, вы умеете ездить верхом?..

Глава 20. Пески Саккары

Год 15xx до н. э., окрестности Кебеху-Нетчеру

Она боялась этого путешествия так же сильно, как и ждала его – прекрасно понимала, что это будет испытанием. Настаивать было нельзя – она должна была выждать. Её положение при дворе Хут-Уарет всё ещё было слишком хрупким. Властитель ценил ум и сильную волю и не держал подле себя тех, кто пресмыкался перед ним. Но Таа Нефертари не забывала об осторожности и лишний раз не испытывала судьбу – пока что она полностью зависела от его милости. Хека-хасут не доверяли ей, боялись, и понемногу меняться это начало лишь с недавних пор – когда Апопи во всеуслышание объявил Таа Нефертари своей царицей. Его сторонники расценили жест правильно – она не была ни трофеем, ни пленницей, ни гостьей. Она была залогом мира и надеждой на объединение страны, расколотой между двумя династиями.

Путешествие к Дому Вечности стало своего рода подарком. Но Нефертари не обманывалась – властитель хека-хасут, назвавший её своей супругой, ничего не делал просто так.

Город Мёртвых не пришёл в окончательное запустение, но и не благоденствовал. Многие жрецы и ремесленники давно перебрались отсюда ближе к Хут-Уарет. Эпоха строителей великолепных святилищ закончилась, возможно – безвозвратно. Междоусобицы и последующее воцарение на севере чужаков тоже сыграли свою роль. Далеко не все чтит традиции Та-Кемет. Некоторые, приходя в эти земли как враги, опустошали, оскверняли то, что было здесь до них. Кто-то, напротив, желал вобрать знание древних, продлить нити, не разрывая их. Сохранить и приумножить...

Властитель сам подал ей руку, чтобы помочь спуститься с паланкина. Нефертари приняла, ступила на песок рядом с ним. Как и при дворе, чужие взгляды следили за каждым её шагом, и каждый жест должен быть выверен. Стражи и слуги Апопи подмечали каждую деталь, оценивая степень его расположения к дочери врагов.

Она почти забыла об их присутствии. Как давно Нефертари желала оказаться здесь! Как давно ей снились эти места, звали её... Она служила богу непокорных пустынных бурь, и всё же была терпелива – знала, что однажды властитель приведёт её сюда. Как и многие до него, он хотел постичь тайнства древних. И это было одной из главных причин, почему Апопи подпустил к себе колдунью с юга. Держи врага близко... познай его и пойми.

Так же, рука об руку, они ступили в опустевший Город Мёртвых, прошли по занесённым песками улочкам к некрополю и каменным стенам, окружавшим Дом Вечности. Там, в храме Владыки Нетчерихета, несколько жрецов ещё несли свою службу. Вот только почему-то никто, кроме псов, стражей некрополя, не вышел встретить их. Боялись? Не принимали?..

Апопи послал вперёд своего вестника. Нефертари не удивилась, когда тот вернулся ни с чем. Хранители знания бывали упрямы, и смерть не пугала их. Она слышала, как зароптали стражи властителя, потрясая оружием, но сам Апопи оставался спокоен и безмятежен – не выразил ни гнева, ни досады. Она уже успела узнать, что его спокойствие мало что могло поколебать. Он видел свои цели ясно, какими бы они ни были, и его решения, не сразу понятные другим, были взвешенными. Не просто так хека-хасут чтит его.

Он вскинул руку, и ропот стих. Один скупой жест – и их оставили в подобии уединения среди опустевших полуразрушенных домов и

мастерских, под стенами одного из древнейших святилищ Та-Кемет.

Украдкой Нефертари посмотрела на того, кто недавно стал ей супругом. Хищный профиль, гордый разворот плеч, непоколебимое достоинство. Сила, плескавшаяся на дне тёмных глаз, опасная, родственная её собственной... Да, теперь она знала Апопи гораздо лучше, ближе... и всё же недостаточно.

– Больше сотни лет прошло с тех пор, как мой народ воцарился в Дельте, – негромко проговорил властитель, созерцая возвышавшийся чуть вдалеке Дом Вечности. – Как и вы, мы зовём эту землю своей, и всё-таки мы – чужаки. Я знаю это, царская дочь. – Он чуть улыбнулся, перевёл на неё проницательный взгляд.

Нефертари не могла назвать Апопи привлекательным, но он завораживал. Нельзя было не смотреть на него, не слушать его негромкий голос, когда он обращался к тебе. И дело было не в страхе, но как раз в той особой Силе, которую он воплощал, которая притягивала других и заставляла следовать за ним. Каждый день рядом с Апопи был вызовом – но и он видел в Нефертари вызов. Понемногу между ними начинало выстраиваться подобие партнёрства, хотя она не обманывалась – до доверия было ещё очень далеко. И сегодня был сделан огромный шаг... Испытание.

– Я проведу тебя, Владыка, – спокойно ответила она. – Мне они не посмеют отказать.

– Разрушить это Место Силы и прочие здесь... так хотели некоторые из моих предшественников. Это сломит дух твоих людей, лишит воли даже самых храбрых и упорных из них, – Апопи говорил без угрозы – просто озвучивал то, что оба они понимали.

Их взгляды схлестнулись. Нефертари выдержала, не склонила голову.

– Разве это угодно тебе, Владыка?

Некоторое время он молчал, потом коснулся вскользь её руки тем самым жестом, который она запомнила с первой ночи, скрепившей их союз. Примирение, подобие тепла. Осторожность и почти мягкость. Так пробуют незнакомый, но ценный клинок на остроту. Так пытаются приручить хищника, чья ярость ещё может сослужить хорошую службу.

– Мне угодно то, что нам по силам построить вместе. И я знаю, чего желаешь ты – сохранить и приумножить. Но ты находишь меня

недостойным ваших таинств, не так ли? – Он спрашивал серьёзно, но на дне глаз пряталась ирония, улыбка.

– Я пересмотрела многое, оказавшись при дворе Хут-Уарет. И ты не взял бы меня с собой сюда, если бы не знал, что у тебя уже есть моё согласие.

– Вынужденное.

– Взвешенное.

Апопи посмотрел на неё пристально, без удивления и словно бы даже без подозрения, потом кивнул.

– Делай что сочтёшь нужным.

В тот день Нефертари долго говорила с жрецами, не в силах открыть им правду, пусть и пришла в своём праве. Она уповала лишь на то, что Боги и предки видят, понимают, ради чего она делала этот шаг. Пусть собственный народ проклинал её – она была готова к этому... Последняя встреча с Анх-Джесером придала ей сил так, как ничто, хоть им не дано было даже перемолвиться парой слов с глазу на глаз. Нефертари пришлось вытерпеть враждебность и пренебрежение, с которыми его встретили в Хут-Уарет. Смириться с собственной невозможностью защитить его. Ничем не выдать себя, отгородившись от того, с кем осталось её сердце, показным холодом, высотой положения... Но он знал всё без слов. И Таа Нефертари, шагнув в самое сердце бури, знала, что по-прежнему была не одна.

Догадался ли о чём-то Апопи, разглядел ли хрупкую нить между ними? Этого она не могла предположить. Он ведал многое, и его власть в Нижней Земле была абсолютна. И всё же он отпустил вестника обратно в Верхнюю Землю с мирным посланием для царской семьи. Подарок? Испытание?..

Жрецы приняли волю Нефертари, открыли запечатанные врата, не выразив ни надежды, ни одобрения – только смирение. Нефертари сама провела властителя в хеб-седный двор Владыки Нетчерихета, давно безмолвствующий, полнившийся тенями памяти о прежнем величии. Ветер и песок сточили древние плиты. Камни храмов пошли сетью трещин, но всё ещё противостояли власти времени и забвения. Некоторые правители хека-хасут отменяли обряды, запрещали справлять культы древних Владык. Некоторые, напротив, приобщались к ритуалам, наносили свои имена рядом с именами царей Та-Кемет.

Во власти Апопи, величайшего из хека-хасут, было лишить их народ всякой надежды, повергнуть в прах забвения... или, напротив, сохранить и приумножить, как он и говорил прежде. Хватит ли её власти на то, чтобы верно истолковать его стремления, повернуть его помыслы в нужное русло?..

Нефертари вскинула голову. В яркой небесной лазури и сиянии солнечной ладьи белые ступени Дома Вечности Владыки Нетчерихета казались ослепительными. Место Силы звало её, напоминало ей о том, кем она была. Всё здесь было пропитано вечностью, дыханием иных пространств – она чувствовала это даже сквозь плотные погребальные пелены тишины минувших лет. Она должна была найти и открыть тайный путь...

– Здесь – особое место для нашего народа, – торжественно произнесла Таа Нефертари, встречая взгляд Апопи. Она знала, что уже завладела его вниманием, видела тот особый огонёк, вспыхнувший на дне его глаз. – Оживи его, избавь от осквернения, которое принесли сюда другие до тебя... Не всегда наш народ был единым, Владыка. Сюда мои предки приходили, воцаряясь на троне Обеих Земель, не только для того, чтобы испытать и доказать свою Силу перед народом и перед Богами... Так затягиваются нити меж Хором и Сетом, и приходит конец вражде. Два трона становятся одним... Повтори путь властителей древности, Владыка Неб-хепеш-Ра^[84]. Я сама подготовлю и проведу для тебя таинство Хеб-Седа...^[85]

Апопи закрыл глаза, вслушиваясь в зов Места Силы. Нефертари знала – он видел и чувствовал многое – и всё же до последнего боялась его решающего слова.

Наконец властитель обернулся к ней. Его ладони, обжигаяще горячие, легли на её плечи, словно скрепляя договор.

– Так тому и быть.

Порыв сухого ветра пустыни ударил в лицо. Кольцо из электрума на руке стало вдруг непосильно тяжёлым.

Дважды предательница.

Её глаза оставались сухими, когда она вглядывалась в горизонт за спиной Апопи. Там, за стенами из золотистого камня, лежал погребённый под песками древний некрополь. Однажды Анх-Джесер придёт сюда и воссоздаст место её упокоения. Она, Таа Нефертари,

была и оставалась стражем одного из величайших Мест Силы своей возлюбленной земли.

Она выдержит...

Год 2019, Саккара

Первый Яшин энтузиазм по поводу конной прогулки в песках несколько унялся, как только он оказался в седле. Серый конь был смирным, но то и дело дёргался за товарищами, переходя на спотыкающуюся рысь. В эти моменты Войник чувствовал себя мешком – хотелось верить, что хотя бы с картошкой. Смутно он припоминал уроки отчима – старался не дёргать попусту поводья и сжимал лоснящиеся бока животины коленями.

Лошадей Якоб в целом любил и даже несколько раз ездил по конным маршрутам в Сокольниках и в Чехии, потому что мать с отчимом такого рода прогулки просто обожали. К тому же кони Ясины выгодно отличались от тех, которых наряду с верблюдами предлагали оседлать у пирамид предприимчивые арабы. Те были тощими и вонючими, а за этими явно отлично ухаживали. «Слава египетским богам, что госпожа Ясмина не любит верблюдов», – с облегчением думал Яша, когда девушка пускала своего гнедого в галоп – то путь впереди решала разведать, то просто объезжала кругом их небольшой отряд. Кроме Яши с ними был ещё гид и «ротвейлер» Ясины, который тоже явно чувствовал себя спокойнее на земле. В самом деле, любому «ротвейлеру» на своих-то ногах спокойнее.

Яша мужественно улыбался Ясмине, когда она оборачивалась к нему, и всячески показывал, что поездка ему в удовольствие. Через некоторое время он смирился, привык и правда начал получать удовольствие. Посмотреть ведь было на что! Необъятная таинственная пустыня, островки плодородной земли в стороне, руины древних построек, попадавшиеся то тут, то там. Да и с погодой сегодня повезло – небо затянуло тучами, редкими для Египта, и ветерок приносил прохладу. Солнце проглядывало сквозь плотный покров, мистически преломляя свет, обрисовывая смутные пока силуэты пирамид на горизонте. Один из них, ступенчатый, Яша даже узнал.

– Саккара, – с улыбкой пояснила Ясмина, поравнявшись с ним, и кивнула вперёд. – А вот там – Дахшур, пирамиды фараона Снофру, предшественника Хуфу. Только представьте, как это выглядело для

наших предков, не знавших мегаполисов. Маяки посреди песков. И золотые вершины, притягивавшие свет ладьи Ра. Необыкновенно!

– Необыкновенно, – согласился Яша, украдкой залюбовавшись ею.

В отличие от него, Ясмина держалась в седле как влитая – и правда залюбуешься, особенно когда она лихо пускала своего гнедого в галоп и уносила вперёд.

Сегодня на ней была тонкая свободная рубашка, прихваченная поясом, а вместо платка – шляпка, делавшая её похожей на археологов начала двадцатого века. Тёмные льняные брюки выгодно подчёркивали стройные ноги, сжимавшие бока коня. «Ишь размечтался», – осёк себя Яша, поняв, что снова начинает по-идиотски улыбаться.

– И климат тогда был совсем другим. Нил неоднократно менял своё русло, поэтому мы до сих пор не можем в точности определить даже местоположение древней столицы, знаменитого Мемфиса, – продолжала Ясмина. – Город Мёртвых... Все Города Мёртвых, – она мелодично рассмеялась, поправив себя. – Раньше это не были просто развалины среди песков. Это были центры культуры и ремёсел. Жизнь там кипела вопреки названию! Эти города ведь строились вокруг культа того или иного Владыки, покровительствующего тому или иному... Месту Силы.

На этих словах Якоб невольно вздрогнул, почувствовав смутное узнавание. Но Ясмина как ни в чём не бывало продолжала рассказывать что-то из жизни ремесленников и жрецов. Когда она сделала паузу, Яша проговорил:

– Подождите. Давайте сделаем несколько кадров уже здесь? С вами и пирамидами на горизонте. Отсюда их уже отлично видно.

– Хорошо, – с улыбкой согласилась девушка и крикнула что-то своим спутникам.

Группа остановилась. «Ротвейлер», кажется, вздохнул с облегчением, как и сам Яша, когда они спешили. Ясмина по просьбе Войника осталась в седле, выехала к тому месту, которое он указал.

Яша достал из небольшого рюкзака фотоаппарат, настроил, сделал пару пробных кадров. Вид здесь и правда был шикарный – пирамиды величественно возвышались впереди, выступая из сизой дымки, и так легко было представить, что время не разрушило их. Что города, о которых рассказывала Ясмина, всё ещё существовали, полные жизни, а не призраков. Что вскоре, добравшись до Саккары, они шагнут на

чистые улицы среди аккуратных выбеленных домов и мастерских, а не на заметённые песками тропы среди развалин.

Войник снял Ямину на фоне маячившей впереди ступенчатой пирамиды, древнейшего памятника гения Джосера и Имхотепа. Ещё парочка Домов Вечности – то ли Дахшур, то ли Абусир, Яша не запомнил точно – попала в кадр. В какой-то момент свет – или воображение? – сыграли с ним странную шутку: показалось, что перед ним не женщина в современной одежде, а всадница родом из древности, облачённая в развевающуюся на лёгком ветру светлую тунику. Скучные лучи блеснули в литых золочёных украшениях сбруи. Яша сморгнул, и наваждение исчезло. Ясмина помахала ему рукой.

Немного отдохнув, хлебнув воды из предусмотрительно взятых с собой пластиковых бутылок, они продолжали путь.

Якоб не уловил момент, когда они пересекли некую невидимую границу. Его восприятие неуловимо изменилось. Он словно ощущал жизнь, пульсирующую глубоко под песками, все те слои, до которых ещё не докопались археологи. Ясмина, ехавшая рядом, рассказывала что-то о гробнице прославленного мудреца Птаххотепа^[86], которую непременно нужно будет посетить после. Потом о Серапеуме^[87], где хоронили огромных чёрных быков Аписов, в которых якобы перерождалась сила бога и фараона. Она говорила о том, что весь этот огромный некрополь был особым местом для египтян. Храмы и захоронения здесь охватывали сразу множество эпох – от додинастического Египта до эллинистического. Войнику очень хотелось спросить про гробницу Таа Нефертари, но он решил повременить с вопросом, тем более что Ясмина перешла к рассказу о пирамиде Джосера.

Борька когда-то уже рассказывал Якобу о мудреце Имхотепе и о Джосере, о первой пирамиде, которая стала культовым местом на много веков вперёд. Войник не помнил всех деталей, но сейчас то, о чём говорила Ясмина, казалось знакомым. Древние святилища, погребальная камера с бирюзовыми изразцами, символизировавшая воды Великой Реки. Ясмина рассказывала ещё о сухом рве, опоясывавшем пирамиду, – о его назначении египтологи до сих пор спорили. По глубине он вроде бы был настолько же глубоким, как и помещения под пирамидой Джосера. Яша невольно задумался – неужели правда под Саккарой была целая сеть потайных проходов,

забытых святилищ и гробниц? Целые города, погребённые под песками?..

Голос Ясины вплёлся в его мысли:

– Знаете, когда Мариет^[88] открыл это место в девятнадцатом веке, он раскопал Серапеум. И сначала все полагали, будто и ступенчатая пирамида каким-то образом связана с культом Аписа, а вовсе не с великим фараоном. Имя Джосера Нетчерихета мы узнали позже и позже увидели это место таким, как теперь. Добро пожаловать в Саккару, мистер Войник.

Она улыбнулась, сделала приглашающий жест.

Впереди на фоне пасмурного неба возвышалась ступенчатая пирамида, окружённая полуразрушенной стеной из золотистого камня и руинами каких-то построек. Даже в современном виде зрелище впечатляло, и воображение Якоба с лёгкостью дорисовывало монументальную рельефную стену с ложными воротами, только одни из которых были настоящими.

Рядом расположилась парочка холмиков из битого камня, в которых уже с трудом можно было различить пирамиды потомков Джосера. Они сильно уступали в размерах ступенчатой, и всё же до сих пор притягивали взгляд. Хотелось заглянуть внутрь, соприкоснуться с их тайнами.

Саккарский некрополь был поистине огромен – простирался впереди насколько хватал глаз, маня величием храмов и гробниц, зияя развороченными могильными ямами и траншеями, скалясь обломками камней. Яша испытывал смесь благоговения и какого-то суеверного страха, едва ощутимого. К тому же погода портилась, и небо словно стало ещё темнее, чем когда они только выехали. Показалось, или ветер усилился? Впрочем, это было гораздо лучше дневного египетского зноя.

Туристов здесь было немного – сезон пока толком не начался. Да и гости Египта предпочитали распиаренную Гизу со сфинксом. У ступенчатой пирамиды трудились рабочие из местных, перекрикивая друг друга, как торговцы на базаре. Вдалеке работала какая-то археологическая экспедиция – раскопки в Саккаре не прерывались, кажется, никогда.

– Сама пирамида сейчас на реставрации, но я договорюсь с инспектором, и нас пропустят, – мягко пояснила Ясмина, направляя

коня чуть в сторону от основного архитектурного ансамбля. – Давайте сделаем кружок, здесь есть на что посмотреть. А позже, как и обсуждали, мы посетим сразу несколько пирамид. Если хотите, можем заглянуть и в гробницы Нового Царства – там чудесно сохранились настенные росписи.

Яша готов был отправиться за ней куда угодно, но желательно пешком. Последний кружок в седле он готов был выдержать, хотя задница уже начинала вяло протестовать с непривычки. Рядом тихо вздохнул «ротвейлер», который явно тоже уже нацелился на пешую прогулку до пирамид по твёрдой земле. А вот гид являл собой образчик истинно дзэнского спокойствия, даром что был арабом.

Конь Ясины двинулся вперёд неторопливой рысцей, и остальные последовали за ним. Яша успевал смотреть по сторонам. Они обогнули погребальный комплекс Джосера справа, объехали небольшой лабиринт раскопанных гробниц.

Войник вспоминал рассказы Борьки, желая как-то произвести впечатление, и наконец вспомнил нужное слово, которое крутилось на языке. Поравнявшись с Ясиной, он спросил:

– А правда, что именно здесь фараоны древности проводили празднества Хеб-Сед? Не только сам Джосер.

– О, вы и про это знаете? – Девушка улыбнулась – похоже, он попал в точку. – Да, Хеб-Сед, ритуальное возобновление силы властителя. Говорят, корнями этот праздник уходил ещё в ту эпоху, когда таким образом отмечалась победа над врагами. Некоторые исследователи даже считали, что первые вожди, а потом и цари, должны были доказать свою силу – физическую и мистическую – подданным. В противном случае их убивали.

Яша присвистнул.

– Что-то в этом есть.

– Так писал Фрэзер^[89] в «Золотой Ветви», и другие после него.

– То есть, допустим, царь переставал выполнять свои функции... ну, дождь там призывать или разливы. Или врагов отгонять. И все такое: «В жертву его! Нового найдём!»

Ясмина рассмеялась.

– Теперь эта версия считается спорной. Но Владыка Обеих Земель – это ведь не просто титул. Защитник и хранитель народа, неразрывно связанный со своей землёй. Празднества Хеб-Седа как бы

укрепляли эту связь, и ритуал таким образом подтверждал право царя властвовать над всем Египтом – подтверждал перед богами и перед народом. Некоторые учёные ещё выводят взаимосвязь ритуалов с объединением Верхнего и Нижнего Египта под властью одного фараона. Мы можем судить об этом по сохранившимся изображениям...

«Вот, по-твоему, тут Хор и Сет канат тянут, а они совершают ритуал объединения Египта, понимаешь?» Яша вспомнил слова Борьки, и грусть подпортила общее настроение. Другу бы эта поездка точно понравилась. Ладно, не вечно же Николай будет дуться – помирятся, и тогда Якоб всё расскажет.

В тених среди камней дремали собаки – целая стая худощавых псов с чёрной и желтоватой шерстью. «Надо же, до сих пор есть стражи некрополя», – с улыбкой подумал Войник, глядя на добродушных животных, помахивающих хвостами при их приближении. Жаль, покормить было нечем – очень уж зверюги были худющие.

Ветер усиливался, поднимая взвесь пыли. Ясмينا вдруг остановила коня, нахмурилась, вглядываясь куда-то в стремительно темнеющий горизонт. Она тихо пробормотала что-то – Яша не разобрал слов, потом обернулась через плечо:

– Лучше нам поискать укрытие.

– Что, погода портится? – удивился Войник. – В сводках ничего не говорили.

– Хамсин^[90]. – Девушка пожала плечами, вроде как говоря о чём-то само собой разумеющемся, но Яша успел увидеть тень тревоги в её взгляде. – Вернёмся к пирамиде.

Он хотел что-то ответить, но не успел. Собаки, до этого мирно дремавшие в камнях, вдруг сорвались с места с оглушительным лаем. Гид прикрикнул на них. Один из охранников некрополя выбежал из будки, ругаясь на псов, но тем не было никакого дела до людей. С лаем и воем они окружали конную группу, не приближались, вздыбливали шерсть и клацали челюстями. Ветер налетал свистящими порывами, и собачий вой казался потусторонним, жутким.

Яша понял вдруг, что когда-то уже видел подобное... в парке, с Жориком...

«...Псы приходили в мои сны. Я видел псов подле себя, когда рядом не было никого, кроме крадущихся теней. Я видел, как бездомные

шавки смотрели на меня из глубины вечности, когда демон из моих снов вселялся в них...»

Ясмина направила коня вперёд, повысила голос, произнесла что-то жёстко, повелительно. Кто-то из псов заскулил, поджал хвост. Войник почувствовал вдруг, что кольцо – а он и забыл об артефакте на груди! – нагрелось, но осмыслить эту внезапную перемену уже не успел. Собаки с лаем бросились к нему. Лошадь с пронзительным ржанием взвилась на дыбы и понесла. Псы помчались следом, оглашая окрестности загробным подвыванием. За спиной его звала Ясмина, но ветер в ушах перекрывал её голос. Руины и пустыня проносились на бешеной скорости, слившись в единый золотистый вихрь.

Якоб вцепился в поводья, стиснул коленями бока обезумевшего от страха коня. Судорожно он пытался вспомнить, чему учил его отчим: если лошадь понесла, нужно либо крепче держаться коленями, либо резко высвободить ноги из стремян, группироваться и падать вбок, чтоб тебя не протащило по земле. Падать не хотелось. Но пока Яша соображал, что делать – бросать стремяна или стискивать коленями бока, – его буквально вынесло из седла на всей скорости. От удара об землю из лёгких вышибло воздух, и в глазах потемнело. Бок прошибло такой болью, словно что-то внутри надорвалось. С ужасом Войник понял, что не может встать, потом всё-таки приподнялся на руках, со стоном поднялся на одно колено. Распрямиться никак не получалось. Дышать было больно, мышцы не слушались. Перед глазами плыло, и запоздало он понял, что дело было не только в травме. Воздух в самом деле наполнился пылью и песком – он с трудом различал что-то вокруг.

Ни коня, ни собак не было видно. Якоб крикнул, позвал своих спутников, но получилось хрипло и глухо. Дышать было по-прежнему больно, тяжело, да и поднявшаяся взвесь пыли мешала. Войник надрывно закашлялся, морщась от режущей боли в боку.

Запоздало он вспомнил про фотоаппарат в рюкзаке. Хорошо, что приземлился не на спину! Он не решил, о чём бы сожалел больше – о позвоночнике или о дорогой технике.

Яша сделал над собой ещё одно усилие, всё-таки поднялся на ноги. Бок тут же прошило болью, а разогнуться до конца Войник так и не мог.

Ветер и не думал успокаиваться, поднимая вокруг песчаные вихри. Якоб нащупал телефон в нагрудном кармане, достал. Экран треснул,

но сам смартфон был ещё жив и бодр... вот только сигнал исчез.

– Да чтоб тебя, – выдохнул Яша – даже как следует выругаться не хватало сил.

Вслепую он побрёл куда-то вперёд, увязая в песке, заслоняя лицо рукой. Каждый шаг давался с трудом – стоило повернуть бедро под неверным углом, и в бок как будто кто-то с ноги давал. «Сколько, оказывается, мышц и костей мы задействуем при обычном шаге... – уныло подумал Войник, щурясь сквозь завесу песка. – Ну что, дружок, доприкалывался? Вот тебе и первоклассный египетский хамсин. Проклятия мумий, растудыть их всех в...»

Впереди он вдруг разглядел чей-то силуэт, окликнул, но ему никто не отозвался. И всё же хоть какой-то ориентир! Яша поспешил – насколько мог – следом за фигурой. Краем глаза он заметил сбоку какое-то движение, резко обернулся.

Рядом бежал пёс – силуэт не более чёткий, чем человек впереди. В какой-то миг сквозь ржавое марево почудилось, что мелькнул раздвоенный хвост. Да и пёс вроде был рыжий, как песок под ногами.

Яша тряхнул головой. Оказалось, что и по другую руку от него бежала собака, чёрная, но тоже не спешила приближаться. Преследовали они его, что ли?..

Он вдруг вспомнил свой сон. Два пса, чёрный и рыжий, сопровождали его по коридору, когда он бежал от мертвецов. Что ж, хотя бы мертвецов сейчас не было... Хотелось верить, что это были сопровождающие, а не загонщики, хотя Войник уже ни в чём не был уверен.

Остановившись, он нащупал кольцо. Металл нагрелся так, что почти обжигал, но, когда Яша коснулся артефакта, перстень прильнул к руке как живой, сам скользнул на палец. Войник стянул шнурок, смирившись.

Фигура вдалеке остановилась, вскинула руку. Якоб не мог разглядеть, но казалось, это была женщина. Ясмина? Эта мысль придала сил. Войник двинулся за ней... Но почему она не останавливается, не откликается, не видит его?

Песок жалил, как сотни взбесившихся пчел. Идти становилось всё тяжелее, но он должен был найти укрытие – хотя бы переждать бурю, которая явно усиливалась. В пляске песчаных вихрей кружили вокруг

два пса, словно подгоняли его. Странно, но он больше не слышал ни лая, ни воя – если не считать воя ветра.

Чем дальше он шёл, тем больше усиливалось ощущение, что он следует по какому-то predetermined пути, точно по коридору – по тому самому, из сновидений. Вот только сейчас он не спал.

По периферии зрения скользили чьи-то размытые силуэты, и в гуле бури чудились голоса. Якоб чувствовал, как силы покидают его – взбесившаяся стихия пила их жадно, как сухая земля скудную воду. Страх не было – ему просто нечем уже было бояться. Оставалась только иступлённая решимость, инстинкт – добраться до укрытия, выжить.

В какой-то момент он споткнулся, упал и уже не смог подняться. Накатило вдруг удивительное безразличие к собственной судьбе, приправленное смутными сожалениями последней пары дней. Да и тайну он ведь так и не разгадал... На краю сознания он увидел чёрное расплывчатое пятно – совсем рядом. Лидка? Призрачное присутствие фантомной кошки вернуло было надежду. Но в следующий миг он понял, что уже не видит ничего, кроме иссушённого ветром и временем мира, кружившего вокруг мириадами частиц.

Однажды все пирамиды и вся память обратятся в песок. Так стоит ли сопротивляться?..

Кто-то ткнул его в плечо, побуждая очнуться. Якоб вслепую протянул руку, нащупал жёсткий ворс шерсти, поджарое тёплое тело. Пёс упрямо ткнул его в лицо, нырнул под руку, словно помогая подняться. Войник распахнул глаза, уставился на зверя. Горящие угли глаз почти не пугали его. Перед ним явно был не какой-то облезлый некропольский пёс – здоровая холёная зверюга, песочно-рыжая, со странными, словно срезанными поверху ушами. Да и не бывало у обычных собак такого пронзительного всепроникающего взгляда – как будто всю душу наизнанку выворачивал.

Осторожно Якоб убрал руку с загривка пса, пока ему не отхватили пальцы. Второй пёс не приближался – маячил сбоку чёрным силуэтом. Первый, песочно-рыжий, мотнул мордой, чуть оскалился. Войник невольно отпрянул, попытался отползти в сторону. Зверь глухо зарычал, медленно надвигаясь на него. Якоб понял, что сбежать уже просто не успеет. Да и куда тут было бежать, когда марево поглотило весь мир?..

Он старался только не сводить взгляд с морды пса – казалось, стоило посмотреть в сторону, и тот уж точно бросится.

В следующий миг зверь и правда бросился. Якоб успел только вскинуть руки, заслониться... Песок под ним расступился, утягивая в воронку и его, и зверя, и Войник провалился куда-то во тьму.

Якоб пришёл в себя в кромешной темноте, не сразу осознав даже, где он. Где-то далеко – то ли над ним, то ли снаружи – ярилась так и не утихшая буря, но здесь было тихо. Он пошевелился – рёбра тут же напомнили о себе. Похоже, он всё-таки сломал пару костей – и когда упал с лошади, и сейчас вот ещё добавил. Думать про судьбу фотоаппарата не хотелось – тут бы себе помочь.

В темноте вдалеке он слышал чей-то шёпот и тихий звук шагов.

– *Анх-Джесер...*

Полушёпот-полустон прокатился по коридору порывом сухого ветра. Всё как в его снах... вот только сейчас Яша не спал.

Он вскинулся, нащупал чудом уцелевший смартфон. Маленький квадратик света осветил тесный тоннель с осыпавшейся кладкой – больше Войник ничего не сумел разглядеть.

– *Анх-Джесер...*

Словно чужое дыхание коснулось его. Вдалеке мелькнул чей-то светлый силуэт, и экран потух.

Яша со стоном поднялся, держась о каменную стену. Ноги предательски подгибались. Он зажгёт фонарик в телефоне, осветил вперёд, но коридор был пуст. Кольцо на пальце стало тяжёлым. Оно словно жило своей жизнью, тянуло куда-то.

Впереди показался пёс. Он держался ровно на границе света, и никак не удавалось толком разглядеть его. Рыжий? Чёрный?

Тогда Войник вспомнил очередной рассказ друга:

«...Упуат – один из богов загробного мира. И он открывает все пути – пути к победе... пути в другие пространства...»

Из темноты блеснули глаза зверя.

Всё, что произошло с ним, вдруг странным образом сложилось в единую картину из разрозненных, кажущихся случайными фрагментов.

Пёс, непонятно как оказавшийся в Пушкинском музее. Псы из его снов. Бомж в «Метрополе» и пёс, метавшийся между столами, – ведь

похож был на того, музейного! Демон, вселившийся в ротвейлера в парке. Чёрные тени, пришедшие на помощь древнему архитектору. Обезумевшие псы саккарского некрополя. Собачьи силуэты, следовавшие за ним сквозь бурю.

– Упуат, Открывающий Пути... – выдохнул Якоб, пробуя древнее имя на вкус. Он совсем не был уверен, что произносит правильно, а когда повторил, слово видоизменилось, подстраивая его речь под древний язык: – Упуат...

Перед глазамиплыли образы чужих воспоминаний. Приглушённое золотистое свечение озарило коридор впереди, обрисовало точёную фигуру зверя. Чёрный пёс, проводник душ, посмотрел на Якоба долгим взглядом, потом качнул головой, словно звал за собой, и двинулся вперёд.

Войник сделал шаг, другой... Он не знал, что ждало его там, за поворотом коридора, но одно понял вдруг совершенно ясно: он либо разгадает эту тайну, либо умрёт.

Эпилог

Год 2019, Каур

Текст статьи никак не хотел укладываться в голове. Приходилось раз за разом перечитывать, хотя публикация была интересной. Здесь освещалась одна из последних версий освоения гиксосами Нижнего Египта. Автор статьи придерживался популярной нынче версии, что гиксосы не завоевали Дельту, а захватили путём мягкой экспансии, поскольку там и без того всегда жило много выходцев из Передней Азии, которые смешались с местным населением.

Борька потёр переносицу, поправил очки, вздохнул и философски заметил:

– Истина – где-то рядом. Секененра-то ведь тоже не сам себе голову проломил...

Ему, конечно, никто не ответил – в это время в музее никого не было, кроме дежурных охранников. Борька бы и сам с удовольствием уже пошёл домой, но пришлось дожидаться заветной доставки, а теперь вот надо было удостовериться, что всё прибыло в целости и сохранности. Гиксосы гиксосами, а сейчас ему предстоял увлекательный вечер в компании прибывшей из Москвы коллекции

лорда Карнагана. Но мысли были не о коллекции и не о гиксосах – о фуршете и о ссоре с другом. То и дело египтолог проверял телефон, но Яша не писал и не звонил. Борьке оставалось только надеяться, что Войник в порядке, просто не отошёл пока, дурь не всю выветрил. Злость на приятеля и на его неадекватную выходку уже на следующий день сменилась волнением. Яшка, дурак, ведь не знал этот город. А сейчас ещё и вся эта история с чёрным рынком древностей. Не сгинул бы, балбес!

Наступив на горло вяло шелохнувшейся гордости, Борька прислушался к голосу совести и рассудка и сам набрал номер друга. Увы, телефон Войника был вне зоны доступа. Может, позвонить госпоже Яasmine? Яша наверняка полез к ней со своими фотографиями фуршетными... Нет, пожалуй, стоило немного выждать. Бить тревогу пока было рано – телефон мог разрядиться, да и не везде в Египте хороший сигнал. Ну и в целом пока Борьке было чем заняться.

Отложив статью про гиксосов на потом, Борька взял свою тетрадь с записями, пропуск и ключи и направился в запасники, сверяться со списками коллекции. Работать он предпочитал по старинке, как много поколений египтологов до него, и каталоги вёл вручную, а в компьютер всё переносил позже.

Поздоровавшись со скучающим на посту охранником, Борька вошёл в запасники, включил свет. Освещение тут работало с перебоями, но бояться было некого. Суеверных страхов египтолог не питал, тем более в отношении любимых мумий. Только вот некстати вспоминалось их недавнее приключение с Яшкой. И какие бесы вселились в Войника? Дать бы ему как следует в табло, чисто в целях отрезвления, а потом уже разумно поговорить. Но, к сожалению, физически Борька всегда уступал товарищу и считал главным своим оружием интеллект. Да и в тот момент он испугался не на шутку – Якобу как будто правда капитально крышу снесло. Борька сомневался даже, что друг в тот момент видел и понимал, кто перед ним. Так ещё и кольцо с собой унёс проклятое... Не помер бы теперь за кольцо это, как бедняга Ахмед...

Борька отогнал поганые мысли прочь. Он не понимал в этой истории очень и очень многого, но надеялся разобраться, притом желательно без лишних жертв. Насвистывая какой-то нехитрый мотив, египтолог сложил на ближайший ящик тетрадь и ключи, натянул

заранее заготовленные перчатки и маску и распечатал первый ящик с маркировкой.

– Вот ты где, красавица наша, – ласково произнёс он, погладив хорошо знакомый контейнер и удостоверившись, что тот оставался герметичным.

В контейнере покоились голова и рука царевны. Борька хорошо помнил её черты, поскольку помогал Тронтому в реконструкции облика. Он не удержался – распечатал плёнку, посмотрел сквозь стекло на лицо, сохранённое для вечности древними бальзамировщиками, пережившее уже столько веков и событий.

– С возвращением домой, – улыбнулся египтолог, задержал взгляд на лице мумии, потом запечатал и сделал пометку в каталоге.

Он уже приступил к следующему ящику, чтобы проверить ту часть погребальной утвари, которая участвовала в выставке, но в этот момент свет мигнул. Это Борьку совсем не удивило – здесь такое бывало часто.

– Только попробуй погаснуть! – Он погрозил кулаком лампочке. – Мне ещё работать, и собака не гуляна.

За стеллажами со стороны входа послышалась какая-то возня, потом глухой сдавленный возглас. Вот тут Борька насторожился, огляделся в поисках хоть чего-нибудь, похожего на оружие. Где-то тут на полке с инструментами лежал лом, которым иногда вскрывали ящики. Тихо он двинулся к стеллажу, хорошо помня тут каждый уголок.

Свет погас. Борька затаил дыхание, вслушиваясь до рези в ушах. Волосы на затылке встали дыбом. В темноте ему мерещились чьи-то тихие шаги и какое-то движение. Окликать охранника показалось неразумным. Некстати вспомнился труп Ахмеда, который обнаружили в кабинете, и Борьку прошиб пот.

Незванные гости запасников никак себя не проявляли – не искали его, не включали фонарик. Может быть, он ещё успеет проскользнуть мимо? Чёрт с ним, с ломом. Главное, добраться до выхода, а там можно будет изловчиться, запереть их здесь и вызвать полицию. Ключи предательски звякнули, когда Борька подхватил их. Момент неожиданности был упущен. Египтолог рванул к выходу, чуть не уронив на себя один из стеллажей. Слишком поздно он сообразил, что

у двери его тоже могут ждать, но удар пришёлся сзади, и он отключился.

Когда Борька пришёл в себя, вокруг было так же темно. Голова гудела, как будто рабочие фараона устроили там филиал каменоломни. Рука привычно метнулась к лицу – очков Борька не обнаружил. Неужели разбил?! Плохо дело.

Он понял, что лежит на каком-то диване. Его движений ничего не сковывало. Хотелось верить, что всё ему просто привиделось, что он споткнулся, ударился головой о стеллаж, а потом охранник перенёс его на диван в комнате отдыха. Да, это было самое разумное объяснение. Борька осторожно сел, потом позвал охранников, дежуривших сегодня в музее.

– Али? Фардан?

В комнате вспыхнул приглушённый свет. Борька прищурился. Без очков он и так-то видел плохо, тем более в полумраке.

– Рад, что вы уже очнулись, мистер Боркин, – приветливо произнёс чей-то голос на чистом английском, с едва заметным акцентом.

В полумраке в кресле напротив сидел мужчина. Его лица египтолог не видел – перед глазами плыло, но показалось, будто оно было скрыто птичьей маской. Освещения было недостаточно, но Борька успел понять – комната была совсем не похожа на ту, в музее, где охранники гоняли чай. Липкий страх, охвативший его в запасниках, вернулся.

Мужчина щёлкнул пальцами, и из темноты шагнули двое. Один вежливо протянул Борьке очки, в целом не пострадавшие. Пряча дрожь в руках, египтолог надел очки и посмотрел на собравшихся. Все трое были одеты в обычные деловые костюмы. И да, Борьке не показалось – их лица были скрыты золотистыми масками, напоминавшими изображения сокола бога Хора.

Хор...

Око...

Борька вцепился в край дивана, чувствуя, как предательская струйка пота скатилась по виску.

– Вы всегда казались мне разумным человеком, мистер Боркин. В чём-то даже более разумным, чем профессор Тронтон. Уверен, мы сумеем договориться о сотрудничестве.

Неотрывно египтолог смотрел на мужчину в кресле. Тот расслабленно постукивал пальцами по подлокотнику. Взгляд египтолога невольно упал на его руку, и сердце пропустило пару ударов.

На мизинце мужчина носил перстень из электрума с печатью, так похожей на кольцо из гробницы царевны.

Конец первого тома

Моё знакомство с историей Древнего Египта началось с детства, причём в добровольно-принудительном порядке. С Борькой ведь как – хочешь не хочешь, а узнаешь о стране фараонов куда больше, чем предполагает учебник по истории за пятый класс.

Правда, когда мы ещё школьниками бродили по Пушкинскому – разве я мог предположить, что его рассказы мне однажды всерьёз пригодятся? Тогда я ещё не думал сводить близкое знакомство ни с фараонами, ни с царевнами, но тут меня тоже никто особо не спрашивал.

Я честно старался и до сих пор стараюсь слушать Борьку внимательно, потому что даже всемогущий Гугл не всегда может помочь. А вот запомнить всё я уже даже не пытаюсь, поэтому начал вести эти заметки, по возможности собирая всё, что относится к моему, с позволения сказать, расследованию. Может, для статьи потом сгодится... даже для целой серии статей! На

научные работы мои заметки не претендуют – тут я сразу честно предупреждаю, если вдруг кто-то кроме меня будет это читать. По науке у нас Борька. Могу только сказать, что эти знания я и правда почерпнул из его лекций, а он в египтологии собаку съел. Чёрную... или даже двухвостую...

Якоб Войник

Байки из саркофага

Ожившие мумии – истоки мифа

По понятным причинам эта тема не могла меня не заинтересовать. Начать, наверное, нужно с египтомании как явления. Египтомания – это увлечение атрибутикой эпохи фараонов, очень распространённое явление в Европе, в частности, в девятнадцатом веке. Ну а признаки египтомании мы видим везде до сих пор. Купил статуэтку кошки на базаре? Дома папирусы развесил? Египтоман. В Москве, кстати, видели Померанцевую оранжерею и египетский навильон? Египтомания и до нас докатилась, так-то!

Но вернёмся к нашей теме. Мумий находили давно и поступали с ними очень по-разному, в большинстве случаев – совершенно не по-научному. Где-то народ до сих пор боится проклятий мёртвых, но кого-то таким было не испугать даже в древности. Пёрли всё, что лежало плохо, и даже что хорошо, за замками в лабиринтах переходов, под наблюдением суровых меджаев. Так что до нас не дошло и десятой части всего, чем была богата земля египетская.

Мне было интересно, кто начал первым писать о мумиях. Оказалось, мой старый знакомец Эдгар Аллан По ещё в 1845 году написал свой «Разговор с мумией». Ну а потом уже были и Хаггард, и Лавкрафт, и Стокер, и другие.

Когда же разговоры о проклятиях мумий стали популярны в Голливуде? Ну, конечно, после знаменитого открытия Говардом Картером гробницы Тутанхамона. Это случилось уже в двадцатом веке, а именно – в ноябре 1922 года, я специально записал.

Во-первых, это было самым крутым и громким открытием (до этого из найденных самой крутой считалась неразграбленная гробница Туйи и Йуйи, родителей царицы Тэйи из 18-й династии). Во-

вторых, в течение полутора лет шесть человек из тех, кто участвовал в открытии гробницы, скончались. Видимо, не зря предупреждал Анубис на дверях: «Я – тот, кто стоит на страже, я – тот, кто зовом пустыни обращает в бегство расхитителей гробниц». Ну и на саркофаге мастера тоже не забыли напомнить, если кто не понял: «Смерть скоро настигнет того, кто осмелится нарушить покой мёртвого правителя».

Дальше – больше. В тридцатые годы двадцатого века ожить изволил Рамсес Великий. (Да, это тот самый фараон, с которым Борька меня иногда сравнивает – увы, не за великие свершения, а всего-то за мой нос.) Так вот, в тридцатые годы на глазах посетителей музея мумия резко вскинула руку и вроде даже разбила стекло, но это неточно. Сколько было впечатлений у присутствующих – можно себе представить. А Рамсес, царь царей, так и лежит до сих пор с поднятой рукой. По основной версии это реакция бальзамирующих составов на смену температур и влажности.

Голливуд всегда умел ловко воспользоваться ситуацией. В 1932 году вышел первый фильм «Мумия», в главной роли – талантливый Борис Карлофф. Он ещё Франкеништейна играл и не только. Создатели сначала хотели сделать фильм про графа Калиостро, но, увидев ажиотаж публики, переписали всё в египетском антураже. Красивая история жреца Имхотепа (нет, не того, кто был великим зодчим ступенчатой пирамиды фараона Джосера) и царевны Анхесенамон (ага, именно так, к слову, звали царицу, которая приходилась женой Тутанхамону). Карлофф справился на ура, да и в роли мумии тоже выглядел очень натурально. Натуральности ему добавлял тот факт, что грим конструировался на основе настоящей мумии – Сети Первого (отца Рамсеса Великого). У Сети при жизни явно не было отбоя от прекрасных дам, да и сейчас он отлично сохранился, несмотря на свой солидный возраст больше чем в три тысячи лет. В этом можно убедиться, если его навестить в Каирском музее... ну или на худой конец – загрузить фото.

К мифологии создатели первой «Мумии» подошли бережнее, чем те, кто делал такие фильмы далее. Жрец Имхотеп занимался оживлением посредством свитка Тота, древнеегипетского бога мудрости, наук и письменности (о, выходит, он и мой покровитель

тоже – я ж журналист). Благодаря этому свитку якобы Исида поднимала из мёртвых своего мужа Осириса. Ну про них-то легенду все знают, к ней я ещё вернусь позже.

Фильмом 1932 года вдохновлялся Стивен Соммерс уже в 1999 году. Его Имхотеп был жрецом Осириса, почти что некромантом, и полюбил Анхесенамон (в русском переводе – Анаксунамун). Эта красотка, правда, была уже не царевной, а наложницей фараона (Сети Первого, ага). Имхотеп в исполнении Арнольда Вослу, пожалуй, был не менее харизматичен, чем в исполнении Бориса Карлофф. Но победил в фильме, конечно, не он, а гопник (прошу прощения, авантюрист) Рик О'Коннел и его красотка-библиотекариша-египтолог Эвелин. (Тут у нас ещё один привет прошлому – Эвелин звали дочь лорда Карнарвона, спонсировавшего раскопки Картера.)

Всего фильмов о мумиях было снято около двадцати – я смотрел если не все, то большинство. Также добровольно-принудительно – с Борькой. В 2017-м мы с ним даже в кино ходили на последнюю экранизацию, которая с Томом Крузом. Там создатели решили соригинальничать, и теперь уже не оживший мужик-мумия бегал за красавицей, а ожившая мумия-девица бегала за... ну, несколько постаревшим красавцем. Девица была хороша – чего б от такой бегать. Но тут уже создатели оторвались, кажется, на всех известных мифах. Основное – Амунет была жрицей Сета, которого в фильме, не особо изучив вопрос, записали в дьяволы и на этом успокоились. Тогда я посмотрел и посмеялся, а теперь вот... Если б всё было так просто и задорно, как в кинематографе...

Трагичная судьба реальных мумий

У реальных мумий дела обстоят гораздо хуже, чем у киношных. Они не то что встать – даже в паланкине проехать вряд ли уже способны, разваливаются. Да и отношение к ним было такое, что я в общем-то их понимаю с навязчивым желанием кого-нибудь проклясть покрепче.

В захоронениях, особенно статусных, издревле копались все, кто посмелее, притом далеко не с археологическим интересом. Более того, даже в реальной археологии научный интерес был вторичен, уступая кладоискательскому. А что делать? Спонсоров хотелось всем, а спонсоры хотели сокровищ. А вот везло не всем – потому что до них тоже приходили кладоискатели. Это сейчас все поумнее стали, копаются в черепках, разбирают, как люди-то жили, собственно, а не только умирали. Ну а раньшее – нашёл золотишко и молодец. Взять того же Картера. Борька, правда, Картера уважает – говорит, в отличие от многих своих современников, тот подробнейший каталог своих находок составил. А ещё художником был отличным, но это уже другая история.

Считается, что первыми чёрными копателями были даже не захватчики территорий – хотя те тоже постарались, будь здоров – не кашляй. Те же римляне ого-го сколько навывозили из Египта в своё время, но они хоть вывозили и даже первый туризм организовали, а не

катали всё армейским катком, как персы. Но первыми «молодцами» были свои же, местные, причём, как считают египтологи – местные из самих же мастеров-строителей гробниц. Не, ну а что, я так и вижу. Вот сосед твой Хуни, с которым вы оба гнули спину, уважает покойного фараона и боится проклятий богов. Тебе вроде тоже боязно, но жуть как хочется дорогого храмового винишка и прекрасную жрицу, которая на тебя не смотрит. Работали вместе, секреты ты в целом знаешь – собрал команду ребят побойчее и полез. Кто не огрѐб от меджаев и прочих служителей уже нового фараона – тот, в общем, мог неплохо устроиться. Как правило, огребали больно – с отрезанием носов и вот этим всем. Ну и красивого посмертия лишались, конечно. Но это если в стране закон царил. А если переходный период какой очередной – тут уже и до живых мало кому дело есть, а до мёртвых тем более.

И ладно бы пёрли только сокровища... но нет. Пёрли ещё и мумий. Потому что мумии – это не только несколько килограммов священных костей и сухой священной же плоти, но ещё и артефакты. Целая куча драгоценных артефактов, заботливо спрятанных между погребальными покровами. Иногда беднягу разбирали на части прямо там, на месте. А иногда утаскивали с собой – разбирали увлекательно дома, всей командой. Если царственное – или не очень царственное – тело пролезало в лаз, можно было забрать и целиком. А иной раз приходилось и бросать. И обратно вроде как не вернёшь – вдруг засекут?

В итоге мы имеем печальные истории. Взять вот царицу Нефертари, жену того самого Рамсеса Великого. От неё до нас дошли ноги по колено, и мы вряд ли когда-нибудь узнаем, как она выглядела на самом деле. Ну разве что заглянем в прошлое?

А от фараонов Древнего Царства вообще мало что уцелело – египтяне ведь и бальзамировать правильно не сразу научились. Вот жил когда-то фараон Хор-Джер – великий, между прочим, деятель Первой династии (это чертовски давно было). А до нас дошла одна только рука – зато с украшениями. Теперь и руку-то мы знаем только по фото, потому что доблестный сотрудник музея, видимо, решил в своё время – мол, а зачем нам кости? Это некрасиво, публику почтенную отпугивает. Пусть в экспозиции только браслеты лежат. Ну и выкинул. Борька цитировал прославленного британского египтолога Флиндерса Питри, который об этой истории говорил вот что:

«...Когда по поручению музея приехал Квибелл, я передал браслеты через него. Руку – самую древнюю часть мумии из всех, которые мы знаем, – и великолепную ткань, в которую она была завернута, также доставили в музей. [Эмиля] Бругша заботила только его выставка: от одного браслета он отрезал половину, сделанную из плетеной золотой проволоки, и выбросил руку и материю. Музей – это опасное место...»

Согласен, опасное место – так ведь и совсем без рук остаться можно. А может, рука была и не Джера, а его жены... Кто ж теперь разберёт. Но тут хоть рука. Вон от Хуфу (или Хеопса) вообще остались только пирамида и костяная статуэтка.

В общем, уничтожались мумии давно. А с официальным запуском такой науки, как египтология, в XIX веке спокойно жить мумиям... точнее, лежать спокойно, где лежали... тоже не довелось. Иногда ими предприимчиво удобряли поля. Иногда пускали на растопку. Хотя нет, про паровозы – это всё-таки миф, а вот про удобрения – нет.

А ещё задолго до XIX века и позже предприимчивые знахари и прочие врачеватели придумали, как всем по-новому лечиться. Говорили, если перетереть царственную священную плоть в порошок – чуть ли не на эликсир бессмертия можно натереть. Вот и тёрли всё, что попадалось. Кто-то, может, и по сию пору трёт – ну а что, мочой же тоже лечатся. Порошки из мумий растворяли на мази и притирки и даже жрали, без страха подхватить не только древнее проклятие, но и какую-нибудь совсем не мистическую инфекцию. В общем, сколько ценных для истории останков пропало вот таким образом – даже предположить трудно.

Ну и была в XIX веке в высшем обществе вот такая ещё развлекалочка, от которой меня лично оторопь берёт. Называлось

это «вечеринками развёртывания мумий». Делалось оно, конечно, под эгидой науки, но гости тоже не уходили обиженными. Как мы уже помним, между пластами тканей каждой уважающей себя мумии были амулеты. Эти амулеты хозяин вечеринки частенько дарил своим гостям, на память (как будто развёртывание древнего трупа так легко забыть).

Нынешнее отношение к мумиям, конечно, гораздо более уважительное. Лежат они с микроклиматом, почти в курортных условиях. Их уже почти не режут даже в исследовательских целях, поскольку есть сканирование, исследование ДНК и прочее. Ходят на них смотреть всякие товарищи вроде нас с вами. А всё равно, если смотреть первые зарисовки – даже за несколько десятилетий почти бережного отношения они сильно пострадали. От перевозок, от перепада температур, от халатности работников... Но хорошо, что хоть кто-то уцелел, пусть и не все такие красавчики, как Сети Первый.

Знакомство с папой... Таа Секененра Храбрый и его жутковатая мумия

Мой рассказ о царской комнате мумий был бы неполным без одного конкретного фараона – Таа Секененра II по прозвищу Храбрый. Признаться, в первый раз, когда Борька устраивал нам с Машей экскурсию по Каирскому музею, впечатление этот фараон на меня произвёл неизгладимое. И не самое приятное. Вид у него, прямо сказать, не блистательный, но оно и понятно – не своей он смертью помер. Борька до сих пор мне простить не может, как в тот день я храбрился, нервничал и пел «и молодого командира несли с пробитой

головой». Секененра мне потом аж снился пару раз, но свести с ним более близкое знакомство я не ожидал... Теперь уже как родной.

Как этот фараон выглядел при жизни, мы вряд ли узнаем – разве что заглянем в прошлое. Мне, честно говоря, жаль, что так мало лиц реконструировано по методу того же Михаила Михайловича Герасимова. (Это такой советский учёный был, разработавший метод восстановления внешнего облика человека по черепу.) Хорошо, что профессор Тронтон – друг семьи лорда Карнагана и в своё время взялся за реконструкцию! Ну и ещё несколько хороших примеров есть, а в остальном – увы. Но, может, ещё возьмутся? Любопытно же.

Но вернусь к Секененра. Уникальность бальзамирования этого фараона заключается вот в чём: его не пытались сделать красивее, чем он был, когда помер. Обычно бальзамировщики наводили мертвецам марафет, чтоб перед богами на Суде Осириса было не стыдно предстать. А вот Секененра похоронили со всеми его ранениями, ничего не замазывая и не приглаживая. Основных теорий на эту тему существует две. По первой (и её же придерживается Борька) – современники героического фараона намеренно сохранили его для вечности вот так, со следами всех травм, как борца за свободу Египта. По второй версии, даже у фараона в тяжёлые смутные времена под рукой просто не оказалось толковых бальзамировщиков, так что хоронили, как могли. У меня есть все основания согласиться всё-таки с первой версией...

* но только не для Яши...

Сейчас мы видим Секененра в ещё более плачевном состоянии, чем он был, когда его только распеленали. Впервые мумию исследовал в конце XIX века Гастон Масперо, тогдашний глава новообразованного учреждения, Службы Древностей. Там и зарисовку сделали – можно загуглить.

В начале XX века австралийский анатом Эллиот Смит посмотрел на Секененра ещё разок, поближе, удалив остатки погребальных пелен. На одной только голове поверженного фараона Смит идентифицировал пять не совместимых с жизнью ран: пролом лобной кости (топором), почти параллельная ему рана (тоже топором), перелом обеих носовых костей со смещением скул и выбиванием правого глаза, рассечение левой щеки (мечом), след слева чуть ниже уха (от удара копьём или пикой). В общем, какая уж тут красота? Даже представить страшно, что с ним там случилось...

В 70-е годы команда Джеймса Харриса применила более цивилизованный метод, уже с помощью рентгена. К сожалению,

учёные, сравнивавшие гравюру с тем, что осталось сейчас, убедились, что мумию жёстко повредили ещё при первых попытках исследовать.

А я тут специально приведу цитату из самого месье Масперо, которая по определённым причинам теперь находит во мне отклик:

«...неизвестно, пал ли он во время сражения или стал жертвой некоего заговора; находка его мумии доказывает, что он умер насильственной смертью в возрасте приблизительно сорока лет. Два или три мужчины, или убийцы, или солдаты, должно быть, окружили его и умертвили прежде, чем подоспела помощь. Удар, нанесённый топором, должно быть, рассёк часть его левой щеки, выбил зубы, сломал челюсть и свалил его бесчувственным на землю; другой удар, должно быть, глубоко рассек череп, а удар кинжала или копья в правую сторону открытого лба, немного выше глаза довершил его жизнь. Его тело, должно быть, осталось лежать там, где оно упало, в течение некоторого времени: когда оно было найдено, то уже подверглось разложению, и бальзамирование было выполнено торопливо и наспех, как лучшее из всего, что возможно было сделать. Волосы его толстые, жесткие и спутанные; лицо было выбрито утром в день его смерти, но, касаясь щеки, можно представить насколько густой волосяной покров покрывал его лицо. Эта мумия является останками красивого, энергичного человека, который, возможно, дожил бы до ста лет, и он, вероятно, защищался решительно против своих противников; его лицо до сих пор сохранило выражение ярости. Череп с вытекшим мозгом над одним глазом, морщинистым лбом, стянутыми в гнездо губами, через которые виден прикушенный зубами язык...»

С кем же воевал Секененра?

И всё-таки в связи с чем Таа Секененра Храбрый получил свои несовместимые с жизнью травмы? С помощью Борьки я попытался открутить ленту истории назад, к концу блестящей эпохи Среднего Царства в Египте. Этот их очередной «золотой век» закончился примерно в XVIII веке до нашей эры, плюс-минус. Начался так называемый Второй Переходный Период.

Египет долгое время был доминирующей силой в своём регионе. И хотя brave египетские солдаты тоже огребали от соседей в дружеских попойках и недружеских стычках, в основном египтянам жаловаться было не на что. Ну то есть было на что, но проблемы, как я понял, были в основном внутренними – налоги высоковаты, управители сепатов между собой власть поделить не могут. А иной раз фараон рожей не вышел и Богов задобрить не в состоянии. Иногда засухи бывали, голод какой мог приключиться, или Нил там недостаточно хорошо разливался – опять-таки фараон виноват, ритуалы некачественно проводил. Вот, например, золотой век строителей пирамид, Древнее Царство, закончился, когда Нил поменял русло и перестал как следует разливаться. Так что Первый Переходный Период был сопряжён преимущественно с разборками между управителями сепатов («Сепат» – это умное древнеегипетское словечко означает просто «регион» или «область». Греки сепаты назвали по-своему, номы, так что «управитель сепата» – это по-гречески «номарх»).

Но то были свои разборки, а чтоб кто-то со стороны пришёл и навалил – такое египтяне даже в страшных снах редко видели. Они ж знали, что у них самая что ни на есть передовая цивилизация.

И тут произошли сразу две вещи, никак между собой до поры до времени не связанные. Во-первых, в Египте приключился очередной кризис – ну, не может же всё время быть хорошо? Кто-то опять что-то между собой не поделил, налогов недособрали, династия Двенадцатая к закату пошла. А на востоке в это время произошло некое оживление, и на арену вышел новый игрок – гиксосы, или «хека-хасут», как их называли сами египтяне. Один из переводов этого термина явно придумывал какой-то их Капитан Очевидность:

«правители чужеземных стран». Кто-то называет их «царями-пастухами» – отсылка к их кочевническому происхождению.

Кто такие гиксосы, сложно сказать наверняка, так как это было не государство-завоеватель вроде какой-нибудь Персии, а кочевой народ, проживавший ближе к современной Сирии. Точнее, даже несколько народностей, предположительно семитского происхождения. Даже сами египтяне были не очень уверены, кто это такой к ним пожаловал.

Дома у себя гиксосам не сиделось – понятно, они ж кочевые. Да и зря они, что ли, столько новых игрушек наизобретали? Колесницы там. Луки композитные. Страсть как хотелось им это всё на ком-нибудь опробовать. Думают: «Дай-ка соседям покажем, чё у нас есть. А то у них там уже застой, грустно им без нас».

Пришли они к египтянам, но египтяне почему-то не оценили, да и хватало им как-то своих проблем и без таких вот гостей. В общем, слово за слово, огребли. У египтян-то колесниц не было, да и лошадь они, может, вообще впервые в жизни увидели. Хотя, по новым археологическим данным, не впервые – Борька говорил, что была такая знаменитая крепость Бухен. (Отличное название, запоминающееся...) Этот Бухен отгрохали ещё самые первые фараоны, чтоб отбиваться от особо рьяных соседей с юга, ну и периодически обновляли. В эпоху Среднего Царства крепость процветала, и вот как раз к Среднему Царству историки относят одно захоронение, где нашли останки лошадки. В общем, лошадки у египтян уже были, но до постройки колесниц, видимо, на тот момент руки не дошли.

Продемонстрировав всю мощь «танков Древнего Мира», то бишь колесниц, гиксосы решили: хватит нам уже валандаться по степям, пора бы и осесть где-то. Ну и осели в Дельте, заняв весь Нижний Египет – чего мелочиться.

Процесс, разумеется, произошёл не в один день. То есть не «дратути, мы гиксосы, двигайтесь отседова», а с постепенным отжиманием территорий. С фараонами тогда египтянам не везло – видимо, никак не могли Владыки с Богами договориться. Не то слабоваты были властители, не то просто не очень удачливы. Так что Египет полторы сотни лет или больше существовал как две отдельные державы.

Гиксосы в это время отгрохали себе красивую новую столицу, Аварис, или Хут-Уарет, по-египетски. Во дворец они даже критских мастеров пригласили (некоторые росписи Авариса похожи на росписи в Кносском дворце). Переняли что-то из культуры хозяев и решили: «А чем мы хуже? Пусть у нас тоже будут свои фараоны». Некоторые гиксосские властители – взять того же их чрезвычайно уважаемого Апопи – не стеснялись и, по примеру самих египетских фараонов, наносили свои имена на статуи предшественников. В общем, развлекались как могли. Прижились даже.

Но рано или поздно вся лафа заканчивается. На юге, в Верхнем Египте... (чёрт возьми, когда-нибудь я запомню, что Верхний – это юг, а Нижний – это север... Древнеегипетские карты были ориентированы на юг, потому что – бинго! – Нил-то тёк с юга на север). Так вот, в Верхнем Египте стали появляться правители порешительнее. Им как-то обидно было за державу – предки-то железной рукой Обе Земли держали, да ещё и на близлежащие территории страху нагоняли. А тут вроде как собственный дом приходится с какими-то хмырями делить.

Но гиксосы чувствовали себя вполне уверенно, всё-таки не одно поколение уже тут жили. И двигать с насиженного места никуда, ясное дело, не собирались. Наоборот, думали всё, как бы ещё и на юг заглянуть – а то вдруг там колесниц и композитных луков ещё не видели? Ну или забыли, как выглядят.

Обострение конфликта произошло, когда гиксосами заправлял Апопи, тот самый чрезвычайно уважаемый человек. Он и имя себе выбрал значимое, не хухры-мухры – в честь хтонического змея Апопа, врага бога Ра. К слову, Апопи считался одним из двух самых могучих гиксосских фараонов. А ещё гиксосы по примеру египтян брали себе так называемое «тронное имя» – это то, где обязательно бог Ра должен значиться. Вот Апопи был «Неб-Хепеш-Ра», «Владыка Силы Ра» или «Ра – Владыка Силы». Ничего себе так. И у него вроде ещё парочка подобных эпитетов была...

Что в это время было на юге? Там заправляли выходцы из Семнадцатой династии – царица Тетишери и её младшие родственники. Собственно, наш герой, Таа Секененра и его супруга Яххотеп. И вот у них давно уже назревал вопрос: какого, собственно, Апопа в родной Дельте правит Апопи? Но гиксосы успели, согласно

устоявшейся исторической байке, свою претензию оформить первыми. Выглядела она примерно так: «Дорогой ты мой друг Секененра, соседка моя венценосный, люблю тебя почти как брата. Но у тебя там в болотах на юге оборзели гиппопотамы. Ты уж не обессуди, но я приду и разберусь, а то спать не могу, сил нет». Конечно, гиппопотам-то египетский – зверюга страшная, орёт так, что аж за 650 км слышно.

Секененра, понятное дело, от таких предъяв несколько опешил и на письмо решил ответить уже не писчей палочкой, а верным хопешем. Или топором – что он там предпочитал... В общем, накопилось у египетского народа за полторы-то сотни лет или больше. Пора было стартовать освободительную кампанию.

Друзья и родственники Секененра горячо поддержали, супруга так и вовсе с ним на войну пошла. Египтяне воодушевились – наконец-то их вёл самый настоящий фараон, прям как великие предки! А ну и правда освободит весь народ?

Но, как это частенько водится, не всем такая инициатива понравилась. Существует теория, согласно которой фараона Секененра предали свои же. Устроили, гады, засаду, и вот там он как раз и получил свои пять ранений в голову.

Но несчастье египтян не подкосило, а обозлило. Особенно обозлились родственники. Бабка Тетишери была не промах, царица Яххотеп – та ещё амазонка, так что повели они войско сами.

А вот в 2014 году археологи сделали ещё одно открытие – оказывается, во Втором Переходном Периоде жизнь была ещё интереснее. И Египет был расколот даже не между двумя династиями, а между тремя. В частности, с гиксосами воевал ещё один фараон по имени Сенебкаи. Родом он уже был из Среднего Египта, из славного города Абидос (чертовски древний, кстати, город, священный, родина одного из самых известных египетских богов Осириса). Нашли его скромную гробницу, правда, не с мумией – со скелетом, к тому же разобранным на части. Там и грабители постарались, а ранений бедняга Сенебкаи получил не меньше, чем его товарищ по несчастью Секененра – 18 травм, нанесённых колюще-режущими предметами. Что интересно, по характеру травм учёные считают, что фараон воевал то ли с колесницы, то ли вообще с коня.

Это при том, что кавалерия у египтян была не в ходу... Отличный, наверное, был мужик, сильный и идейный.

В общем, Таа Секененра был в своей войне не одинок. Он провёл немало значимых боёв, а его имя сохранилось в истории в списке освободителей Египта. К сожалению, расцвет новой династии, которую начал его младший сын, Секененра наблюдал уже из Дуата – египетского мира потустороннего. Но, думаю, он был чертовски рад тому, как всё сложилось.

Гиксосы были изгнаны из Египта спустя не один год войны. Египтяне, не будь дураками, под это дело даже реформировали свою армию – очень уж им понравились колесницы и композитные луки, которые в последующую эпоху Нового Царства стали неотъемлемым атрибутом каждого уважающего себя воина, а тем более фараона. Уже сложно представить Египет без такой вот атрибутики. Что в очередной раз доказывает: из всего можно извлечь пользу...

И ещё о гиксосах, или «Не всё так просто»

Когда обыватели вроде меня говорят о Древнем Египте, нам кажется, что на протяжении всей своей истории Египет был цельным монолитным государством. С единым народом. Да чего уж там – мы даже знаменитую Клеопатру записываем в египтянки, а она ведь, между прочим, греческих кровей.

Если копнуть поглубже в историю – в Египте, прямо как у нас, вечно кто-то что-то не мог поделить. То Верхний Египет с Нижним, то сепаты эти между собой, то периоды, когда страной правили иноземные династии... Египетская религия насчитывает больше двух тысяч богов и несколько тысяч лет истории. Ну в самом деле, глупо с моей стороны было думать, что каждый век там всё было одинаково. Да и боги эти – они же все были из разных египетских регионов, а главенствовали в разную эпоху разные. То Ра, то Осирис, то Амон, то ещё кто-нибудь... Как тут не подражаться?

А если говорить о народе, то я с удивлением для себя обнаружил в общем-то логичную штуку: многонациональность и многокультурность. Географическую составляющую ведь тоже нужно учитывать. Верхний Египет больше взаимодействовал с югом, с Африкой, а Нижней – с Азией. Там, в Дельте, с древнейших времён такой проходной двор был... Вот, собственно, это и усложняет наше понимание проблемы взаимоотношений между египтянами и гиксосами. Получается, вот эти самые египтяне, которые из Дельты, приходится многим азиатам родственниками – тем, кто к ним регулярно в гости захаживал поторговать, про культуру побеседовать, вооружение новое показать и прочее. И что ж, стало быть, они сами себя захватили?..

Борька говорит, сейчас часть исследователей склоняются к тому, что масштабного иноземного захвата, как мы его представляем по древнеегипетским источникам, не было. Что эти самые загадочные гиксосы как родные жили в Дельте давным-давно, просто продолжали туда мигрировать в больших количествах. Ну а что такое проблемы иммигрантов – про это нашему современному человеку можно не рассказывать. А тут как раз и ослабление фараоновской власти со Среднего Царства пошло. Вот местные ребята из Дельты и решили – почему бы, собственно, нам не править тут самостоятельно? У нас, мол, вон и вожди видные есть – сильные, умные, загляденье. Чем не фараоны-то?

В принципе, если подумать, то, конечно, вряд ли все сто пятьдесят или сколько там лет в Египте шла война... А с другой стороны – ну не сам же себе Секененра череп раскроил? Видимо, как говорил агент Малдер: «Истина где-то рядом». Хорошие были гиксосы или плохие – да пёс их разберёт. Но польза с них точно была,

и вред, видимо, тоже. Зато в итоге египтяне как-то всё-таки сколотили себе ещё «золотой век» – эпоху Нового Царства.

Ах, эти прекрасные фиванские царицы...

Говоря о становлении Нового Царства, нельзя не упомянуть об одном очень важном аспекте – о роли женщин. Да, про женщин я люблю, так что эту часть Борькиных рассказов слушал особенно внимательно. Так что отдельно записал, что запомнил, о прекрасных и могущественных фиванских царицах, без которых всё восстание Верхнего Египта накрылось бы... жертвенной чашей. Но тут сперва стоит упомянуть в целом о роли женщины в Древнем Египте.

На фоне других древних цивилизаций Египет всегда выделялся в том числе и этим аспектом своей культуры и социума. Ещё античных авторов – в том числе знаменитого «отца истории» Геродота (его даже я хорошо помню) – поражало то количество прав и свобод, которыми располагали египетские женщины. Сейчас такие вещи нам, конечно, кажутся чем-то обыденным. Ну можно развестись, можно получить наследство, плату за свой труд, право голоса, возможность судиться, права на детей, равные с мужем, общие права на имущество. В общем, короче говоря, играть в обществе не номинальную роль «роди детей, свари борщ». Или не борщ, а кашу из полбы... что они там варили. Но по тем временам для многих народов это был ничего себе такой прорыв.

Надо ли говорить, что раз у простых женщин были права (и обязанности, куда ж без них), то и роль царицы в египетском обществе никогда не была чисто номинальной. Более того, в некоторые периоды египетской истории, чтобы стать фараоном, нужно было жениться на царской дочери. Ты сам мог быть царевичем из какой-нибудь побочной ветки или просто хорошим парнем, а если ещё и крутой военачальник какой-нибудь, а не просто хмырь с горы – вообще отлично. Но жена чтоб была царских кровей.

Женщин царской крови берегли «для своих», по идеологическим и политическим причинам. Идеологические – это потому, что они в себе несли искру «божественности» по рождению. Ну, фараоны ж считались детьми богов. А по политическим – они имели реальную власть и играли важную роль в политической и ритуальной жизни Египта. В общем, не зафиксировано ни одного случая, когда египетская царица вышла бы замуж за иностранца и уехала из Египта. Может, кто-то и хотел, но не тут-то было. Принцесс из соседних государств «импортировали» для построения дипломатии, а вот своих царевен Египет «на экспорт» не отдавал. Самим мало. Да и вообще, не заслужили «золотой божественной крови» иностранцы, даже если цари. Самим, мол, мало.

Но вернусь к нашему восстанию. Одним из самых важных имён египетской истории является имя «бабушки египетской революции», царицы Тетишери. Пока младшее поколение подрастало, а Секененра и Яххотеп ещё ходили пешком под царский ритуальный стол, именно она удерживала хрупкий дипломатический баланс и не дала Верхнему Египту провалиться к Апопу. Её супруг, Таа (первый) Снахтенра (я специально записал, чтоб не путать с Секененра), к сожалению, почил до того, как начался основной замес. А может, в том было его счастье. Но как бы там ни было, Тетишери правила Фивами (в то время Фивы назывались Уасет) и Верхним Египтом в непростое для своей страны время. А заодно потихоньку готовила почву для восстания – идея, вероятно, давно витала в воздухе, ну и не сами же её детки это придумали.

У историков есть вопросы, кем приходились Секененра и Яххотеп этой прекрасной даме, матриарху будущей уже свободной династии. Тут можно подискутировать на тему инцестов, а можно вспомнить, что иногда родственниками египтяне, особенно царской семьи,

приходились друг другу дальними, а то и вовсе ритуально. Кто-то из египтологов говорит, что тот же Рамсес Второй, например, мог и не иметь больше ста пятидесяти детей, а «царский сын» и «царская дочь» могло быть просто титулом, не указывающим на прямое родство. Такая вроде как почётная должность. А с жёнами вообще всё сложно. Борька говорит, что, если женщина выполняла множество ритуальных функций для фараона, в том числе, например, во время праздника обновления фараоновской силы, хеб-седа (это прямого-го событие на всю страну), она могла носить тот же титул «Великая супруга царская». А по факту женой в прямом смысле этого слова и не являться... В общем, ша лапу сломит. И мумий нам не хватает, чтоб со всеми родственные связи отследить.

Или вот меня удивило, но слова «брат» и «сестра» в египетском языке означают в том числе и обращение к возлюбленным. Опять-таки это хорошо, если мумия сохранилась, и понятно, кто там кому сестра, а если нет?..

Секененра по генетическому анализу приходится Тетишери родственником – сыном, племянником, двоюродным братом бабушки... В общем, ДНК у них схожие. А вот от Яххотеп мумия не уцелела,

поэтому установить родство сложновато. В её саркофаге вообще какой-то чужой мужик лежал, а саму царицу где-то... потеряли. Хорошо мужик устроился, не поспоришь, да и саркофаг красивый. Но чужой.

Второй царицей – лидером восстания была, собственно, сама Яххотеп. Да-да, это она подняла уже своих сыновей на войну, когда мужа предательски прикончили. Но сыновья – народ такой, вырастают в военачальников не сразу, так что водить народ на войну приходилось самой. И вполне успешно.

Тут я выписал часть посвячительных надписей с её гробницы. Похоже, для египтян это и правда было чертовски важно – просто так абы что они на стенах своих гробниц не записывали.

Она заботилась о солдатах Египта и оберегала их.

Она выдворила предателей из страны и сплотила сомневающихся.

Она умиротворила Верхний Египет и изгнала мятежников.

В отличие от своего любимого мужа, Яххотеп прожила жизнь долгую, успела увидеть начало новой эпохи для своей страны и даже первые годы правления младшего сына (основателя Восемнадцатой династии Яхмоса Первого). Старший сын Яххотеп и Секененра, Камос, при жизни успел нехило вломить гиксосам, но, к сожалению, разделил судьбу отца и поправить толком не успел.

Яххотеп была похоронена с оружием и военными наградами (высшая воинская награда в Древнем Египте – «золотая муха», а у неё таких было аж целых три).

Такие случаи в истории Египта далеко не единичны, просто это один из самых ярких, показательных. Не каждый день же из страны непрошенных гостей выгоняешь, притом что до тебя это больше ста пятидесяти лет никому не удавалось? Ну а если твоя повседневная роль сводится только к варению каши из полбы и к тому, чтоб выглядеть красиво, – то не сильно-то поможешь своим любимым отцу, брату, мужу, сыну. Да чего уж там, даже себе не поможешь.

В общем, это я к чему... Фараоны ценили своих женщин не только за прославленную на весь Древний Мир красоту, но и за массу талантов совершенно иного толка (тут я чего-то размышлялся...). И я их прекрасно понимаю. Скучновато это, красивые глазки и борщ и никаких совместных приключений.

Вот такая наследственность у «моей» царевны. Пожалуй, можно уже ничему не удивляться...

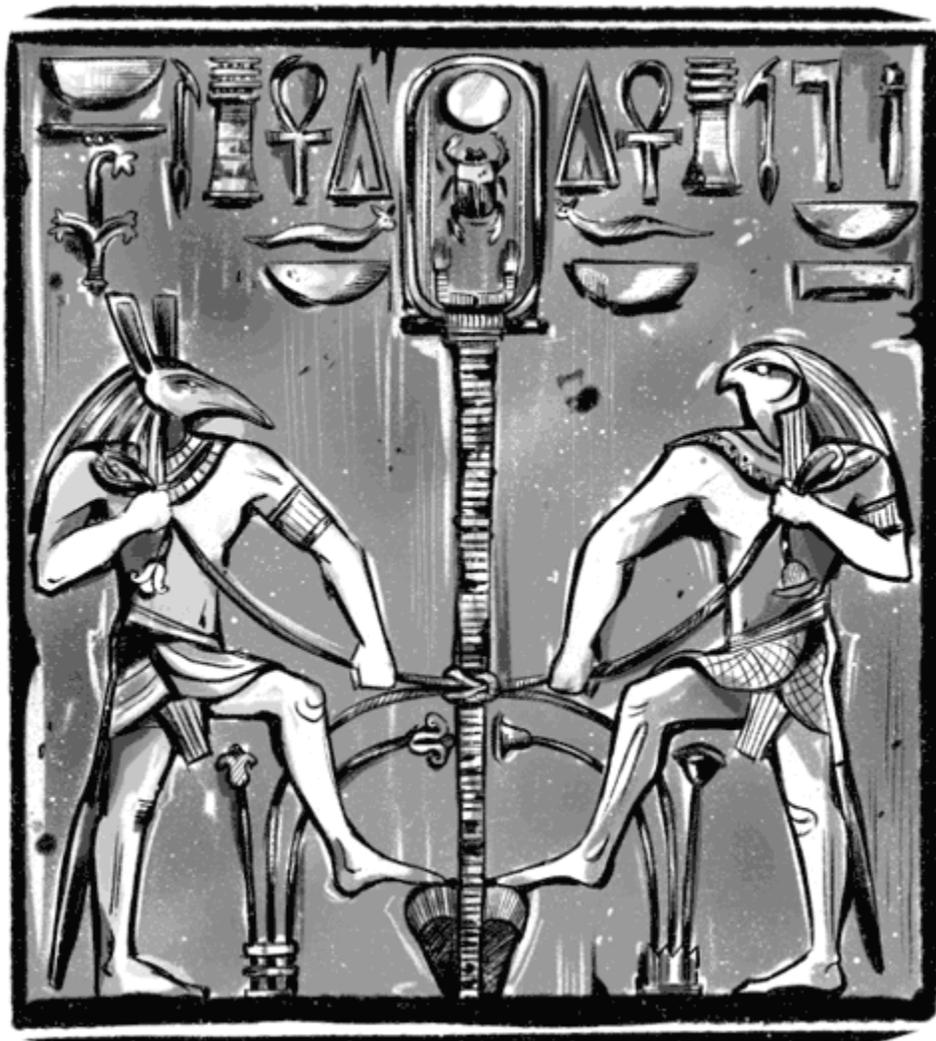
Немного о двухвостых псах и противоречивых божествах

Борька фанатеет от Египта со школы, ну а мне, как большинству наших общих знакомых, проще было с мифами Древней Греции. Там хоть понятно, кто, кого и зачем. А египетскую мифологию понять в детском возрасте трудно... да и не в детском, честно говоря, тоже. Больше двух тысяч богов и несколько тысяч лет истории. Мифы, разнившиеся от региона к региону, от эпохи к эпохе. Когда пришли греки и в Египте наступил период эллинизма, стало попроще. Греки были ребята конкретные и описали богов так же конкретно, на свой лад. При этом, правда, потерялась часть смыслов, и вот, в частности, Сета мы знаем только как «злого брата» из легенды про убийство Осириса. Ему там в конце ещё Хор отомстил в эпичной битве, в отместку за батю.

«Сказка – ложь, да в ней намёк...» Легенд я за свою жизнь прочитал немало и вообще люблю искать во всём скрытые смыслы – даже там, где их совсем не надо искать. Спасибо Борьке, умеет рассказать, что надо, а то у меня терпения не хватит рыться в книгах и статьях, как он умеет. Его, главное, только притормозить

вовремя, чтобы не увлёкся и не начал рассказывать сразу всё, от Нармера до Клеопатры. Потому что, когда он начал рассказывать мне про божеств-покровителей разных регионов, я понял, что у моего мозга попросту не хватает на это оперативной памяти. Но про Сета я всё-таки что-то усвоил.

Во-первых, борьба Хора и Сета символизировала собой борьбу разных регионов Египта. Ещё задолго до греков эти боги покровительствовали двум первым... как бы их назвать-то... протогосударствам, что ли? Городам-государствам... В общем, Хор жил в городе Нехен, а Сет – в городе Нубти. Ну и выясняли периодически между собой отношения. Как говаривали, если не ошибаюсь, римляне, а за ними уже повторяли все кому не лень: «Историю пишут победители». Видимо, в той давней вражде победили сторонники Хора. И где-то там ещё участвовал во всех этих разборках Осирис из не менее древнего города Абидоса... и ещё сколько-то городов, которым было далеко до объединения в один Египет. А кто-то из историков ведёт этот конфликт и дальше и считает, что борьба Хора и Сета символизирует собой постоянные тёрки между Верхним и Нижним Египтом. Но это такой долгоиграющий конфликт, что уже даже не сразу разберёшь, какие ещё боги оказались в это вовлечены...

Во-вторых, с египтянами никогда не знаешь, где у них отражены реальные события, а где – ритуальные. Про ритуальные смерти с последующей трансформацией – это наши древние предки вообще любили завернуть. Соответственно, Сет в известной легенде не просто безыдейно убил брата, а помог этому самому брату стать крутым божеством – богом потустороннего мира. Так что опять-таки, кто хороший, кто плохой... да пёс его знает. Двухвостый.

Самое главное, что я вынес для себя из рассказов Борьки, что Сет – парень непростой. Он же неслучайно войне покровительствовал (но будем честны, ей в те древние времена кто только не покровительствовал!), а ещё пустыне и бурям. И

чужестранцам (наверное, поэтому его гиксосы и полюбили). Но при этом Сет же – один из изначальных защитников власти фараонов, прямо как Хор. И он же – защитник ладьи бога солнца Ра от хтонического змея Апопа. То есть, с точки зрения египтян, без Сета солнце бы не восходило. Весь такой разный, непредсказуемый и противоречивый.

Сами египтяне к Сету относились тоже очень по-разному. Вот, например, в эпоху Древнего Царства жил фараон Хетеп-Сехем-Уи (я не запомнил, я записал вовремя), чьё имя примерно переводится как «Тот, в ком умиротворилась Сила обоих Богов». Собственно, Хора и Сета. И этот Хетеп-Сехем-Уи был такой не один.

В эпоху Среднего Царства у Сенусерта Первого, объединившего страну после Первого Переходного Периода (очередных масштабных разборок, случившихся после конца эпохи пирамид), на статуях Хор и Сет тянут канат... в смысле, совершают ритуал объединения Верхнего и Нижнего Египта.

Потом пришли гиксосы. Они вроде выбрали Сета своим самым любимым божеством, поэтому остальные египтяне к нему, мягко говоря, охладели и в эпоху Восемнадцатой династии старались не вспоминать.

А потом наступила Девятнадцатая династия – та самая, в которую правил Рамсес Великий. И батю его звали Сети, ни много ни мало – «Человек Сета». Он-то своего покровителя явно не боялся. Рамессиды происходили из военной элиты Дельты... то есть, может, даже были родственниками гиксосов (вот это поворот!). И покровителями своей власти они изображали сразу обоих богов – Хора и Сета. Совпадение? Не думаю.

Сложно всё и загадочно... Вот и зверюга на моём кольце загадочная, собака-мутант. Зверь ша, иероглиф ярости. Что такое этот ша, водился ли когда-то в пустыне или был исключительно плодом фантазии древних охотников и собирателей, мы уже тоже вряд ли узнаем. Но всё-таки да, большие всех ша, на мой взгляд, похож именно на нечто собачье, и тут, как Борька говорит, со мной согласны большинство египтологов. Раньше предлагали ещё версии про муравьеда и даже осла – ну никакого уважения.

Что до Сета... Может, в отношениях с ним всё зависело от того, какой стороной он к тебе повернётся? Или ты к нему... И всё-таки,

наверное, чертовски обидно, когда ты – бог-воин, защитник, а тебя называют всё чаще богом зла. Тут уж и правда на всех гавкать начнёшь, особенно если у тебя изначально нрав суровый и на расправу ты скор. Главное, под горячую руку не попасть... Впрочем, он в египетской мифологии не единственный, кто умел как следует гавкнуть. Как я успел узнать от Борьки, собачьих богов в Египте хватало с лихвой, пусть даже теперь на египетских базарах и в Интернете всё пестрит котиками.

Примечания

1

Саккара – селение в Египте в окрестностях Каира, где находится древнейший некрополь протяжённостью в семь километров. Раскопки в Саккаре продолжаются даже в наше время (*здесь и далее прим. автора*).

2

Мастабы (*араб.*) – пер-джет (*др. – егип.*), «дом вечности». Ранний вид древнеегипетских гробниц эпохи Раннего и Древнего Царств. Имели форму усечённой пирамиды, с несколькими помещениями внутри.

3

Эль-Гиза (*араб.*) – город в предместьях Каира, где расположены три знаменитые пирамиды и Великий Сфинкс.

4

Галабея (*араб.*) – национальная одежда, длинная мужская рубаша без ворота, с широкими рукавами.

5

Королевское Историческое Общество – престижная историческая организация Великобритании, основанная во время правления королевы Виктории, в 1868 году.

6

Антропоморфный саркофаг – внутренний саркофаг древнеегипетских захоронений, в который клали непосредственно мумию. Имел форму человеческого тела, с портретом умершего.

7

Турин – город в Италии, где расположен знаменитый Museo Egizio, первый в мире музей, посвящённый древнеегипетской цивилизации. История коллекции восходит к 1730 году.

8

Аменхотеп III – фараон эпохи Нового Царства, 18-й династии. Его правление считается золотым веком и отмечено масштабным строительством храмов, в частности в Карнаке.

9

Луксор (*араб.*) – город в Верхнем Египте, построен на месте древнеегипетской столицы эпохи Нового Царства. Важнейшие археологические памятники, такие как Карнакский храм, Долина Царей, храм Хатшепсут и другие, находятся в Луксоре.

10

Имеется в виду Туринский эротический папирус эпохи Рамессидов.

11

Манефон – древнеегипетский жрец и историк, живший в эпоху правления Птолемея. Автор полноценного исторического труда «История Египта», в трёх книгах. Именно Манефон впервые условно разделил историю Египта на Древнее, Среднее и Новое Царства и

составил список правивших фараонов, которым историки пользуются до сих пор, и ввёл понятие династий.

12

Эпоха захвата Древнего Египта кочевниками-гиксосами, знаменующая окончание Среднего Царства.

13

Восемнадцатая династия – Первая династия Нового Царства, отсчёт которой даётся со времени победы египтян над гиксосами.

14

Гастон Масперо – известный французский египтолог, глава Службы Древностей, проводивший экспертизу царских мумий в конце XIX века.

15

Рамессиды – условное собирательное название для фараонов, правивших в Девятнадцатой и Двадцатой династиях (Сети I, Рамсеса Великого и их потомков).

16

Аллан Квотермейн – самый известный литературный персонаж приключенческих романов Генри Райдера Хаггарда.

17

Генрих Крамер – немецкий монах-доминиканец, автор трактата «Молот ведьм».

18

Ушебти (*др. – егип.*, «ответчик») – небольшие фигурки из камня, дерева или фаянса, часть погребальной утвари. Как правило, они изображали хозяина гробницы со скрещенными на груди руками. Их функцией было исполнять различную работу в загробном мире вместо умершего.

19

ЦЕИ РАН – Центр египтологических исследований при Российской академии наук.

20

Банк Леуми – израильский банк, основанный в 1902 году в Яффо как «Англо-Палестинская компания», дочерняя организация «Еврейского Колониального Траста Лимитеда», созданного ранее в Лондоне членами сионистского движения для продвижения промышленности, строительства, сельского хозяйства и т. п.

21

Бар «Шаляпин» находится в «Метрополе».

22

Тетишери – царица Семнадцатой династии (Второй Переходный Период), бабушка первого фараона эпохи Нового Царства, Яхмоса Первого. Тетишери была одним из лидеров фиванского национально-освободительного движения и активно участвовала в изгнании гиксосов из Египта.

23

Яххотеп – царица Семнадцатой династии, мать Яхмоса Первого. Сыграла важную объединяющую роль при нашествии гиксосов и долго почиталась в народе. Похоронена с оружием и военными наградами.

24

Нефертари – царица Девятнадцатой династии (Новое Царство, эпоха Рамесидов), супруга Рамсеса Великого.

25

Ка – «двойник», мистическая составляющая души в верованиях древних египтян, жизненная и магическая сила.

26

Herend – венгерская фирма-производитель дорогого фарфора.

27

Гарри Гудини – знаменитый американский иллюзионист начала века.

28

Ша – священный зверь бога Сета, а также иероглиф, обозначающий слово «ярость».

29

Электрум – сплав золота и серебра, священный металл древних египтян, использовавшийся для ритуальных практик.

30

Хут-Уарет, Хут-Уар (*др. – егип.*) – город на востоке дельты Нила, столица Нижнего Египта во времена гиксосов. Больше известен под греческим названием Аварис.

31

Уасет (*др. – егип.*) – название четвёртого нома в Верхнем Египте, а также города, более известного под греческим именем Фивы.

32

Хека-хасут (*др. – егип.*) – древнеегипетское название народа гиксосов, дословно – «властители чужих земель».

33

Та-Кемет, Та-Мери (*др. – егип.*) – самоназвание Египта. Дословно – «Чёрная Земля», «Земля возлюбленная».

34

Хапи (*др. – егип.*) – божество Нила и разливов. Сами египтяне не называли свою реку Нилом – это название вошло в обиход позже, от греков.

35

Апопи – исторически считается самым могущественным фараоном-гиксосом. Его имя связано с именем хтонического змея Апопа, противника бога Ра.

36

«One ring to bring them all...» – цитата из Дж. Р. Р. Толкина «Властелин Колец», «Одно кольцо, дабы собрать их всех...».

37

Президент Томас Джефферсон изображён на двухдолларовой банкноте.

38

Четвёртое июля – День независимости США.

39

Тутмос III – знаменитый фараон Восемнадцатой династии (Новое Царство), великий завоеватель. В его правление египетская империя занимала самую большую территорию за всю эпоху правления фараонов.

40

Хуфу – фараон Четвёртой династии (Древнее Царство). Более известен под греческим именем Хеопс.

41

Джосер – фараон Третьей династии (Древнее Царство). Ему принадлежит ступенчатая пирамида в Саккаре.

42

«Суд Фараонов», «Копи царя Соломона» – произведения Хаггарда.

43

Палетка Нармера – одно из иконографических изображений древнеегипетского искусства. Хор Нармер – полупоупендарный

правитель Раннединастического периода. Считается одним из фараонов, объединивших Верхний и Нижний Египет.

44

Нейтхотеп – царица эпохи Раннединастического периода. По одной из версий – супруга Нармера, помогавшая ему объединить Египет, по другой – супруга Хора-Аха, следующего за Нармером фараона-объединителя.

45

Дейр-эль-Бахри – археологическая зона в окрестностях Луксора, недалеко от Долины царей. Там же расположен знаменитый храм царицы-фараона Хатшепсут.

46

Канопы – ритуальные сосуды, в которые помещались внутренние органы, извлечённые при мумификации.

47

Мернептах – фараон Девятнадцатой династии (Новое Царство).

48

Сети Первый – фараон Девятнадцатой династии (Новое Царство).

49

Цитата из Корана, сура «Аль-Хиджр», аяты 26–27.

50

Призыв к обязательной молитве у мусульман.

51

Анхесенамон (Анхесенпаамон) – древнеегипетская царица, супруга знаменитого Тутанхамона.

52

Знаменитый жест Спока из сериала «Star Trek», «Живи долго и процветай».

53

Большой Египетский музей – он же Музей Гизы. Огромный музей, расположенный в 2 км от Гизы, пока ещё не открытый. Здесь будет выставлена самая большая египтологическая коллекция экспонатов в мире.

54

Зал Двух Истин – в древнеегипетской космогонии место в Дуате (Мире Потустороннего), где проходит Суд Осириса над умершим.

55

Кебеху-Нетчеру – одно из древнеегипетских названий комплекса фараона Джосера в Саккаре. Скорее всего, это название, сохранившееся на одной из уцелевших оград, относилось к определённому святилищу, которых во всём припирамидном комплексе было несколько.

56

Джосер Нетчерихет – фараон эпохи Древнего Царства (Третья династия).

57

Яхмос – считается первым фараоном Восемнадцатой династии. Младший сын фараона Таа Секененра и царицы Яххотеп, внук царицы Тетишери.

58

Камос – старший сын Таа Секененра и Яххотеп, погиб в войне с гиксосами.

59

Имеется в виду трактат «Молот ведьм».

60

Ведьма (женщина), подверженная влиянию Дьявола. В трактате упор идет именно на подверженность женщин «порче».

61

Аллан Кардек (настоящее имя – Ипполит-Леон-Денизар Ривайль) – спиритуалист, исследователь паранормальных явлений.

62

Спиритическая доска.

63

«Книга Духов» (фр. «Le Livre des Esprits», 1856), «Книга медиумов» (Le Livre des médiums, 1861), «Евангелие в трактовке духов» (L'Évangile Selon le Spiritisme, 1864) и другие.

64

Уиппл Ван Бюрен Филлипс (1833–1904) – предприниматель, путешественник, дед Говарда Лавкрафта.

65

Меретсегер – «Та, кто любит безмолвие», древнеегипетская богиня, покровительница фиванского некрополя.

66

Отсылка к стихотворению Эдгара Аллана По.

67

«Страна снов», Эдгар Аллан По, в переводе К. Д. Бальмонта.

68

Алан Гардинер – английский египтолог и лингвист, внёсший огромный вклад в изучение древнеегипетского языка. Впервые его знаменитая книга «Египетская грамматика: введение в изучение иероглифов» была издана в 1927 году.

69

Сенусерт Первый – фараон эпохи Среднего Царства, один из основателей Двенадцатой династии.

70

Лишт – посёлок в Египте, где находится пирамида Сенусерта Первого.

71

Захи Хавасс – пожалуй, самый известный египетский археолог и историк, популяризатор истории и культуры Древнего Египта. Бывший генеральный секретарь Верховного Совета Древностей Египта.

72

Hilton Ramses – пятизвёздочный отель в центре Каира.

73

Хетты – один из народов Малой Азии, враждовавший с египтянами в эпоху Нового Царства. Кадеш – древний город-крепость в Леванте, где состоялась знаменитая битва между хеттами и египтянами под предводительством Рамсеса Великого.

74

Нут – древнеегипетская богиня неба.

75

Устаза (*арабск.*) – уважительное обращение к хорошо образованной женщине, особенно к женщине с учёной степенью.

76

Пятизвёздочный отель в Гизе с видом на пирамиды.

77

Вина чешского региона.

78

Снофру – фараон эпохи Древнего Царства, основатель Четвёртой династии, отец Хуфу. Ему принадлежат пирамиды в Дахшуре.

79

Хуни – фараон эпохи Древнего Царства, Третья династия. Предшественник Снофру. Ему принадлежит пирамида в Медуме.

80

Тети – первый фараон Шестой династии (Древнее Царство).

81

Пепи (Пиопи) – это имя носили два фараона Шестой династии.

82

Унас (Унис) – фараон Пятой династии (Древнее Царство), предшественник Тети.

83

«Тексты пирамид» – древнейший образец древнеегипетских религиозных заупокойных текстов.

84

Одно из основных тронных имён Апопи.

85

Древнее празднество Хеб-Сед – серия ритуалов, призванных возобновлять силу фараона. Согласно исследованиям, Хеб-Сед был также празднованием, ритуально связывающим и объединяющим Верхний и Нижний Египет под властью одного царя. У пирамиды Джосера находится древний двор для хеб-седных празднований, который использовался и последующими фараонами.

86

Птаххотеп – визирь фараона Пятой династии Джедкара Исеси (Древнее Царство). Оставил после себя литературные произведения, к которым египтяне обращались на протяжении многих веков. «Поучения Птаххотепа» дошли до наших дней.

87

Серапеум в Саккаре – религиозное сооружение, место погребения священных быков египетского бога Птаха. Бык Апис считался земным воплощением Птаха.

88

Огюст Мариет – знаменитый французский египтолог девятнадцатого века, основатель и первый руководитель Египетского музея в Каире.

89

Джеймс Джордж Фрэзер – британский антрополог, культуролог, религиовед. «Золотая Ветвь», его монументальный труд по исследованию первобытных верований, мифологии и магии, состоит из двенадцати томов. Современные учёные в основном уже отрицают теории Фрэзера.

90

Хамсин – сухой горячий ветер, приносящий сезонные песчаные бури.